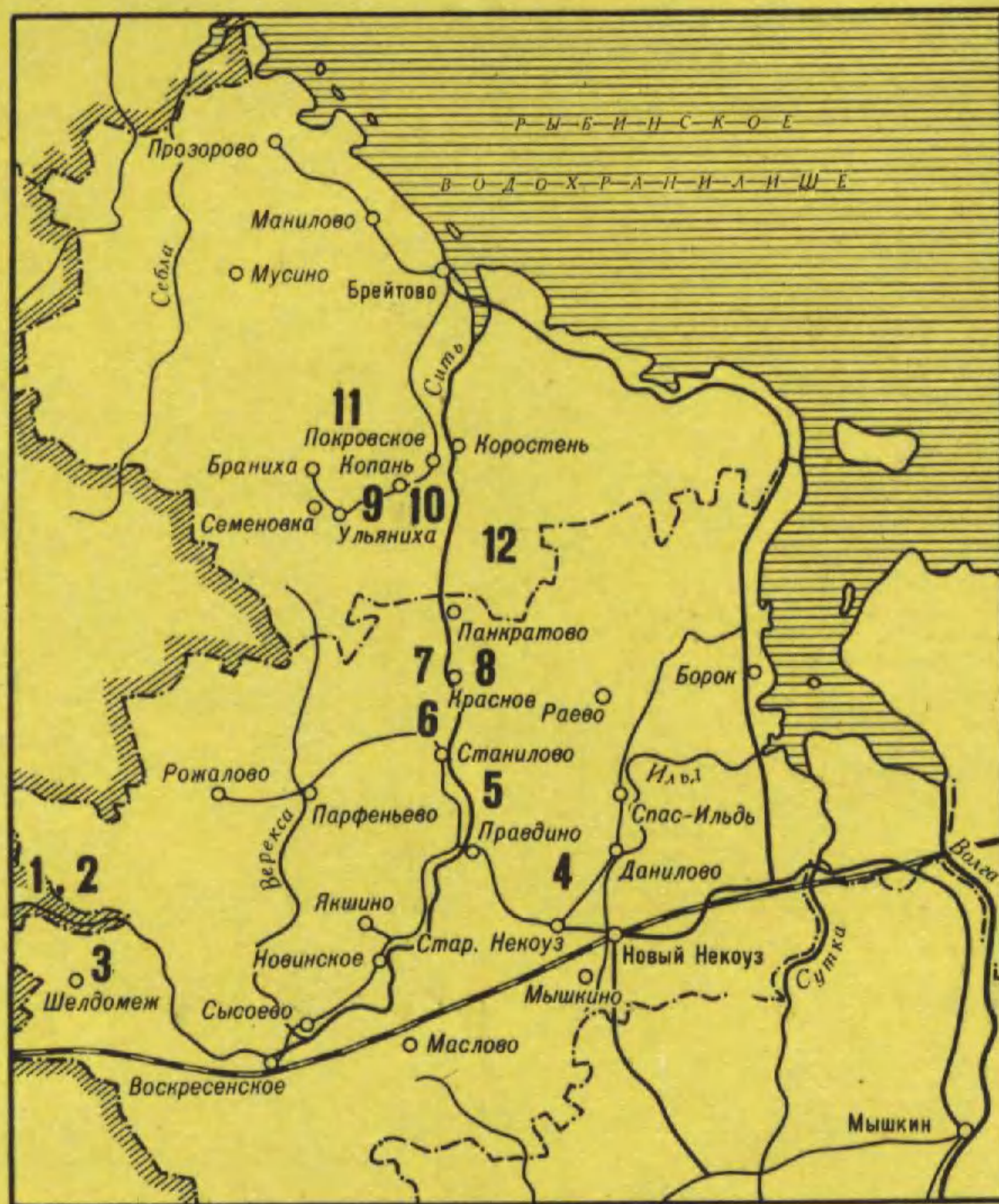

ПО РЕКЕ
СИТЬ

Поправка: на карте цифры 10 и 11 следует поменять местами.

46909

1. Часовня в деревне Кривоногово. Конец XIX в.
2. Церковь Покрова в селе Божонка. Конец XIX в.

3. Останец Собора Богоматери в селе Шёлдомежь
4. Наличник дома в деревне Дубинино. Начало XX в.

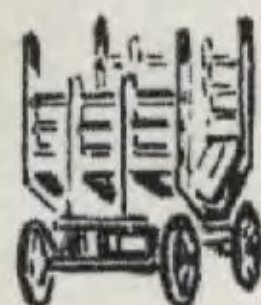
5. Дом в деревне Раково. Середина XIX в.

6. Церковь Преображения в селе Станилово. Фрагмент. Конец XIX в.

7. Памятник Ситской битве у деревни Лопатино. 1980. Автор Б. В. Бухта
8. Дороги с решетками

9. Деталь наличника дома Амбросимовых. Начало XX в. Деревня Копань
10. Прялки-башенки. Середина XIX в. Деревня Городище

11. Навершие пидястры. Деревня Змазнево
12. Церковь Введения в селе Байловском. 1797, перестроена в конце XIX в.

ПО РЕКЕ СИТЬ

В. А. ГРЕЧУХИН

МОСКВА
•ИСКУССТВО•
1990

Рецензент
А. И. Скворцов

Г 4901000000-116 54-90
025(01)-90

ISBN № 5-210-00305-1

© Издательство «Искусство», 1990 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	7
1. ПРОШЛОЕ СИТСКОГО КРАЯ	9
Археологические свидетельства о жизни древних племен на берегах Сити (9). Ситские земли — северо-западная окраина Владимирского княжества (10). Ситская битва и предания о ней (11). Удельные княжества Ситское и Прозоровское (14). Сицкари (15).	
2. ВЕРХОВЬЕ	16
Сонково — «ворота» в Сить (16). Исток Сити (17). Усадьба в Петровском (19). Церковь в селе Задорье (20). Село Горка (23). Часовни в деревнях Кривоногово и Турчаниново (25). Село Божонка. Церковь Покрова (33). Памятник в честь Куликовской битвы (36).	
3. ВОЛОТЕЯ	37
Пейзаж Болотеи (37). Шёлдомежь. Церковь Воскресения. Собор Богоматери бывш. Шестаковского монастыря (38). Деревни Соловцы, Могилицы, Филипово (43). Село Воскресенское (44).	
4. НА СРЕДНЕЙ СИТИ	47
Церковь Троицы в селе Сысоеве (47). Новинское (Новое) — поместье А. В. Сухово-Кобылина (50). Церковь Иоанна Предтечи в селе Колегаеве (53). Деревня Родная. Дома Шашуновых, Коргиных, Барышевых (54). Деревня Щербиново (56). Амбар — образец традиционного сельского строительства (57). Сить в среднем течении (58). Часовня в деревне Правдино (60). Церковь Покрова в селе Правдине (61). Село Старый Некоуз (62). Церковь Дмитрия Солунского в селе Дмитриевском (65). Церковь Преображения в селе Спас-Ильдь (67). Часовня в деревне Раково (72).	

5. СИЦКАРИ	74
Внешние особенности, характер сицкарей (74). Древний промысел — судостроение (75). Плотническое дело (78). Образ жизни, занятий в старину (82). Исследователи о происхождении сицкарей (83). Село Станилово. Церковь Преображения (84). Дома сицкарской работы в деревнях Рубцово и Солоцково (89). Часовня из деревни Юрьевское (89). Церковь Троицы в селе Красном (90). Памятник Ситской битве (92). Село Панкратово (94).	
6. СТРАНА СИЦКАРЕЙ	96
Сицкая земля (96). Сицкари сами о себе (97). Современный быт сицкарей (99). Старый и новый типы домов (101). Традиционное в творчестве сицкарей (104). Сицкая прялка (115). Домашняя утварь и мебель (119). Пропильная домовая резьба (124).	
7. К НИЗОВЬЮ	132
Церковь Введения в селе Байловском (132). «Пожарка» в деревне Копань (136). Церковь Архистратига Михаила в селе Семеновском (136). Церковь Покрова в селе Сить-Покровском (138). Брейтово (142).	
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	144
ПРИМЕЧАНИЯ	145
СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ	146
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	150

Сить — река небольшая. Едва полтора ста километров все ее течение, от истока в Сонковском районе Калининской области до впадения в Рыбинское «море» в Ярославской области. Река невелика, но известна. Каждый хоть раз, но слышал о ней. Обязательно слышал еще в детстве — в картах школьной истории СССР есть ее название. Обозначена она там крохотной ниточкой и отмечена значком из скрещенных мечей и датой — 1238 год. Весной 1238 года прогремела Ситская битва, последнее сражение, решившее судьбу Северо-Восточной Руси.

Невелика река Сить, но велики ее тайны. И первая из них — кровавая Ситская битва. С давних пор до сегодняшнего дня спорят о ней многочисленные ученые, краеведы, фольклористы и бесчисленные любители русской истории. Спорят о многом: какие силы участвовали в битве, где она проходила, кто из князей пал в сражении, где был похоронен. Некоторые спорят даже о том, была ли битва!

Спорить есть о чем: знаменитое сражение русской древности, как, пожалуй, никакое другое, описано скудно и даже противоречиво, время закрыло события далекого мартовского дня, и его глухую завесу, словно далекие зарницы, лишь неясно освещают местные предания, легенды и малые светлячки истинных фактов.

Вторая тайна Сити — это сицкари. Сотни лет отмечалось, что тут обитает якобы какая-то особая на-

родность, весьма отличная от коренных русичей, хорошо осознающая свою особость и живущая своим небольшим миром и любопытным укладом.

В XIX веке часто раздавались призывы выяснить происхождение сицкарей, пока еще не поздно изучить их быт, язык, устное творчество. Но сицкари так и не дождались своего «Колумба» и незаметно год за годом утрачивали самобытность. Некоторые этнографы и языковеды считают, что еще не все потеряно, что еще многое из особенностей сицкарей живо и по сейчас и тайну их раскрыть нам по силам. Может быть... Но пока она есть.

Когда-то были здесь удельные княжества, старинные знаменитые дворянские роды облюбовали когда-то эти берега, интересное деревянное строительство славит здешние места, яркое и романтично мир сицких преданий, и все это страницы, на которых прочитано отнюдь не все, где занимательная явь переплетается с манящей неизвестностью.

И, наконец, Сить — милая деревенская красавица, достойная любви и признания уже за это.

Многих привлекает Сить. И меня тоже. Десятки раз бывал я на ее берегах — и один, и с ребячьими экспедициями, ведущими поиск вещественной старины для музея. С годами я узнавал о Сити все больше. И мне все больше хотелось поведать о ней. Хотелось, чтобы зазвучал голос народной памяти, легенд и преданий, хотелось рассказать о том, какова сейчас жизнь на исторической реке, известной в летописях и книгах лишь памятью горького поражения, о ее людях и селениях, которые мне милы и понятны. И я стал писать.

И как же счастлив я был, когда впервые взялся за перо именно тут, на берегах Сити, во время одного из странствий по этой реке. Как славно было сознавать, что мне есть что рассказать людям из того, что я собирал по ее деревням и селам, что я нашел в книгах и документах, что понял и почувствовал в дни и ночи, проведенные здесь. Я начал писать... И хочу надеяться, что эта книжка будет интересна моим читателям, моим дорогим современникам, что она донесет до них хоть малую часть прелести этих мест, одного уголка нашей родины — России.

1. Прошлое Ситского края

Настоящее — последний день прошлого.

Д. Лихачев. Беседы о далеком и близком.

Приезжая в места, издревле обжитые, всегда хочется узнать их прошлое, проследить тропку истории от первых поселенцев до дня сегодняшнего. Первых поселенцев Сити археологи усматривают уже в каменном веке. Находки того времени на Сити не часты, но хорошо известны.

Известны и места поселений «железного века», предков древних финнов. Из них самые примечательные и хорошо сохранившиеся — городища нижней Сити: у деревни Городище, возле сел Семеновское и Сить-Покровское.

Славянский период истории края оставил многочисленные памятники — селища и могильники встречаются по всей Сити, особенно в ее среднем течении и в низовье. Ситские курганы, к сожалению, не слишком хорошо изучены. С XIX века они постоянно привлекали внимание бесчисленных кладоискателей, а потом и археологов-любителей, и большинство их раскопано еще задолго до революции.

Крестьянские сохи и плуги тоже снесли немало древних могил. А прежде курганы были многочисленны, даже в не столь уж обжитом верховье Сити, у Божонки, курганы насчитывались сотнями. Есть еще они и сейчас: начиная с Божонки и Могилиц, где сохранились исполинские курганы, до деревни Иван Святой в низовье реки, где отмечен последний одинокий курган.

Семеновское городище

Древние славянские и дославянские кладбища были особой чертой ситского пейзажа. Островки соснового леса среди полей — это непременно курганные группы, пока обойденные распашкой. Сейчас их совсем немного, могильники уцелели лишь у самой реки, по овражистым местам, на береговых кручах, во дворах жителей ситских деревень. Они говорят о том, что в X—XIII веках здесь жили наши предки, издавна облюбовавшие ситские берега.

Средняя Сить и нижняя в то время входили в Ярославское княжество Владимиро-Суздальской земли. Здесь образовался первый удел Ярославского княжества — княжество Мологское. Большинство деревень верхней Сити входило в Угличское княжество, обширный и богатый удел Владимирщины. А самый исток Сити относился к Бежецкой пятине Великого Новгорода.

Сить — глухая северо-западная окраина Владимирской земли, и, наверно, не довелось бы ей попасть на страницы русской истории, если бы в здешних лесах и на болотах не прогремела в 1238 году Ситская битва. Давнее сражение стало главным событием истории Сити, оно начисто заслонило многое другое. Отзвуки древней трагедии до сих пор живы в сотнях преданий, в местных названиях, в истории церквей и часовен, чаще всего своим происхождением связанных с далекими боевыми событиями.

Битва стала главной достопримечательностью Сити и ее трагической загадкой. Многих специалистов и любителей истории привлекает она. И нам не обойти молчанием эту далекую беду, рассказывая о Сити. Цель наша заключается не в подробном повествовании о несчастном событии давнего времени, а в том, чтобы рассказать, как старинная военная тема ярко

отразилась в памятниках истории и культуры, в особенностях быта, в самосознании жителей этих мест.

После сражения под Коломной, после взятия Владимира татары разлились по всей стране, как огненная река. «Ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городец, и ти плениша все по Волге, даже и до Галича Мерьского, а ини идоша на Переяславль и то взяша и оттоле всю страну и гради многи плениша, даже и до Торжку, несть места, ни вси, ни сёл, тацех редко, иде же не воеваша в Суздальской земле, и взяша городов четырнадцать, опричь свобод и погостов, в один месяц февраль»¹.

Горела и гибла в злую зиму 1238 года вся Северо-Восточная Русь, и не было места, где владимирцы могли бы хоть на какое-то время остановиться и собрать силы. Не было места надежней ситской окраины, дальних владений у новгородского рубежа.

Все летописи согласно говорят о появлении великого владимирского князя Юрия Всеволодовича на Сити и сборе им тут военных людей. Взяв Владимир, татары «погнаша по Юрьи по князи на Ярославль»². Гонец из Владимира, прискакавший к князю на Сить, сообщил: «Владимир взят... а избывшие люди к тебе идут»³.

Кроме «избывших людей» на Сить пришли со своими дружинами брат великого князя Святослав Всеволодович, князь Юрьевский, и племянники Юрия Всеволодовича — Василько Константинович, князь Ростовский, Всеволод Константинович, князь Ярославский, Владимир Константинович, князь Угличский.

А война, как огонь по траве, растекалась по северо-восточным землям. «Татары города мнози поплениша, Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь»⁴. Новгородская земля, бывшая в тылу владимирского войска, после взятия Твери становилась опасной стороной. «Князь же Юрьи посла Дорожа... в трех тысячах муж...»⁵. Летописи добавляют, что послал «пытати татар»⁶.

Дорожа называют еще и Дорофеем Семеновичем. Это один из немногих известных участников Ситской битвы. У села Божонки, в верховье Сити, его люди первыми «пили смертную чашу», встретившись с татарами. Уцелевшие в первом бою успели вернуться к главным силам. «И прибежа Дорож и реч: а уже, княже, обошли сут нас около татары»⁷.

*Курганы «Три брата»
возле села Семеновского*

А потом? Об этом уже не первую сотню лет спорят историки. Сейчас все больше утверждается мнение, что владимирские рати, стоявшие по разным деревням и селам, не успели собраться воедино и каждая приняла бой и смерть там, где стояла лагерем.

Ситские предания особо выделяют села Божонку, Могилицы, Колегаево, Станилово, Семеновское, Сить-Покровское, деревни Юрьевское, Игнатово, Городище, а также ручей Войсковый как места главных боев, прокатившихся один за другим. Историки полагают, что силы владимирцев были довольно значительны, называют от пятнадцати до сорока тысяч бойцов. Битва даже при неудачном расположении полков была впечатляющим военным событием.

Летописец краткими словами скорбно закончил рассказ: «К вечеру одолели безбожные... побегоши перед иноплеменники». И горестным завершением старин-

ного повествования звучит последняя строка: «Убиен бысть великий князь Юрий Всеволодович на реце на Сити и вои его многие погибоша»⁸.

Жители Сити указывают два предполагаемых места гибели князя Владимирского: у деревни Юрьевское или у села Сить-Покровского. Особенно много преданий о битве связывается с селом Покровским. Привлеченные ими археологи не раз тревожили покой здешних курганов и городищ, надеясь отыскать захоронения ратников 1238 года.

Больше всех повезло Н. П. Сабанееву. Его раскопки у Сить-Покровского и Семеновского дали находки раннего русского средневековья — XIII века, причем с явными признаками того, что похороненные здесь люди принимали участие в жестоких боях. На костях погребенных видны следы ударов холодным оружием. Перерубленные кости, отделенные руки, черепа с сильными проломами и рассеками. У некоторых — ножи между ребер. И ранее, до больших раскопок, кости и оружие на полях попадались часто. У деревень Змазнево и Давыдовской не раз находили древние наперсные кресты, наконечники копий, топоры. Скорбный посев в здешних полях оставила давняя битва.

После 1238 года летописных свидетельств о Сити не встречается до XIV века. В XIV веке здесь создается свое феодальное «государство» — удельное княжество Сицкое. Это говорит о немалом уже населении в то время в этих местах.

Владетели княжества князья Сицкие оставили заметный след в истории средневековой Руси — известно их участие в походах, войнах, посольствах, дворцовых интригах. Все Сицкие — верные слуги Москвы. Борис Семенович Сицкий погиб в 1445 году под Суздалем в сражении с татарами. Федор Петрович — известный воевода, отличившийся в боях с татарами и литовцами. Уже стариком попал он в плен к литовцам под Стародубом. Немало храбровали Сицкие в Ливонскую войну. А наибольшего возвышения они достигли тогда, когда князь Василий Андреевич Сицкий породнился с самим Иваном Грозным, женившись на его свояченице, сестре царицы Анастасии. «Но это высокое счастье впоследствии обратилось в гибель всему роду Сицких при царе Борисе Годунове»⁹. И род Сицких вскоре угас.

Самое низовье Сити с селами Брейтово и Прозоровское тоже было отдельным феодальным государством, удельным княжеством Прозоровским. Центр княжества — Прозоровское — был не на Сити. Обособленность этого удела была сравнительно недолгой и менее ощутима теперь в жизни населения этих мест. А для территории, входившей в княжество Сицкое, удельная обособленность сказалась в самобытном характере жизни здешних селений.

Самобытность, отличия в говоре, быту, занятиях выделили население этой части Сити в некую особую этническую группу. Таинственные сицкари, которыми интересовались многие историки и этнографы прошлого, любопытны и для современных исследователей. Мы расскажем о сицкарях, славных строителях, добрых и честных людях, чей жизненный уклад основан на трудолюбии и чистой совести.

Сицкари — самая яркая страница истории края в XVII—XIX веках. Впрочем, особость судьбы края проявлялась и позднее. Так, историкам, занимающимся периодом революции, революционным творчеством народа, хорошо знакомо создание в низовье Сити в 1918 году Брейтовской республики. В ближайших городах народная власть тогда еще не была установлена. А в селе Брейтове крестьяне уже заявили об установлении советской власти и создании своего советского «государства» — Брейтовской республики. Она имела свой Совет народных комиссаров, свои бланки деловых бумаг, печать. Республика активно участвовала в установлении советской власти в соседних уездах, посылала туда агитаторов и вооруженные подразделения. В народном музее Брейтова можно узнать о ней довольно много.

Здесь край может быть интересен и для тех, кому любопытны коллективные дела сельских жителей.

Он достоин внимания как исследователей, так и многочисленных туристов. Он достоин сохранения достопримечательностей и создания своего музея под открытым небом — музея строительства и быта сицкарей. И хорошо, если его будущие создатели не станут копировать уже имеющиеся подобные центры. Ситский край имеет своего лица не общее выражение, и эту неповторимость нужно сохранить.

2. Верховье

...Мы имеем в виду доставить полную картину края занимательного, как видно, во многих отношениях для просвещенной любознательности.

А. Преображенский. Приход Станиловский на Сити Ярославской губернии, Мологского уезда.

Если туристы и другие немногочисленные пока гости Сити желают иметь о ней возможно более полное представление, то они стараются повидать ее всю. Одни выбирают путь снизу вверх, другие начинают его от истока.

Мы предлагаем идти с верховья реки. Этот путь более согласуется с постепенным узнаванием жизни Ситского края и его прошлого. Он помогает «прочитать» Сить, как книгу, с первого листа до последнего, а не наоборот. Да и разве читается наоборот какая-нибудь книга?

Для того чтобы попасть в верховье Сити, нужно сойти с поезда на станции Сонково железной дороги Бологое — Рыбинск. Сонково — районный центр Калининской области, маленький и тихий, несмотря на то, что мимо его перронов то и дело гремят поезда, идущие на Москву, Ленинград, Горький, Куйбышев.

Сонково — как бы ворота в Сить, а точнее — ее прихожая. Внимательный взгляд, конечно, заметит и бывшие купеческие особнячки, неплохо вписавшиеся в облик райцентра, и современные большие дома, которым строители пытались придать истинно городскую значимость, и провинциально забавное желание поселка быть совершенно отличным от деревни и все-таки деревню немало напоминающего.

С высокого перехода через железнодорожные пути видна большая часть Сонкова. Отсюда открывается

не частая в наше время картина: группа паровозов на запасных путях. Эти «живые мамонты» вчерашнего дня техники славно смотрятся. Одни мирно дремлют на путях, меж шпал которых прострелила молодая трава, другие трудятся, отапливая станционное хозяйство. И все они словно часть некоего музея под открытым небом.

А в центре поселка, возле вокзала, ваше внимание привлечет памятник здешнему уроженцу, дважды Герою Советского Союза В. И. Андрианову. Памятник довольно давний, из тех, что поставлены сразу после окончания Великой Отечественной войны и отразили колорит эпохи, торжественность победы и молодость ее героев.

Отсюда по длинной улице Ленина идти вам на Сить. Мимо домиков окраины, что в большинстве крыты дранкой, а есть даже и вовсе деревенского облика. И потому не без улыбки прочтете на одном из домов — «Проспект Ленина». «Проспект»... Ну что же, стремление к значительному, видимо, явление неплохое, тем более если выражено так простодушно.

«Проспект» незаметно переходит в дорогу среди полей. Она асфальтирована, есть движение автобусов на Бежецк. Но до Сити недалеко, можно дойти пешком. Вот и Сабурово, селение, упоминаемое во всех старых публикациях об истоке Сити. Впрочем, публикаций немного, они кратки и противоречивы. Сить долгое время считалась неизведанной рекой, и маленькой тайной был уже ее исток.

Самый первый исследователь Сити, академик М. П. Погодин, изъездил весь восточный край Тверской губернии, «чтобы найти реку Сить в натуре»¹⁰. Нам куда легче, чем Погодину. Вот чистенькая зеленая улица Сабурова позади, и тут ныряет под мостик дороги маленький ручеек. Это и есть главная река довольно большого края.

А где ее исток? Погодин писал, что тут и есть источник, дающий начало реке, и тут он «выпил из него воды в память Великого князя Юрия Всеволодовича и воев его, от татар побиенных»¹¹. Нет, до настоящего истока еще идти и идти. Сперва по удобному шоссе, мимо вала и старых деревьев погоста Благовещение.

Здесь — первый мосточек на реке, он из трех бетонных колец, поставлен удачно. Речка тут, побольше

метра в ширину и полметра глубины, радуется чистотой и прозрачностью. Кто-то удовлетворится тем, что был на первом мосту, в двух километрах от истока. Кто же пожелает увидеть само рождение реки, может до него дойти — оно за перелеском у опушки.

От Сабурова можно идти над рекой старой Бежецкой дорогой, а потом верхами холмов. У впадения в Сить речки Лиханки стоит деревня Струбищи. Жители связывают ее название с первыми здешними срубками (по-местному — струбами). Еще в 50-е годы здесь можно было видеть редкостные дома, построенные в первой половине XIX века. Каждый дом стоял вдоль улицы, состоял из двух изб, зимней и летней, двух сеней и клетки для конюшни. Сзади примыкал обширный двор. С улицы в высокий дом вели две лестницы в два крыльца. По обширной округе верховья застройка Струбищ почиталась самой старообразной. Сейчас селение обновилось, но есть еще два рубленых дома, чьи бревна не знали пилы. Глянешь на их кряжеватую стать — и невольно подумаешь: вот уж, действительно, срубщицы (струбищицы).

От Струбищ лучше идти правым берегом. В просторах полей широко, вблизи и вдали стоят стога. Что-то живое в их тяжелом наклоне, некая молчаливая значительность, монументальность. Стога среди полей — это зрелище много скажет человеку, умеющему ценить скромные картины родины. Одному оно напомнит строки Майкова и Фета, другому — собственное детство, а у третьего, и не жившего в деревне, вдруг отзовется странной сердцу знакомостью. Уж не голос ли это наших сельских предков звучит? Не их ли жизнь среди полей и лугов, не их ли вековые чувства отозвались в душе потомка?

На пути — деревня Ястребиха. Здесь тоже сохранилась старинная рубленая изба. А впереди за полями, у края небольшого лесочка, сельское кладбище с густой травой, березами, крестами и оградками. Это остаток малого села Денисова. На сельском кладбище нет примечательных памятников, но все же оно любопытно. Входишь в его ограду — и оказываешься в мире тишины, заботливой любви к памяти ушедших, признаков трогательного стремления сделать «как можно лучше» тихий погост.

Лавочки у оградок, лавочки в оградках, столики. Все сделано с большим старанием, цветы посажены

во множестве, по-деревенски, с некой детской склонностью украсить дорогой сердцу уголок. На столиках — конфеты, медовые пряники, цветы в кувшинах. По приношениям близких ползает добродушный шмель, птахи бойко пробуют пряники, бабочка опустилась на стол. Все эти дары — им и памяти ушедшего человека. Редко где теперь увидишь такую живость старых народных понятий об отходе человека в мир земли, воды, неба, трав. Редко где они дошли до нас в такой первозданной, наивной естественности.

Тихо на кладбище. Лишь ветер шумит листвою, щебечут птички, деля угощение на столах, греет солнышко. На калитке ближайшей оградки не очень умело, но любовно вырезанная лошадка. Скачет лошадка...

Состояние кладбищ, состояние могил близких, пожалуй, сильнее всего говорит о нравственности, а в конечном счете о моральном здравии народа, нации. И здесь, в сельской безвестности, повстречав место, где любовь к ушедшим, память о них выражены так простодушно, чувствуешь, что ближе понимаешь свой народ, его деревенское начало. И испытываешь признательность к здешним, незнакомым тебе сельским людям.

А дальше Сить покажет вам холмистый привлекательный пейзаж, цепочку маленьких деревенек, соединенных стежками-путиками, и остатки дворянской усадьбы. Это будет в Петровском.

Застройка усадьбы довольно поздняя, конца XIX века, но поглядеть тут есть на что. Любопытна уже планировка усадьбы: барский дом на вершине холма, а у подножия холма, по кругу, — хозяйственные постройки. Их крыши оказались на уровне цоколя барского дома. Дом сильно перестроен, сейчас здесь сельская больница. А остальные постройки изменились меньше. В своей простоватой добротности великолепна огромная конюшня, амбар удивляет несокрушимо мощными кирпичными стенами. Очень живописен большой корпус, вмещавший людскую и сыроварню. Он сооружен на склоне горы и, начавшись одноэтажным, непринужденно переходит в двухэтажную постройку. К стенам его вплотную подступил лес и даже протянул ветви в окна.

Конечно, в усадьбе есть парк. Парк неожиданно мрачноватый, глухой, сильно разросшийся. Он широ-

кой полосой отделяет усадьбу от села. Парк столь дремуч, что и не верится в нахождение рядом многолюдного села с большой дорогой. Кажется, что уж за ним-то — непроходимые дебри и край света. Ели, дубы, вязы, изредка липы сомкнулись кронами, переплелись сучьями, великанами поднялись над заглохшими дорожками. Планировка уже почти не ощущается, бродишь наугад, ожидая любых неожиданностей. И вот одна из них — большой высыхающий пруд. От него с громким треском крыльев поднимаются утки. Вспоминая рассказы жителей о последнем владельце имения, охотившемся в здешних лесах, думаешь, что сейчас он вполне мог бы охотиться в парке.

В селе за парком мало примечательного, разве что уцелевшее здание помещичьей конторы да дом помещика д'Огильви, перенесенный сюда из Божонки. Но при переносе дом претерпел слишком большие изменения.

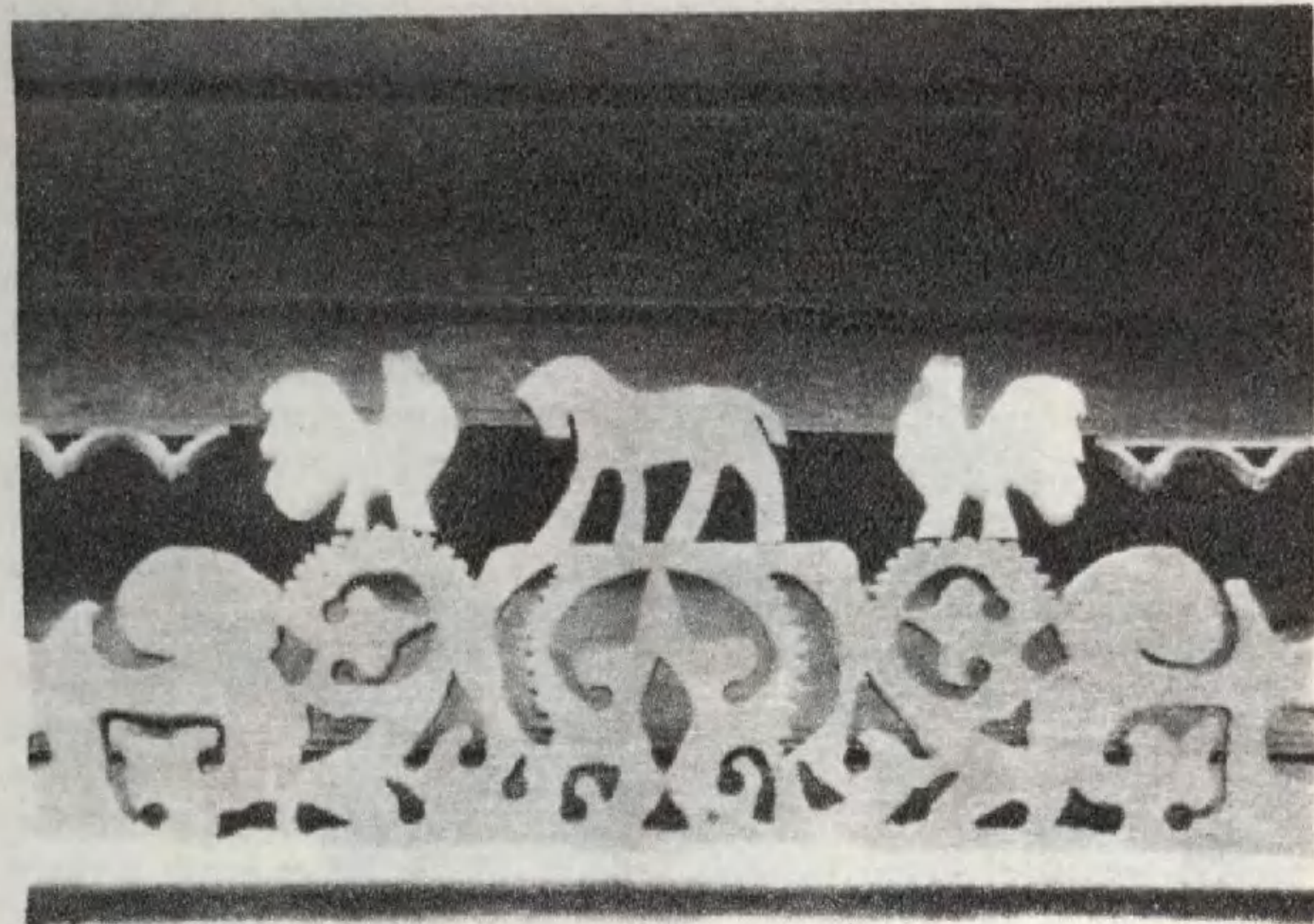
В недалекой отсюда деревне Литвиново немало старинных крестьянских домов, живущих вторую сотню лет. Есть и новые постройки, в которых нынешние строительные приемы не спорят с вековым крестьянским желанием украшать построенное, делать его не только надежным, но и приятным глазу.

Вот новый дом с забавными наличниками. С краев кружевного наличника голосистые петухи перекликаются, а в середине наличника стоит лошадка и как бы их слушает. Деревенский пастух Анатолий Федорович Поляков украсил свой дом чуть ли не символами своего труда. «Пасу от петухов до петухов, а с лошадкой пастух неразлучен!»

Новое декоративное оформление ситских домов очень созвучно картинам здешней природы и крестьянского труда.

Заливные луга с пасущимися лошадьми, с жеребятами, весело носящимися по уволью, с тропочками, цветущим разнотравьем не оставят путника равнодушным. Местность напоминает Северные Увалы на Вологодщине. Деревеньки все на холмах и хорошо видны, издали кажут свои колокольни церкви сел Задорье и Горка, стоящие чуть в стороне от Сити. Побывать там стоит.

В Задорье церковь Вознесения построена по обычной для ситских церквей композиции. На одной оси распо-

*Навершие наличника
дома Поляковых
в деревне Литвиново.
Конец 70-х гг. XX в.*

ложены первоначальный двусветный четверик, увенчанный круглой ротондой, и пристроенная к нему с западной стороны одноэтажная трапезная (или, как здесь говорят, зимняя церковь), а к ней прилеплась колокольня. Всего лучше храм воспринимается издали.

Несмотря на утраты, его значение в пейзаже все еще очень велико. Вблизи здание несколько проигрывает и от тяжеловесности некоторых деталей, и от плохого состояния. Впрочем, при осмотре вблизи возможны и приятные сюрпризы. Так, запоминается рисунок дверных петель — огромный стилизованный наконечник копья или стрелы. Старинный мотив, используемый в кованом металле с XVII века, имеет здесь особую интерпретацию, которая живо связывается с поисками «древнерусских» образов в конце XIX — начале XX века.

*Церковь Вознесения
в селе Задорье*

Неожиданностью деталей и их чисто народным сочетанием удивит дом причта, включенный в церковную ограду столь непринужденно, что первый кирпичный столб ограды выходит как бы из стены дома. Строители наивно и смело применили в этой кирпичной постройке классический фронтон с круглым окном в центре, увенчав им триаду окон в килевидных очельях, добросовестно повторяющих русские средневековые образцы. Кроме фронтона от классических деталей тут и тяги, и пилястры, неожиданно подходящие под пяты килевидных очелий. Все декоративные элементы выделены крупно, рельефно, и фасад дома оказался весьма необычным для села. В погожий день игра света и тени, разностильность элементов декора, сочная кирпичная кладка создают интересный образ, запоминаются. Здешний дом причта один из самых любопытных на Сити примеров того, как народный

строитель пользовался ордерными деталями, по-своему осмысливая их сочетание.

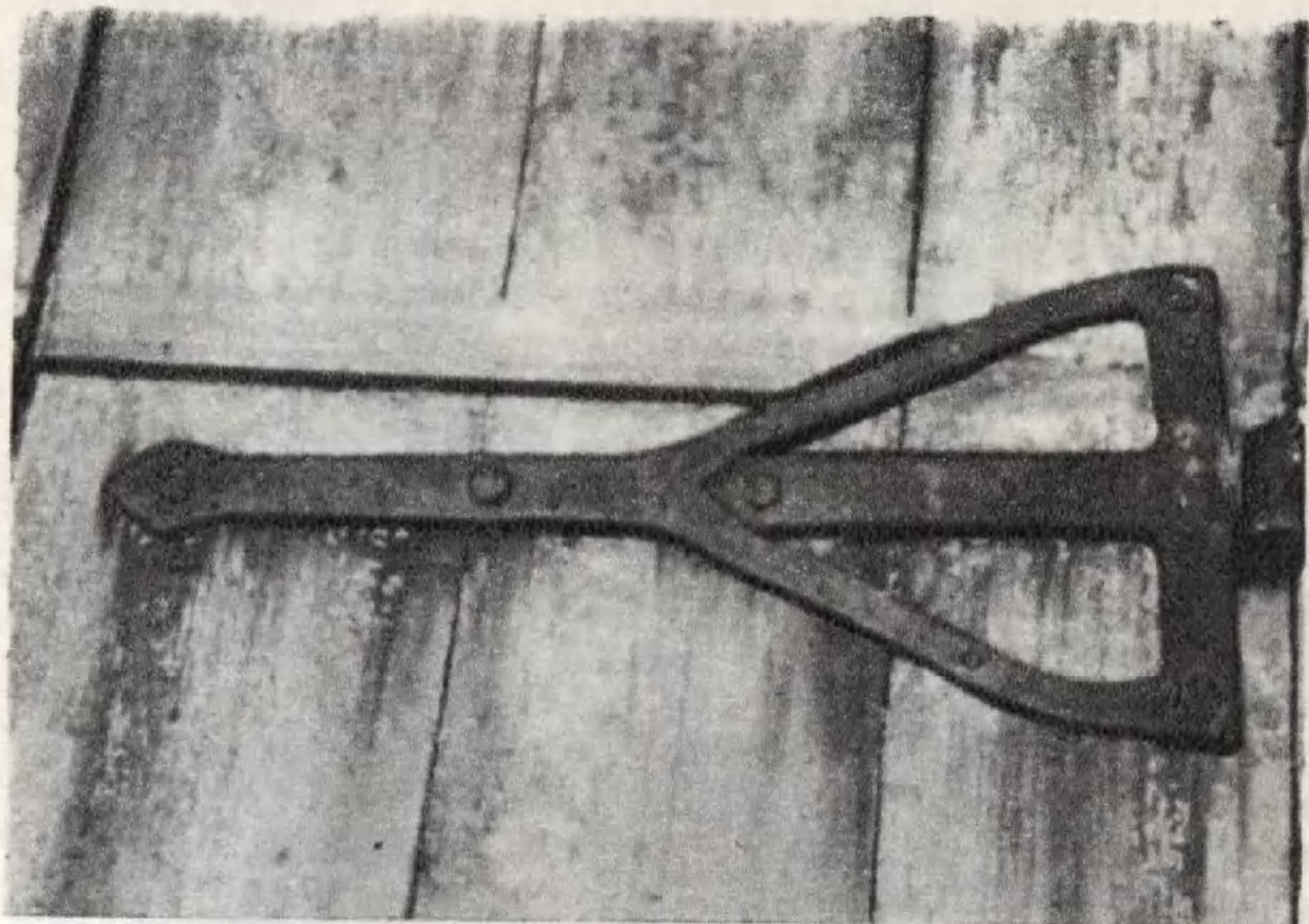
Село Горка — совсем рядом. Церковь Казанской Богоматери, поставленная на высшей точке холма, венчает село и спускающийся в долину бывший барский парк. Над четвериком основного объема храма поднимаются пять глав на восьмигранных барабанах, из которых центральный скупо прорезан узкими окнами.

Трапезная, примыкающая с запада, имеет небольшую длину, и колокольня, одновременная всей постройке, оказалась близко придвинутой к четверику. Она вырастает над входом в трапезную: постамент с круглым окном на фасаде поднимается над западной стеной трапезной, неся коренастый столп звона с узкими проемами в массивных стенах. Столп увенчан кольцом тяжеловатых кокошников, над которыми восьмигранный широкий приземистый барабан несет главу довольно редкой формы — она напоминает приплюснутую каплю воды. Она согласуется с такой же формой центральной главы пятиглавия. Главы четверика и колокольни завершают мощное сложение масс храма, создавая впечатление большой эмоциональной силы, могучего движения, словно преодолевающего не менее сильное противодействие.

Храм поставлен на мощном двухметровом каменном цоколе. Входы были оформлены крыльцами в неорусском стиле. К восточной стене примыкает прямоугольный алтарь.

Нужно побывать и внутри церкви. Она способна удивлять неожиданным уютом и старообразностью, искусно созданными архитектором. Высокий цоколь, поднимающий здание снаружи, тут забываешь. Стены оказываются совсем невысокими, а сомкнутый свод начинается от самых арочек окон. Впечатление редкое, свод как бы опустился к нам и обнял пространство, изменив его привычную масштабность. Архитектор смутил гостя внушительным зрелищем снаружи и растрогал совсем иным впечатлением внутри. Храм очень соразмерен человеку и, скорей, напоминает средневековые палаты.

В сельском парке дряхлеет опустелый бывший барский дом. Клуб, долго располагавшийся здесь, получил новое помещение, и красавец двухэтажный бревенчатый дом хозяина больше не имеет. Формы его просты, к каким-либо откровениям или забавным на-

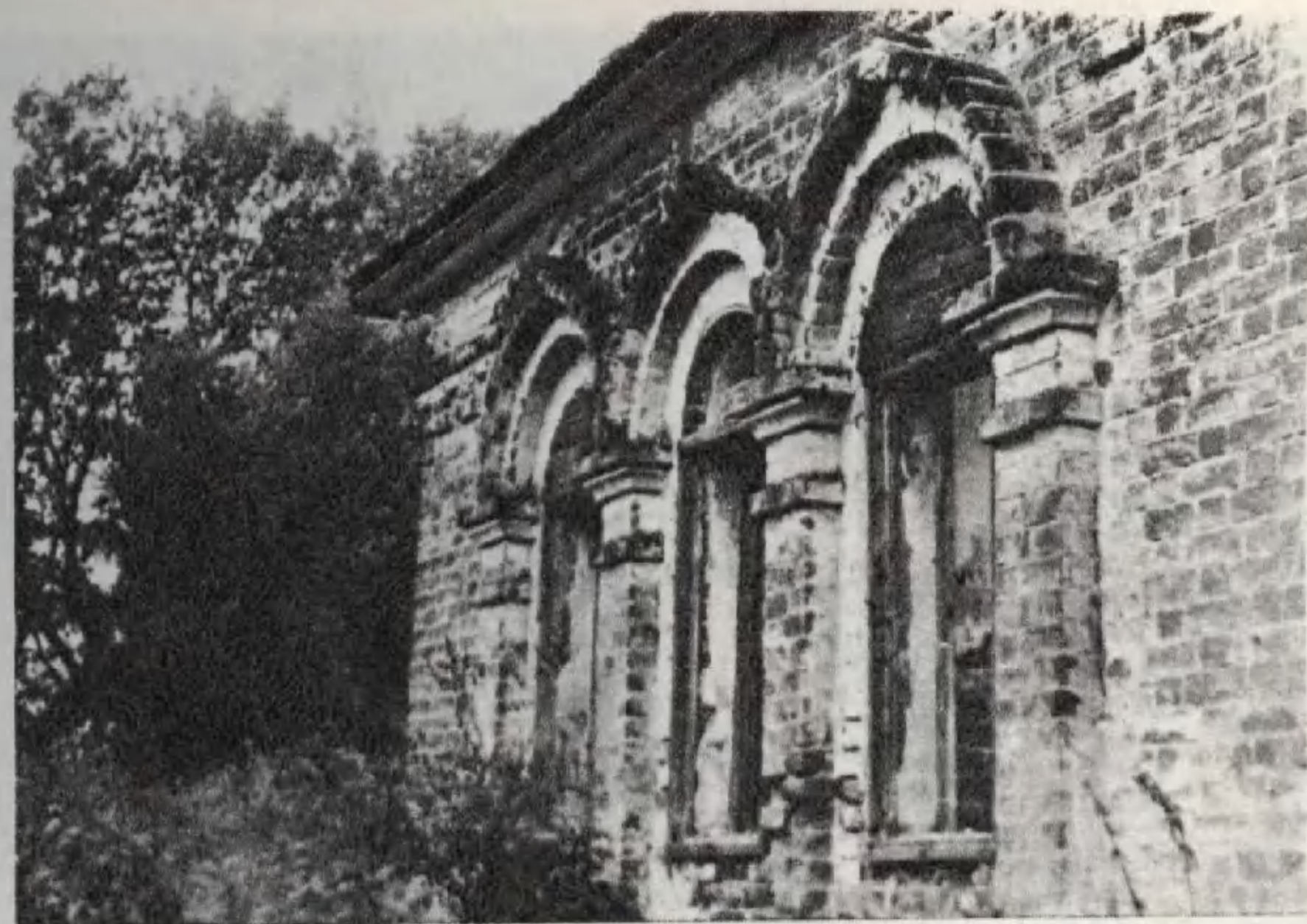

*Дверная петля с врат
церкви Вознесения
в селе Задорье*

ходкам строители здесь не стремились, но добросовестность и высокий профессионализм плотницкой работы внушают уважение. Дом велик, он внушительно поднимается над парком, уходящим вниз по холму. Его сруб, на двадцать два ряда высотой, не знал пилы, в торцах все бревна перерублены топором, лес — в обхват, эффектная рубка способом «в крюк», ритмы перерубов, вытеки старинного смолья — всё богатый праздник глазу любителя деревянной архитектуры.

От села вниз по Сити — луга, перелесочки, опять луга, пышные острова ивняка, а далеко надо всем этим виден шпиль церкви. Силуэт ее угадывался почти от Литвинова, а теперь ее «средневековый» облик виден ясно. Что это?

— А Покров это, Божонка, стало быть, — ответят жители.

*Дом причта
в селе Задорье.
Конец XIX в. Фрагмент*

*Церковь
Казанской Богоматери
в селе Горка*

→

— Божонка... — с почтением повторяете вы и вглядываетесь в дальний угол — место начала Ситской битвы. Если лето сухое, то лучше идти туда через деревню Кривоногово, она близко.

В Кривоногове, селении большом, некогда людном, сейчас тихо, народ пожилой, степенный. Деревня легко достижима лишь в погожее лето, а если оно обильно дождями, то неделями и месяцами жители никуда не выбирают. В этом углу верховья Сити древняя глушь и труднопроходимость еще хорошо ощутимы.

В Кривоногове вы увидите первую на вашем пути деревенскую часовню, одну из тех, чья история долга и полузабыта. Часовня откроется перед вами вдруг и сразу. Часовня много раз обновлялась, последний раз — в конце XIX века, тогда-то она и получила свой нынешний, довольно любопытный вид. Она невелика, три метра на три, четырехстенный сруб невысок —

*Усадебный дом
в селе Горка.
Середина XIX в.
Фрагмент*

*Часовня в деревне
Кривоногово.
Конец XIX в.*

до крыши рукой достанешь. Крыта часовня на два ската жестью по более давнему тесу. Крыша увенчана деревянным крестом.

Из всех ситских часовен эта имеет самый «мирской» облик. Проявляется всего более он в фасаде, который словно крылечко от домика мелкопоместного барина. Такие крылечки очень полюбились мужикам и во второй половине прошлого века часто появлялись у домов наиболее справных хозяев, делавших жильё с оглядкой на господскую и городскую моду.

Фасад часовни еще недавно был украшен четырехколонным портиком. Две пары колонок несли фронтон, в центре прерывающийся полуциркульной нишей. Вся плотницкая и столярная работа чистая и аккуратная, она созвучна гладкой обшивке сруба «на ус».

Ближе знакомясь с постройкой, замечаешь приметы

ее разновременности. Сруб и тесовая кровля появились раньше, чем портик, тесовая обшивка и железная кровля. От этих «поновлений» часовня приобрела вид не традиционный. Но не будем строги к плотникам прошлого, не стоит повторять, что тесовая обшивка и жестяная кровля — это не слишком эстетично. Но именно они и сохранили до нас этот скромный, но достойный внимания памятник крестьянского строительства. Так же как жестяные кровли, без реставраторского опыта, но с заботой и любовью нанесенные, сохранили немало других памятников родной архитектуры.

Из Кривоногова Божонка как на ладони, ее холм красиво увенчан кладбищенскими деревьями и вертикалью колокольни. За ним возвышенностей уже не видно. Там иной ситский пейзаж. Божонка стоит на последнем угоре перед обширной низменностью.

*Оформление столбов
крыльца дома в поселке
Пищалкино*

Да и здесь места нелегки для путника, по низинам кругом поблескивает вода. Как идти дальше?

Следует дать добрый совет любителям путешествий по потаенным местам. Если год сырой, то идти прямо не следует. Божонка (Божий городок) в сырое время отсюда недостижима. Лучше вернуться на станцию Пищалкино, а оттуда на мотовозе узкоколейки из поселка Октябрь — к Божонке.

А тот, кто решится на прямую дорогу, пробирается по перелескам, залитым водой, примечая колья, воткнутые местными жителями для ориентировки. Идешь частенько по пояс в воде. А потом дорогу преградит мощный разлив Сити и ее притока Облужьи. Сить идет поперек мостов. Привычные ситчане ходят по ним на ощупь, неся одежду над головой. Пастухи плавают через разлив в неуклюжих, корытообразных лодках. И стадо одолевает разливы вплавь.

*Часовня в деревне
Турчаниново. 1926*

Не доходя до Божонки, можно побывать в соседней деревне Турчаниново. Там ждет встреча с еще одной ситской часовней. Часовня поставлена точно посредине деревни в порядке домов. Она очень мала, ее миниатюрность еще усиливает гладкая тесовая обшивка, скрадывающая игру рядов срубика. Обшивка выполнена способом «на ус», доски пришиты коваными гвоздями. Кажется, строители любой деталью зданьца хотели подчеркнуть его миниатюрность. И гладкая обшивка, и вытянутость постройки вверх наподобие скворешенки, и аккуратненькие окна, «городские», с полуциркульным завершением, — все делает часовенку легкой. У нее по окну с севера и юга, крохотный интерьер полон света. Все выдает весьма позднюю дату постройки. Но здешние плотники, стараясь придать часовне «благородный» облик, все же не смогли обойтись без одной сугубо деревенской дета-

ли. Вынос крыши над входом сделан совершенно как у хлебного амбарчика торцового типа. Иных решений на этот случай местные плотники, очевидно, не знали и, не мудрствуя, применили простой и надежный, веками опробованный способ. И получилось примечательно, смешение вкусов оживило постройку.

Жители подтверждают нашу догадку о недавней стройке часовенки, говорят, что она срублена в 1926 году. Добавляют, что она стала преемницей старой часовни «о восьми стенах», что стояла у пруда, на самом проезде.

Турчаниновская часовня — самая младшая из всех ситских; уже тем скромное зданьице интересно, что является детищем того времени, когда часовни строились очень редко. Она стала последней в перечне ситских построек такого рода и достойна сохранения.

Недалеко от часовни — дом колхозника Н. А. Старшинова, лучше многих знающего здешнюю старину, местные названия, предания. Что ж, пора звучать преданиям о битве. Перед нами Божонка, в старину иногда называемая Божьим городком, где в марте 1238 года приподнялся занавес ситской трагедии.

Место это издревле заселено. Слово «городок» в старинном названии села не случайно. В духовных грамотах угличских князей неизменно упоминается Божонка как центр большой округи на западе княжества. Упоминается после городов Углича и Романова — стало быть, некий административный центр, некий «городок» тут был издревле.

И вот мы уже идем улицей «городка». Село тихое, народ больше пожилой, что-то дачное в облике селения, отошедшего от горячих бесконечных колхозных дел. Его улицей хорошо идти не спеша, близясь по зеленому подъему холма к его вершине, к церкви.

Божонка — село памятное, здесь всегда были и есть краеведы, патриоты ситской старины. И, пожалуй, первым из них был владелец здешней усадьбы д'Огильви. Французский дворянин, царский офицер, осев в Божонке, занялся здешней историей, сперва «для сокращения скучных мест», а потом всерьез. Старожилы, в частности учитель-краевед В. Д. Попков, уверяли, что д'Огильви оставил после себя большую рукописную работу по истории Сити.

Божонка и сейчас не оказалась без хранителя своей памяти. После смерти Попкова им стал Н. В. Смека-

лов, крестьянин, внук управляющего барским имением. Его рассказы хороши естественностью и множеством подробностей, не столь уж важных, но своей простой достоверностью оживляющих прошедшее время.

Но вот мы почти пришли к вершине холма, увенчанной барским садом, кладбищем, церковью. Сад, сильно поредевший, с тополями, лиственницами, одичавшими ягодниками и акацией идет по склону к реке. Рядом — массив кладбищенских деревьев. А где же церковь, что так манила нас издали? Как романтическое видение, стояла она на горизонте, подобно копью древнего воина маячила на божонском холме.

Но холм этот своенравен, церковь Покрова, прекрасно видимая издали, тут словно спряталась. Идем к ней мимо дома причта, отстоявшего полтора столетия и собирающегося жить еще не меньше. Его починили, покрыли шифером. Дом скуповатой внешности, но хорошие пропорции и чистая плотницкая работа выдают первую половину прошлого века. Раскрытие угла из-под тесовой обшивки подтверждает предположение — угол рубленый, сруб дома пилы не знал. Старожилы полагают, что дому «к двумстам годам».

Церковь выступает из-за деревьев сразу и грозно. И вы поражены и заинтересованы — XVII век? Шатровая колокольня высится на фоне бескрайнего неба и лесных далей, и вы сразу же убеждаетесь, что здесь, на месте начала древней битвы, это лучший и удачнейший памятник древним защитникам родины.

Подходим. Выплывает из-за деревьев пятиглавие — световые барабаны под шлемовидными покрытиями. Соразмерно, удачно, но это не средневековая постройка и даже не XVIII век. Суховатость облика здания, явная раздражительность форм, рустованный четверик, с которого возносится граненый столп колокольни, ясно говорят, что это конец XIX века.

Да иначе и быть не может. М. П. Погодин, побывавший тут в 1848 году, отмечал, что церковь в Божонке — деревянная. И мы это помним. Но столь велико впечатление от храма, удачно поставленного и в целом неплохо выдержанного в стародавнем стиле, что сперва свидетельство Погодина начисто забываешь.

Церковь для здешних мест редка, такие на Сити не строились. Во второй половине века в окружающих уездах еще сильна была мода начала столетия.

Правда, появилась и группа храмов в неорусском стиле, но в каждом из них явно увлечение декором, во множестве использованы приемы из арсенала средневекового украшения зданий. Здесь же ясно ощутимо желание придать храму строгий облик, отрицая дробность и изузоренность. Это желание совершенно определено, и архитектор и строители во всем следуют ему.

Вторая половина прошлого столетия ознаменовалась отходом от ордерности и появлением в практике строительства стилового разнообразия, часто звучало осознание преемственности русского прошлого и настоящего. Архитекторы своими постройками искали лучшее выражение исторической связи времен и национальный тип (а может, и идеал) в строительстве.

«Русский стиль» и возник от заимствования форм XVI—XVII веков. Элементы были давними, а почерк строителей, использование элементов стали иными. Такой памятник мы уже видели в селе Горка. А церковь Покрова — это пример не только заимствования форм, но и еще попытка добросовестно повторить почерк древности. Этот «русский стиль» весьма строг и даже суров.

Храм Покрова — очень удачный и не спорящий со всем окружением памятник древней русской беде и горькой славе. Вокруг него сложился целый сонм воспоминаний. Уже само строительство церкви привлекает умы жителей, делая и сегодняшнюю их жизнь содержательней.

Церковь Покрова, в представлении населения округи, — некое святилище памяти погибших на Сити: еще в деревянном храме был придел, посвященный памяти «князя Егория». В начале века церковь называли «бедной, деревянной», а придел упоминали как значительную достопримечательность. В новой церкви «Егорию и его воям» уделялось еще больше внимания.

Когда, осмотрев церковь, немало пострадавшую от времени и людской неразумности, вы проходите по заросшему кладбищу, вас не оставляет ощущение чьего-то молчаливого присутствия. И, вспомнив, что со стороны барского сада храм был не виден, обращаетесь в ту сторону, идете по заросшему кладбищу и, приблизившись, останавливаетесь, смущенный и пораженный.

*Памятник Ситской битве
в селе Божонка*

Богатырской стати курган, упоминаемый во всех публикациях о Сити, заранее известный вам, все равно поражает. Сооружений такого рода на Сити немало, но столь исполинской величины больше нигде по всей реке нет. Когда-то чистый и открытый, сейчас он зарос лесом и вздыбился мощной горой над кладбищем, домами, огородами, селом. Впечатление циклопической силы, мощным движением поднятой земляной массы. Хочется подняться на вершину. Курган крут, склоны поросли деревцами. На вершине убеждаешься, как он высок — стоишь вровень с верхом стен трапезной церкви Покрова. Кто и когда воздвигнул этот замечательный памятный знак? Ситчане верят, что курган насыпан над воинами Дорожа.

С кургана открывается великолепный вид на все четыре стороны. Оглядываешься и видишь на востоке и северо-востоке пейзаж, совершенно отличный от

верховья. Долго смотришь в смутную, угрюмую хмарь неоглядных болот, которые вдали словно поднимаются стеной, как это бывает в морских видах. Ни конца ни края могучему, пугающему простору болот.

Это Болотея, огромная местность между границей теперешней Калининской области и средней Ситью. На нее надеялись владимирцы в 1238 году, верили, что их тыл надежно прикрыт этими непроходимыми просторами.

С вершины кургана уходить не хочется. Еще раз оглядываешь окрестности. Хорошо видны луга Плотовик, где, по преданию, рубились с татарами воины Дорожа. Название лугов произошло будто бы оттого, что после сечи тела лежали плотно, как лес на сплаве.

Многое видно и слышно с вершины. Внизу нашему взору открываются дома, огороды. Слышно, как звонко смеется девушка у соседнего дома, как спорят муж с женой, таская сено в сарай. Петушиный крик раскатист и звонок. Редкое тут место, одно из самых чтимых в прошлом на Сити. У рубежа XIX—XX веков на вершине кургана срубили часовню. Она украсила высоту и освятила место, придав ему еще большее значение. Часовня не уцелела, но многие ее помнят как достопримечательность родных мест.

Небольшая Божонка, как видим, сохранила немало интересного. Один из памятников ее — совсем недавний. Он установлен в год шестисотлетнего юбилея Куликовской битвы. Тогда и в Калининской, и в Ярославской областях увековечили давнее сражение, от которого пролегла в истории прямая дорога к Куликовскому полю и к Угре.

Памятник в Божонке не очень удачен. Он изображает фрагмент средневековой крепостной стены с зубцами — «ласточкиными хвостами». Детали его исполнены не столь уж искусно. Установленный за селом, он выглядит одиноко.

Хочется думать, что этот скромный памятник — лишь начало, что будут восстановлены Покровская церковь, часовня на кургане, приведено в порядок кладбище, сохранены малые курганы возле села — все святилище памяти древних защитников родины, созданное нашими предками.

Здесь, в Божонке, кончается наше путешествие по верховью Сити. Перед нами — Болотея.

3. Болотея

Чутье северянина не обманывает его, когда он удачно расположенной деревней, домом, часовней, церковью, а иногда — просто крестом как бы отмечает центральную точку и побочные центры, вокруг которых смыкается или собирает себя многообразие природы.

Б. Асафьев

Болотея — особый район Сити; селений мало, они далеки друг от друга, дороги редки, у жителей свой бытовой уклад. Значение реки, столь большое для всей Ситщины, здесь решительно отступает перед болотом. Тут уже не край сенокосов и рыбы, а край грибов и ягод, главным образом ягод. Это подлинный заповедник клюквы, морошки, другой лесной и болотной ягоды.

Болотея смущает путешественника и при взгляде на ее карту, и при взгляде с богатырского кургана в Божонке. Неоглядным простором угрюмо уходит она к северу и востоку. Как же тут продвигаться дальше? Недавно это было почти невозможно.

Один из старых центров Болотеи, село Могилыцы, от Божонки всего в семи километрах, но так отгорожено болотами, что лишь бывалые местные жители решались идти напрямиком. Остальным предстоял путь вокруг болот: если по южному берегу реки, то около пятидесяти километров, а по северному — так все сто сорок. Прямиком решались ездить лишь зимой, но и тогда страшны были гари, трясины, «окошки», не мерзнувшие и в это время.

Но нам Болотеи смущаться нечего. Уже больше тридцати лет ведутся здесь разработки торфа и узкоколейки прошли по Болотее во многих местах. Почти везде можно побывать, используя мотовозы или пешком по их путям, напоминающим игрушечные железные дороги.

Одна из них подходит почти к самой Божонке. Куда лучше по ней ехать? Сперва — в Шёлдомежь.

Еще стоя на кургане, оглядывая горизонт, в однообразности пейзажа Болотеи вы обязательно заметите с юго-восточной стороны над лесами очень далекий отсюда, но четко видимый купол. Не крестик, замаячивший над лесами, не главку, а всю верхнюю часть огромной постройки, нежданно стоящей среди лесных и болотных пространств.

Вы догадываетесь, что, стало быть, там весьма возвышенный остров среди болот либо туда глубоко вдаётся холмистая гряда, заходящая с юго-запада. И потому собор (а это собор) так царит надо всем пейзажем.

Вы торопитесь узнать у жителей, что же это видно вдали. И вам ответят: «А Шёлдомежь это, видать... Монастырь там был. И еще — барское место». Вы спешите к узкоколейке, и вот поезд бежит сквозь болотистые низкорослые лесочки, мелькают словно игрушечные, болотейские «вокзалы», встречные «поезда»: красные — грузовые, зеленые — пассажирские, аккуратная здешняя «скорая помощь».

У одного из «вокзалов», кирпичной будки с длинной скамейкой на улице, с баком холодной воды возле него и большой металлической кружкой, вы сходите, а дальше — пешком по узкоколейке. Это оказывается приятной частью путешествия. Чистая, тихая дорога, цветы иван-чая вдоль насыпи, молодой лес. Уже через километр близко виден мощный купол собора и рядом маленький шпиль еще одной церкви. Они высятся среди бескрайней зелени, как затерянные, забытые храмы Индии или Индонезии. Вид притягателен и печален. Кажется, что лес захлестнул весь монастырский холм до подножия собора. Лес поднялся и на его стены, но не смог справиться с высотой купола, что так безмолвно и значительно говорит о делах человеческих.

И вот мы пришли. Как будто болота здесь расступились и пустили сюда кусочек верховья. Высокий пологий холм с монастырскими постройками и барским садом издали очень хорош. По старой дороге поднимаемся на холм, и с каждым шагом все величавей вырастает собор, удивляя размерами, мощью, одиночеством. Собственно, собора уже нет. Поднимается лишь на четырех опорных столбах гигантский

*Собор Богоматери
Шестаковского монастыря
в селе Шёлдомежь*

купол средокрестия храма с люкарнами и световым барабаном, прорезанным на всю высоту узкими окнами. Он поражает крепостью и совершенством кладки. Глянешь снизу и почувствуешь себя маленьким-маленьким, а над тобой парит необъятный купол, свистят стрижи, летит в световом барабане далекое облачко.

Кладбищенская церковь Воскресения, стоящая неподалеку, по сравнению с собором миниатюрна. Старый усадебный вкус сразу заявляет о себе. Собственно церковь — четверик, увенчанный ротондой с полусферическим покрытием и главкой, — один из самых выверенных и любимых образцов ярославско-тверского культового строительства XVIII—XIX веков. К четверику церкви на одной оси с запада пристроена более поздняя трапезная, она неплохо согласована с первоначальным храмом. Коло-

*Церковь Воскресения
в селе Шёлдомежь. 1779*

колья менее едина с ним, она тяжеловата, строители очень заботились о ее крепости и устойчивости, и грузноватая стая может вызвать невольную улыбку. К счастью, колокольня невысока и не подавляет первоначальную постройку. А в целом здание церкви Воскресения, исполненное по трехчастной схеме — четверик, трапезная, колокольня, — смотрится довольно едино.

Но все внимание сперва поглощает могучий останец собора Богоматери Шестаковской обители. Мощь звучит во всем: подпружные арки выполнены в шесть рядов кирпича, опорные столбы — в десять. Но когда же строился собор Шестаковской Божьей матери? Окна светового барабана, люкарны, мощный полет арок, ряд кокошников, опоясывающих постамент барабана, — как все это согласовалось в облике здания?

Фотографии собора в его прежнем облике заинтересуют. Роскошный храм с первого взгляда легко принять за двойника знаменитого Воскресенского собора города Тутаева (Романово-Борисоглебска). Но это не так. Массивные пятиглавия этих двух храмов и конструктивно, и силуэтно не тождественны. А вот галереи, паперти, крыльцы — очень похожи. Та же масштабность, тот же самый размах постройки, то же узорочье стен, та же характерная планировка с галереями вокруг центрального куба и шатровыми крыльцами на ползучих арках.

Возможно, строители вдохновлялись образом древнего собора. Таковую мысль поддерживает и большое сходство деталей: знакомые «столбы» по углам, пучки полуколонок, оживленных дыньками и поясками, ширинки-кессоны с изразцами, богатый и сложный карниз — все напоминает Воскресенский собор, стены которого воспринимаются коврами пышной выкладки.

Женский Шёлдомежско-Шестаковский монастырь, появившийся в 70-е годы прошлого века, был узаконен лишь в 1887 году, а его собор строился на грани XIX—XX веков, во времена увлечения архитектурным наследием средневековой Руси.

Русские и византийские мотивы в облике верховолжских памятников хорошо известны. Но, думается, ситские постройки несколько отличаются от других. Так, Богоявленский собор Углича повторяет древние строительные приемы с холодноватой монотонностью, Казанский собор города Данилова способен утомить безудержным использованием всех деталей, известных средневековой строительной традиции, мастера вжимали, втискивали, впрессовывали их в объем постройки.

Не так на Сити. Очень далеки от Андреевского собора в Кронштадте, Богоявленского в Угличе, Казанского в Данилове, собора Ольгина монастыря в Волговерховье и храм Покрова в Божонке, и собор в Шёлдомежи.

Если в храме Покрова в Божонке повторение древних форм было очень строгим и явно нарочитым, то в Шёлдомежи повторение строительных уроков XVII века — почтительное и увлеченное. Оба сельских храма примечательны желанием их создателей как можно более добросовестно и честно выразить

по-новому старую образную идею. Думается, удача им сопутствовала. Храм Покрова выражает образ сурового богатырства, а собор в Шёлдомежи радостен и светел и хорошо говорит об умении сочетать громадность масштабов с изощренностью и теплотой узорочья.

Собор Божьей матери Шестаковской виден почти из любой точки Болотеи. Его роль в окружающем пейзаже — редкостная. Редкостным было и значение монастыря для всей Сити. Он умело использовал героические предания боевой древности, монахини ухаживали за наиболее чтимыми в округе курганами, монастырь проводил в этих местах службы в памятные дни битвы.

Обитель, учитывающая народную память о подвигах людей древности, искренний народный патриотизм, крестьянскую печаль о гибели в давние времена за «матушку-Россию» тысяч «солдатушек», оказалась для ситчан очень «своей».

Да и в месте монастырь был не случайным. Жители до сих пор полагают, что название Шёлдомежь исходит от слов «шел до межи» и что в этом заключена память об отступлении князя Юрия Всеволодовича до своей межи, границы с Новгородом.

И главные монастырские праздники не случайно были 4—6 марта.

А о церкви Воскресения в Шёлдомежи и ее создателях такого не скажешь. Приходская церковь Шёлдомежи, как-то неприметно ставшая кладбищенской, монастырской, построена в 1779 году «секунд-майором Николаем Дмитриевым, сыном Скрипицыным вместо ветхой деревянной»¹². Скрипицыны — старинный здешний род, в начале XVII века упоминаются сразу несколько Скрипицыных на Сити, а также в соседних станах Угличского уезда.

В XVIII—XIX веках Скрипицыны построили несколько церквей, все они усадебного типа, все потом расширены крестьянским миром. Церковь в Шёлдомежи сохранилась лучше других.

Путешествие можно продолжить, разделив на несколько экскурсий. От Шёлдомежи неподалеку — станции Пуршево, Пищалкино, Родионово. Всего легче добраться до Пищалкина все тем же болотейским «экспрессом». А кто располагает временем, может идти дальше, либо вернувшись на узко-

колейку и по ней до деревни Соловцы, либо к ней же старой лесной дорогой. Лучше по узкоколейке: старая дорога, идущая по одной из «грив» — песчаных перешейков меж болотами, — глуха и труднопроходима.

Соловцы — деревня самая болотейская. С одной стороны — Сить, с другой — заболачивающееся озеро. Улица чиста и зелена, дома, огороды, усадьбы, ульи — все в хорошем порядке. Деревня обнадёживает своим добротным видом. А что запоминается больше всего, так это общественные качели. Тут они на обоих концах селения. И если в большинстве мест давно отслужила и забылась эта деревенская забава, то здесь жива и служит прекрасно. Скрип качелей скажет о ребячьей утехе еще издалека.

Качели на другом конце деревни проводят вас в поле веселым поскрипыванием, а за полем, у самой Сити, открывается некогда жилое место. Это — Могилы. Прежде сюда ходили из Шёлдомежи по «гриве», но дорога давно забыта, и село уже в 30-е годы опустело. Здесь еще один огромный курган, который ситчане считают имеющим отношение к битве.

Могилы окружены множеством легенд, Могилыцами интересовались многие исследователи Сити, на всех большое впечатление оказывала их потаенность, затерянность. Сейчас здесь еще тише и безлюдней, чем прежде. Березы и тополя вознеслись над кладбищем, акация и черемуха выплеснулись за вал, лес наглухо накрыл места церквей, домов, могил.

Входите на кладбище и сразу угадываете перед собой на большой его площади тяжелый подъем местности. Ровная поверхность начинает дыбиться. Хватаясь за кусты, деревья, минуя ямы (курган сильно ископан), поднимаетесь наверх. И вот вершина. Вы словно попали в заколдованное царство, где лес все захватил и полонил. Даже Сить не видна сквозь буйство леса. Зеленая глушь, зеленый полумрак.

Право, не верится, что когда-то леса тут не было, а вершину кургана украшал огромный деревянный крест, далеко видный отовсюду, возле которого в памятные дни монахини проводили поминальные службы. Если в Божонке с кургана открывается бескрайняя даль, то здесь вокруг мрачноватая тайна, навеки похороненная болотейским лесом.

Из Могилиц через маленькую деревеньку Алешино с сохранившейся старинной земской школой можно идти по берегу Сити. Вода темна, на ней тонко рисуются белые лилии. А впереди через чистенькие береговые лужочки завиднелась деревня Филипово. Она не из древних, в XIX веке ее населил один из здешних дворян Нелединских-Мелецких.

Но эта память давно изветшала и вот-вот исчезнет, а другой известности Филипова, стоящего на повороте реки, далеко вдавшись в болота, жить, видимо, долго. Известность эта особая: Филипово — ягодная столица Болотеи.

В остальных болотейских деревнях о филиповцах до сих пор говорят с некоторой завистью: «Чего им было не жить! Они и в старину не маялись! У них и рыба, и покос, и лес, и грибы. А уж ягод! И клюква, и морошка, и команка!»

Постойте, что такое команка? А это, уважаемые читатели, мы дошли еще до одной тайны Сити.

Команка — маленькая, чисто местная загадка. Она — тема бесконечных споров между ситчанами и приезжими. Для коренного ситчанина команка — примета родных мест, сладость необъяснимая, некий символ своего края. На здешних железнодорожных станциях нередко услышишь пересуды о ней. Горожане, вчерашние болотейцы, говорят о ней с определенной иронией, сквозь которую легко рассмотреть и опасливую сдержанность: а может, мол, и есть такая, незнаемая в остальной Руси ягода? Ведь в детстве мы ее едали...

На станцию можно попасть либо вернувшись на узкоколейку и через поселок Октябрь и станцию Пищалкино, либо просто продолжая идти от Филипова через деревни Гаврилово и Крутая к большому селу Воскресенскому. Станция Родионово — рядом с ним. Но сперва о Воскресенском. Высоко вознесенный столп его колокольни и пятиглавие церкви видны были уже от Алешина.

В XVI веке село уже было, в 1590 году оно отдано для кормления служивому царевичу Ураз-Магомету, а с 1629 года царской грамотой передано Ивану Юрьевичу Нелединскому «за московское осадное сидение Королевичева приходу»¹³.

Нелединские-Мелецкие, польские выходцы, появив-

шиеся на Руси в 1425 году, не раз исполняли важные государственные поручения¹³. Сидели они воеводами в Угличе, Бежецком Верху, Нижнем Новгороде, имели боярское достоинство, один из них ездил послом в Турцию.

Среди последних Нелединских выделился Юрий Александрович, поэт, вольтерьянец¹⁴. В 1810 году село купил И. А. Пономарев, бывший винный откупщик. Такова коротко история села. И история церкви, пожалуй, не бедней. Первый известный знатокам края храм был срублен из дуба в начале XVII века и стоял почти полтора столетия. Кирпичная церковь Нелединских, построенная в 1757 году, стояла пятьдесят лет, а в 1841 году возвели третью, вскоре пристроив к ней трапезную. В 1844 году к трапезной с запада пристроили трехъярусную колокольню с помещениями для ризницы и библиотеки. Но и это не означало конца строительства.

Церковь не раз дополнялась, надстраивалась, «улучшалась», становясь все больше и выше. Первоначальную основу уже не рассмотреть, зато в глаза сразу бросаются поздние приметы, оставленные строителями, придерживавшимися неорусского стиля. Появлялись приделы, исчезли хоры, возникли двери и проходы в стенах, надстраивалась колокольня. В «Ярославских Епархиальных ведомостях» есть любопытное упоминание о чрезмерном увлечении воскресенцев этими достройками.

Однажды они соорудили на колокольне небывало грандиозный шпиль, но не выполнили работ по молниезащите этой удивительной вертикали. Шпиль разрушило ударом молнии, и приключился пожар. Епархиальное начальство строго наказало священника и приказало установить шпиль более скромных размеров.

Большой храм имел три престола: Обновления храма пресвятой Богородицы, Тихвинской Божьей матери и Николая Чудотворца.

Сейчас он в полном запустении. Следы былой богатой отделки еще заметны в монументальном исполнении дверей, в профессиональной, умелой росписи, в изящных оконных решетках. Над убранством храма работали многие искусные мастера своего дела. Среди них упоминают Дороню (Дорофея Яковлева) — дворового резчика господ Пономаревых,

живописца из крестьян, здешнего уроженца Ивана Кузнецова и «академика живописи Васильева»¹⁵. Церковь в Воскресенском, от чрезмерных стараний меценатов не сохранившая единства архитектурного облика, имела в своих стенах много работ местных талантливых мастеров, и приходится сожалеть, что они не дошли до нас.

В Воскресенском мы прощаемся с Болотеей. Утомленный путник может прервать свое путешествие и со станции Родионово поездом вернуться домой. В старинном вокзальчике, ожидая поезда, снова услышит он разговоры о грибах, ягодах, наверно, услышит и пересуды о компанке. И вспомнит многое: и болотейские угрюмые дали, и Сить с черной водой и белыми лилиями, церкви, курганы, предания. И, конечно, компанку. Улыбнется и подумает: ведь, наверно, эта ягода все-таки есть. Есть еще одна маленькая тайна Сити.

4. На средней Сити

...Не само здание, как таковое, было нужно человеку, а здание, поставленное в определенном месте, украшающее его, служащее гармоническим завершением ландшафта.

Д. С. Лихачев. Земля родная.

Возобновить путешествие можно из того же Родионова либо со следующей станции — Маслово. В обоих случаях дорога приведет нас к маленькому обезлюдевшему селу Сысоево, чья церковь украсила крайний к Болотее отрог возвышенности, с которой и начинается средняя Сить.

С первого взгляда церковь Троицы, пожалуй, разочарует. Храм пережил немало переделок и превратностей судьбы. В нем размещались и сельский клуб, и даже ремонтная мастерская. Но изменения первоначального облика произошли гораздо раньше. Начальная церковь 1826 года относилась к известному типу — четверик, завершенный ротондой. Шесть высоких полуциркульных окон чистого рисунка делали ротонду зрительно легкой, изящной. Южный и северный фасады имели портики, с краев оформленные парами пилястр, а в центре у дверей — полуколоннами с абаками. Алтарь прямоугольный, с выступающей апсидой.

Перестройки начались с конца XIX века. Два больших придела поглотили своими апсидами часть портиков, и двери в них пришлось закрыть. Строители выдержали приделы в неорусском стиле, несколько тяжеловатом: окна украсили килевидными очельями, стены расчленили широкими лопатками с большими нишами-ширинками.

*Церковь Троицы
в селе Сысоево. 1826,
перестроена в конце
XIX — начале XX в.*

Тяжелые массы приделов создали большой четырехстолпный зимний храм, колокольня (ныне утраченная) стала вырастать из его широкой массы. Эти поздние дополнения были не в ладу с первоначальной частью постройки. Но удачное расположение здания на самой выгодной точке округа по-прежнему делает его доминантой этих мест, значение памятника в пейзаже по-прежнему очень велико. Видная издалека, даже из поездов, пересекающих Масловскую низину, она необходима здешним местам как их украшение.

Мы еще не пришли в край знаменитых плотников-сицкарей, но примечательные деревянные постройки уже появились. В Каменке запоминается миниатюрный амбарчик, в котором плотники ухитрились при самых малых формах выразить значительность и монументальность.

*Лавы у деревни Жарки.
80-е гг. XIX в.*

А река покажет множество традиционных построек другого рода. Это многочисленные лавы — высокие и длинющие пешеходные мостики. Пожалуй, лучшие лавы у деревни Жарки. Шестнадцатистойный переход широк и ровен. На берегах возле него — лавочки.

Лавы — это очень своеобразная и пока богатая разновидность народной самобытной инженерии. Они, как и тропинки, — особое проявление народного творчества. Народные творческие решения в строительстве постепенно отступают под натиском шаблонных проектов щитовых и кирпичных построек. И, пожалуй, лишь в строительстве лав да банек крестьянин мыслит и действует по-прежнему остроумно, ярко, самобытно.

В деревнях можно увидеть немало забавных банек, рубленных по-старому, «в прямую лапу». Но способ

*Флигель в усадьбе
А. В. Сухово-Кобылина
в селе Новинском (Новом)*

перевязки угла — упрощенный по сравнению со старинным. В других местах на Сити такого нет, там иные приемы. Так что стоит обратить внимание на крохотные срубчики у дороги. И, конечно, цените тропинки. Они украсят ваше путешествие, спасут от монотонности и однообразия шоссейных дорог. Верьте им. И из Жарков такая тропочка приведет вас к парку села Новинского (Нового).

Новинское — поместье А. В. Сухово-Кобылина. Известный драматург, автор «Дела», «Смерти Тарелкина», «Свадьбы Кречинского», часто и подолгу жил в родовом имении. Жизнь и творчество Сухово-Кобылина привлекают немало исследователей. Об этой удивительной жизни, начавшейся на рубеже наполеоновской эпохи и продолжавшейся до кануна первой русской революции, о его драматической судьбе и его произведениях известно многое.

А здесь, на Сити, о нем свои, местные воспоминания. Здешний учитель истории Н. А. Сахаров по рассказам ситчан написал интересную работу о знаменитом земляке. Сказано в ней и о его хозяйственных делах, и об освобождении им крестьян, и о его летней жизни в Новинском. В селе цел деревянный дом, где останавливался писатель.

Но это не усадебный дом. Бродя по селу, заметите у дороги обросшее бузиной кирпичное небольшое здание и не сразу обратите внимание на приметы его старины. Рустованные углы, мелкий плоский ризалит, чистая старинная кладка. Это флигель барского дома. Его четыре фасадных и три торцовых окна глядели на мир и во времена знаменитого драматурга.

Найдете и второй флигель, он сильно перестроен, и его узнаешь лишь по русту стен. А в глубине сада отыщите и остатки усадебной церкви. Использование храма под колхозную мастерскую сослужило ему плохую службу: сохранилась лишь нижняя часть здания, нет ни колокольни, ни ротонды, ни прежней крыши.

Церковь Троицы строили Сухово-Кобылины в 1789 году (известна, впрочем, и другая дата, но она недалеко от первой — 1795 год). На старинных снимках вместе с большим барским домом и флигелями церковь выглядела очень созвучной им и все постройки воспринимались единым ансамблем.

Барский дом не уцелел. Писатель продал его, и в старых стенах разместилось одно из первых педагогических учреждений России — Новинская учительская семинария, открытая в 1871 году. Из ее стен вышли сотни учителей. Тут работал известный педагог и методист В. А. Флёрв. Одним из выпускников семинарии был оригинальный художник Е. Честняков.

В селе Новинском (Новом) самым лучшим памятником временам Сухово-Кобылина и Флёрова остается парк. Та часть, что возле дома, почти не уцелела. А та, что за ручьем, еще способна радовать, будить воспоминания и размышления. Вы входите по тропинке в его многошумный, пронизанный солнцем простор, и на душе становится светлей и возвышаются чувства. Кругом поет ветер, его пение ровно и многоголосо, в этой песне участвуют кроме деревьев тре-

*Церковь
Иоанна Предтечи в селе
Коллегаеве. 1797*

петная листва подлеска и трава, весь парк говорит с солнцем, ветром, летом.

Старожилы рассказывают о приезде сюда в 50-е годы одного из бывших семинаристов. Старичок прослезился и воскликнул: «Здравствуй, наш милый парк! Здравствуй, место мечтаний наших!»

Мечтания. Им и сейчас легко предаться, бродя аллеями высоких вязов. Парк выходит к Сити, он словно часть ее. Сить тихо струится, манит за собой. Пойдемте, дорога подарит нам новые встречи.

И следующая встреча, что случится не более чем за километр, необычайна. О-о, что-то циклопическое на реке! Ряды обомшелых, изглоданных временем и половодьями свай стоят, словно некие укрепления водяного. Свай и свай... Под ногами в осоке — неохватные бревна, надетые в насадку на сваи, которые со своих мест не может снять даже крутая нравом

весенняя сицкая вода. Во всю ширину реки — старинная плотина, вся зазеленевшая, заросшая, как древнее видение. Ее могучая стать манит вернуться и поглядеть еще раз на противостояние нехитрого материала и умного расчета времени и воде.

Разнообразен мир средней Сити: река, парки, плотины, церквушки на берегах. Вот еще одна видна впереди. Три домика вышли к реке, остатки еще одного парка Сухово-Кобылиных, а церковка — это Коллегаево. Тут еще живы предания о событиях боевого средневековья, но не менее любопытна встреча со здешним храмом.

Церковь Иоанна Предтечи, может быть, лучший на Сити образец усадебных церквей, к которым потом «всем миром» пристраивали с западной стороны трапезную («зимний храм»). Трапезная так же мала, как и первоначальная постройка. Здесь все миниатюрно: и восьмерик на четверике первоначальной церкви, и трапезная, и двухъярусная низенькая колокольня, пристроенная к ней.

Присматриваясь, замечаешь в деталях немало сходства с только что виденною церковью в Новом. Это и невысокие «прижатые» портики на северном и южном фасадах четверика с колоннами, завершающимися капителями-вазонами, и меандр у карнизов. Сходство в деталях не случайно, строили храм тоже Сухово-Кобылины и примерно в то же время — в 1797 году.

В почти безлюдном Коллегаеве сохранность храма много лучше, чем в людном Новом. Низенький четверик прост и ясен в очертаниях; восьмеричок, украшенный по углам двойными пилястрами, завершенный полусферической крышей, — образец тогдашней усадебной церковки. Но без вольностей, чисто местных, строители не обошлись. Особенно любопытны они в завершении постройки: барабанчик с тремя узенькими окнами, разделенными тонкими волютами, несет главку-луковку с забавным двухъярусным покрытием. Его верхний ярусок, словно тубетейка. На главке — кованый крест на полумесяце.

Но достопримечательность церкви до недавних лет была внутри. Это — редкий иконостас, ровесник церкви. Узенький, он тремя ярусами поднимался во всю высоту храма. В его верхних ярусах помещалось всего по три иконы, но не они были самым главным.

Главным являлось богатое собрание скульптур. Ярусный иконостас нес на своих «плечах» более двадцати резных фигур. В разных позах сидели и стояли святые, обрамляя ярусы, и это необыкновенное собрание скульптурных изображений делало интерьер церковки чрезвычайно выразительным.

Как столь долго уцелело это резное убранство? Коллегаевский приход был очень мал и беден. Поновления храма случались редко и были незначительными. Наиболее серьезные происходили в 1908 году и то на невеликие средства священника и «попечительствующих людей». Иконостас переделали, но точно повторяя его, а скульптуры сохранили на своих местах.

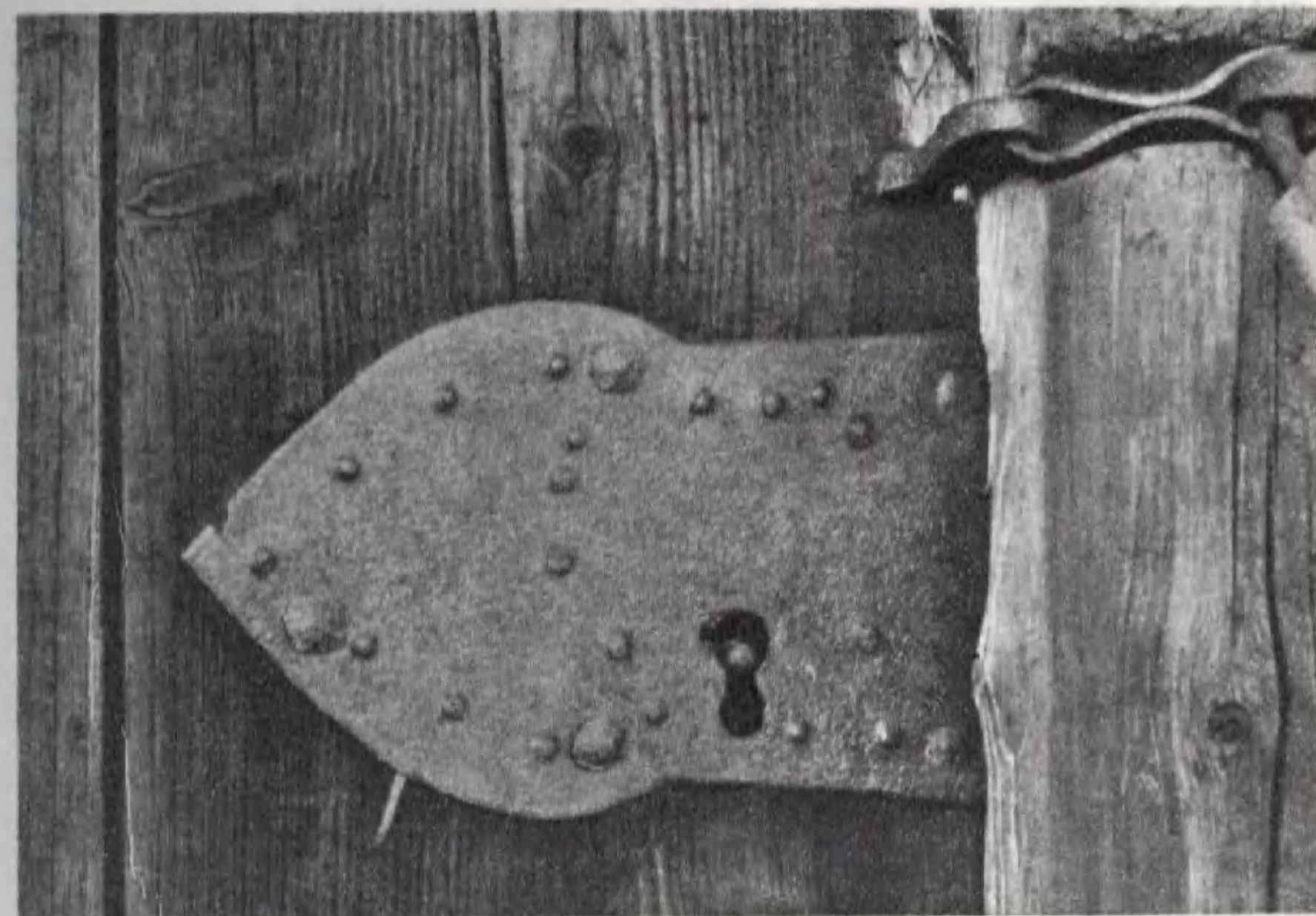
Обилие скульптур и их необычное расположение сперва воспринимаются не имеющими аналогии в ближайших местах. Но аналогия, а может, и первообраз есть сравнительно неподалеку, в усадьбе Кривец, возле города Мышкина. Скульптура в усадебной церкви имелась в таком же изобилии и размещалась не менее свободно и смело. «Резные ангелы, как бы вспорхнувшие на самый верх, сидели на карнизе свесив ноги»¹⁶.

Обоим оригинальным иконостасам не суждено было уцелеть. Из Коллегаева в музей Мышкина поступило лишь несколько пострадавших фигур. Ситская глубинка вовремя не была замечена музейщиками, и многие ее ценности пропали.

Самый удобный путь из Коллегаева дальше — по левому берегу реки: тут шоссе с автобусным движением. Недалеко от села — деревня Родная, примечательная многими чертами старого ситского быта. Она сумела сохранить и чистоту зеленой улицы, и тишину, и опрятность. А особенности старого быта сразу скажут о себе.

Уже у самых первых домов вас позабавят козлы для распилки дров. Козлы сделаны из двух елей-выворотней. Стволы соединены прочным хитроумным способом, а могучие корни стали ножками козел.

Таких лесных находок много в быту жителей Родной. Здешний крестьянин склонен по старинке не вытесывать оглоблю, «курицу» для водостока, коромысло, козлы и многое другое, а «искать» в лесу готовый растительный элемент. И в домах, и во дворах немало увидишь поделок, в которых фантазия природы и авторство мужика на редкость едины.

*Замок местной работы.
Деревня Родная*

В такой деревне легко заметить и традиционные приемы в строительстве. Три дома привлекут наше внимание. Это как бы три этапа старого домового строительства.

Вот дом Шашуновых. Постройка на две избы ставлена вдоль по улице. Самцовое покрытие, просторный скат широкой крыши, а под ним почти два десятка окон хороводом обходят дом. Он глядит на вас, словно из далекого прошлого. Позади него — два двора: в старину постройка принадлежала двум братьям, врозь ведущим хозяйство. Прошедшие годы кое-что изменили в облике этого огромного дома: появилось крыльцо с пропиленной резьбой, довольно поздние наличники. Но в основе своей дом стар. Построенный в первой половине XIX века, он способен прожить еще долгие годы.

Неподалеку — младший брат его, дом Коргиных.

*Дом Корзиных
в деревне Родная*

Он тоже на две избы, стоит боком к улице, тоже с крыльцом посередине. Основательная рубка стопы сруба, монументальное подпечье, полки от печного столба, полати — все говорит, что если дом Корзиных и моложе огромного дома Шашуновых, то совсем ненамного.

Третий дом — Барышевых — от старинного строительного образца сохранил только впечатляющие размеры, планировку, добротность. Крыша имеет не самцовую конструкцию, она не с опорой на бревенчатые фронтоны, а крыта по-круглому, на четыре ската и завершена конфоркообразной светелкой. И все же дом любопытен; в нем еще живо ощутимы отзвуки давнего, с чем мы встречались в домах Шашуновых и Корзиных.

По-другому интересна большая деревня Щербинино. И ее быт, и ее строительно-декоративные приемы

совершенно иные, чем в других ситских селениях. Вся улица Щербинина — лицом к бесконечному ситскому каменному перекату, где даже рыболовные язы и то из камня, где на реке — редкое сооружение для ловли рыбы — заплот, перегорожа из кольев и домок. Дома в Щербинине украшены не старинной глухой резьбой и не поздней пропиловкой, а выложенным дощечками меандром — забавный пример поиска новых декоративных форм.

Но в здешних селениях пока еще больше примеров старого традиционного строительства. Так, возле Колегаева в маленькой деревне Латышовские Выселки очень приметен старый амбар. Он двухэтажный, на двадцать рядов. Нижний этаж рублен в обло с остатком. Ни один венец из десяти не позволит плохо сказать о плотнике. А второй этаж рублен «в прямую лапу», и амбар от этого разнообразия приобретает весьма примечательный вид и даже получает сходство с некой крепостной башней-невеличкой. Сходство, думается, не случайное.

Доктор архитектуры А. В. Ополовников отозвался об амбарах так: «Встречаются среди амбаров и такие, которые по своим архитектурно-художественным достоинствам могут быть поставлены в один ряд со значительными произведениями русского деревянного зодчества»¹⁷. Очень верно. Но, право, значение и художественная суть амбаров представляются еще большими.

Амбар замечателен уже тем, что он во многом сохранил черты самого изначального деревянного строения. Он ближе всех других построек к первенцу такого строительства — к клети, к первооснове всего бревенчатого рубленого. Амбар словно первый шаг от клети, в нем легко узнаешь тот сруб, от которого пошли и избы, и богатые терема, и грозные башни. Присмотришься — и в амбаре ясно увидишь начала всего этого. Амбар — выходец из давнего-давнего истока всей русской крестьянской архитектуры, словно чудом дошедший до наших дней.

А еще — амбар редкостно монументален. За столетия его давно найденные формы и соотношения были настолько выверены, отточены, прочувствованы, что многие амбары восхищают замечательной пропорциональностью, прекрасным выразительным силуэтом.

Наконец, амбар — это, так сказать, самая бревенчатая из всех бревенчатых построек. Не имея почти никакого декора, амбар отменно выявляет тектонику сруба, весь характер бревенчатой постройки, где главную прелесть создают ритмы рядов бревен, их объемы, игра светотени, натуральность цвета.

Амбар — подлинная жемчужина народной архитектуры, произведение сдержанное и благородное в своей простоте и первозданности. И встреченный нами амбар в Латышовских Выселках — один из таких.

Пойдемте дальше по средней Сити, по берегам холмистым, с полями, перелесками. С холмов, отступивших от реки, смотрит издали темный ельник, словно строгая оправа здешнего нескучного пейзажа.

Картина проста и красива. Весной это красота бодрости, оживления. Майская Сить выбегает из-за зеленых поворотов, торопливая, шумная, и всю дорогу до моря бежит и бежит, и не узнать в ней летнюю тихоню, скромную красавицу, что застенчиво пробиралась в июльские дни меж тростником и осокой, ничегошеньки о себе не говорила, тихо ластилась к бережкам, ребячливо играла у кладей, сговорчиво огибала большие камни.

А осенью Сить совсем притихнет, задумается. Опустелые поля спускаются к ней, желтеют полосы перелесков по оврагам, желт лист на воде, белый мороз на перилах лав, дальний рокоток трактора и одинокий запоздалый грачиный гай.

В деревнях забивают окна, уезжают дачники. Стожки по лугам, холодная ширь, и конь бродит в дальнем лугу. Тихо. Уж скоро снега и метели убаюкают Сить на долгие месяцы. Оживут по избам старинные были и смутные рассказы дедов. И когда телевизор наскучит, начнутся на посиделках разговоры о вчерашнем, сегодняшнем и будущем.

Хорошо и у костра в предзимнее время. На разные голоса легко и звонко шипит и свистит в огне олешник, ветер с реки раздувает малиновый жар углей, срывается и летит в траву седина пепла и навевает от костерка легкий и стойкий жарок «царских дров».

Вокруг за холодными полями — черный ельник, еще просвеченный кое-где последним березовым золотом, тихо свистит ветер в некоси, сухой высокой траве, и тихо приходит на Сить поздняя осень.

Часовня
в деревне Правдино.
80-е гг. XIX в.

Алые волны перебегают по разлому ольховой плашки, ветер рождает вновь и вновь эти горячие всполохи, в которых и тепло не одного лета, и щедрая сырость лога, и весенний ольховый цвет. Ветер долетает с полей, пахнет и прелым теплом омета, и земляной сыростью, и осенней печалью обо всем и о себе. Хорошо у костра на тихой сельской реке.

А вот еще один красивый вид — большая деревня на дальнем повороте берега. Это Правдино. В угличских писцовых книгах оно уже упоминается, стало быть, селение появилось не позднее XVI века. «...Пустошь, что было село Правдино, на реке на Сити, а в ней два места церковных, что были церкви Рождества Пресвятой Богородицы, да Бориса и Глеба»¹⁸.

Сказано, что Правдино «запустело от первого мору». Но которое это Правдино? Сейчас их два: боль-

шая деревня, к которой мы подходим, и маленькое село в километре от нее. Ситчане думают, что речь идет о деревне, откуда потом перенесли церковь на новое место, оставив здесь часовню.

Часовня хорошо видна издали, хотя и невелика. Место у нее заметное, на скрещении двух деревенских улочек. Постройка очень проста. Подходя к ней с восточной стороны, подумаешь, что это амбарчик, невесть как оказавшийся в центре деревни. Но амбарный тип выдержан не полностью. Крыша — трехскатная, на ней узенький трибун, не сохранивший креста. Часовня поставлена на камни, у крыльца — огромный камень, когда-то служивший ступенями. Сруб — на двадцать рядов тонкого леса. Рублена часовня «на холодную», без моха в пазах. Способ рубки «в обло с остатком» плотниками был освоен хорошо. Много внимания они уделили фасаду. Вынос его крыши — большой, как у двухэтажных построек, но фронтоны — тесовый, зашитый «в ёлку». По всем трем граням фронтона идет пропиленная резьба. По ней легко определить, что часовню строили не здешние плотники, а известные своими плотницкими талантами жители низовья, знаменитые сицкари. Их почерк не спутаешь ни с каким иным. Удачно ли здесь потрудились эти любители пышной пропилки?

Ответ будет не однозначен. Для знатоков деревянной работы столетняя часовня будет интересна соблюдением мастерами традиционных строительных приемов. Вот один из них — набор венцов в срубе очень строг, от самых тонких внизу к более толстым наверху. Это важная закономерность: лес должен быть либо строго равный, либо «полнеющий» кверху. Во всяком ином случае противостояние дождям будет недостаточным. А старинные плотники тщательно учитывали путь капли дождя по срубу.

Интересна часовня и непривычным в сооружениях такого рода применением крупной и многочисленной резьбы. Степень ее удачности — дело спорное, но оригинальность несомненна, здесь мы видим отличный от широко известных типов образец решения декора таких построек.

Часовня, исполненная сицкарями, является необходимым звеном в истории ярославского плотницкого дела. Без таких, сравнительно недавних образ-

*Церковь Покрова
в селе Правдино. 1820*

цов деревянная летопись Ярославщины была бы неполна.

Совсем иной памятник ждет нас в селе Правдине. Церковь Покрова возведена в 1820 году, но в начале нашего века сильно перестроена. Идем тропочкой через ржаное поле и по мере приближения с любопытством осматриваем огромный купол храма, грузноватую колокольню, тяжелые массы церкви. Память уже подсказывает сходство с неорусскими соборами Углича и Данилова. Церковь такой и оказывается: массивная, в наличниках с килевидными очельями, ширинками и крупными зубцами орнаментального пояса на северном и южном фасадах, с рядом больших кокошников на центральном барабане.

Строенный весь одновременно по трехчастной схеме храм приземист. Здесь мы не видим ни своего «прочтения» традиционных архитектурных форм, ни до-

*Церковь Троицы
в селе Старый Некоуз.
1790*

статочно твердого, уверенного почерка, прельщающего щегольством работы. Но памятник немало выручает приятное окружение. Маленькое село на вершине холма подкупает чистотой и ухоженностью, зеленью улицы и кладбища, хорошо сохранившейся церковной оградой с железными коваными решетками, с железными воротами в кирпичных столбах, с привратной часовней. Тут же по линии ограды стоит полукаменное двухэтажное здание — дом причта. Все это создает приятный глазу и достаточно единый ансамбль.

От Правдина асфальтовая дорога ведет на станцию Некоуз, по пути можно осмотреть старинное село Старый Некоуз. Оно известно с XVI века, в грамоте угличского князя Дмитрия Жилки село упоминается под 1521 годом. Первая каменная церковь Троицы тут построена в 1790 году. Она не избежала достроек,

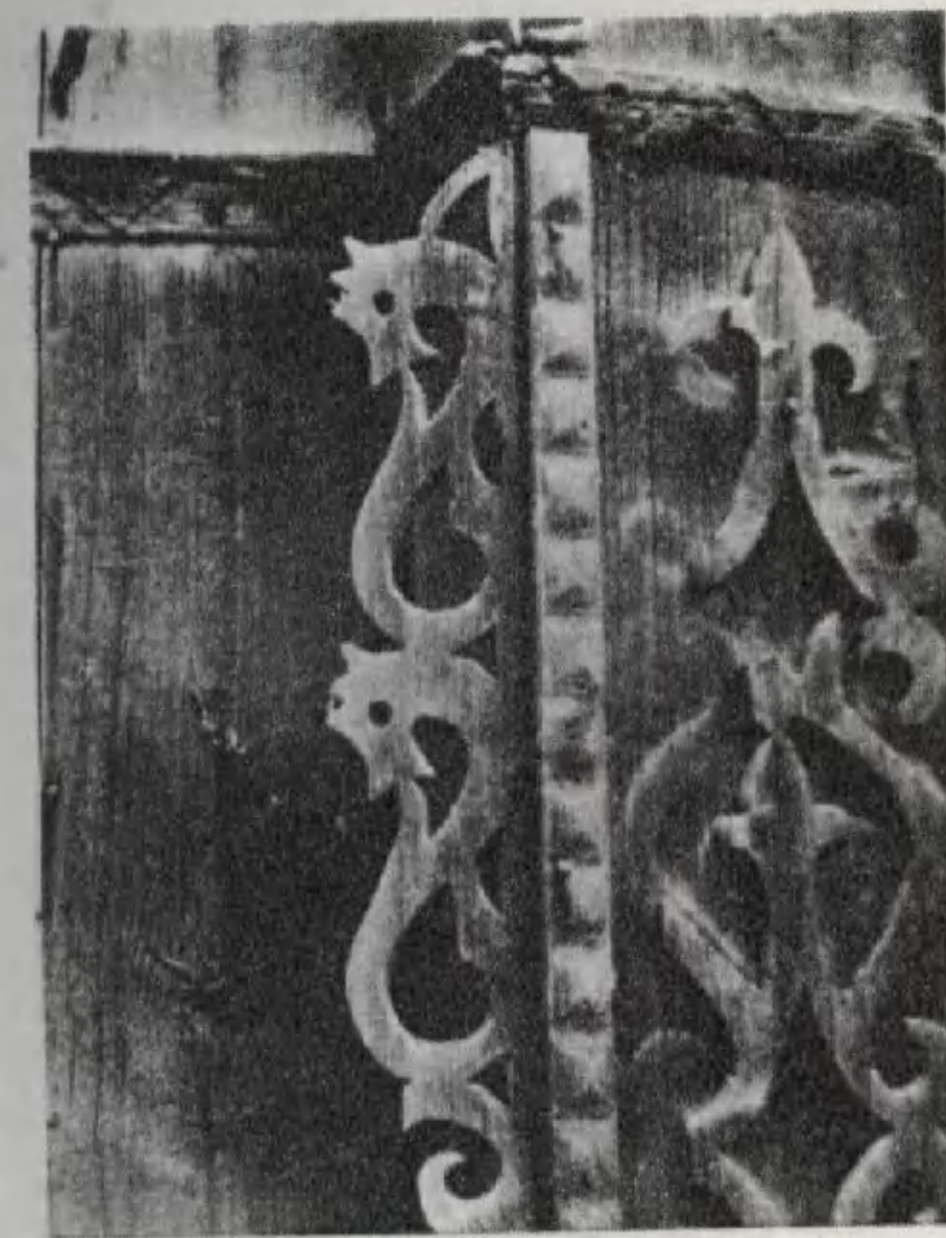
*Часовня
в селе Старый Некоуз.
Конец XIX в.*

но первоначальное видно ясно. Церковь поднята на высокий подклет, разделенный на множество кладовых, где купцы хранили товары. Постройка эффектна и, несмотря на потери, выглядит внушительно.

Рядом, на бывшей базарной площади, — кирпичная часовня с шатровой крышей, выполненная в неорусском стиле. Это единственная в окрестностях Сити часовня такого стиля.

Надо отметить, что строители неплохо осмыслили свою задачу, в меру и со вкусом использовав набор древнерусских элементов. Часовня удалась, площади и селу она нужна.

Есть в селе группа домов, построенных сицкарями. Особенно достоин внимания дом Городничиных — рафинированный образец сицкарского декора первого десятилетия нашего века, одна из лучших построек сицкарей.

← Дом Городничных
в селе Старый Некоуз.
Начало XX в. Фрагмент

Дом Комовых
в селе Старый Некоуз.
Начало XX в.
Деталь резьбы.

Интересна поездка из Старого Некоуза по дороге на Спас-Ильдь. В селениях по дороге немало домов сицкарского дела. Особенно богата ими деревня Дубинино. Хороший образец сицкарской работы 90-х годов прошлого века — дом Лёзовых. В его облике мастерское исполнение классических сицких образов сочетается с поиском новых форм. Особенно интересно и новое резное оформление крыльца, такие смело исполненные растительные элементы на Сити встречаются редко.

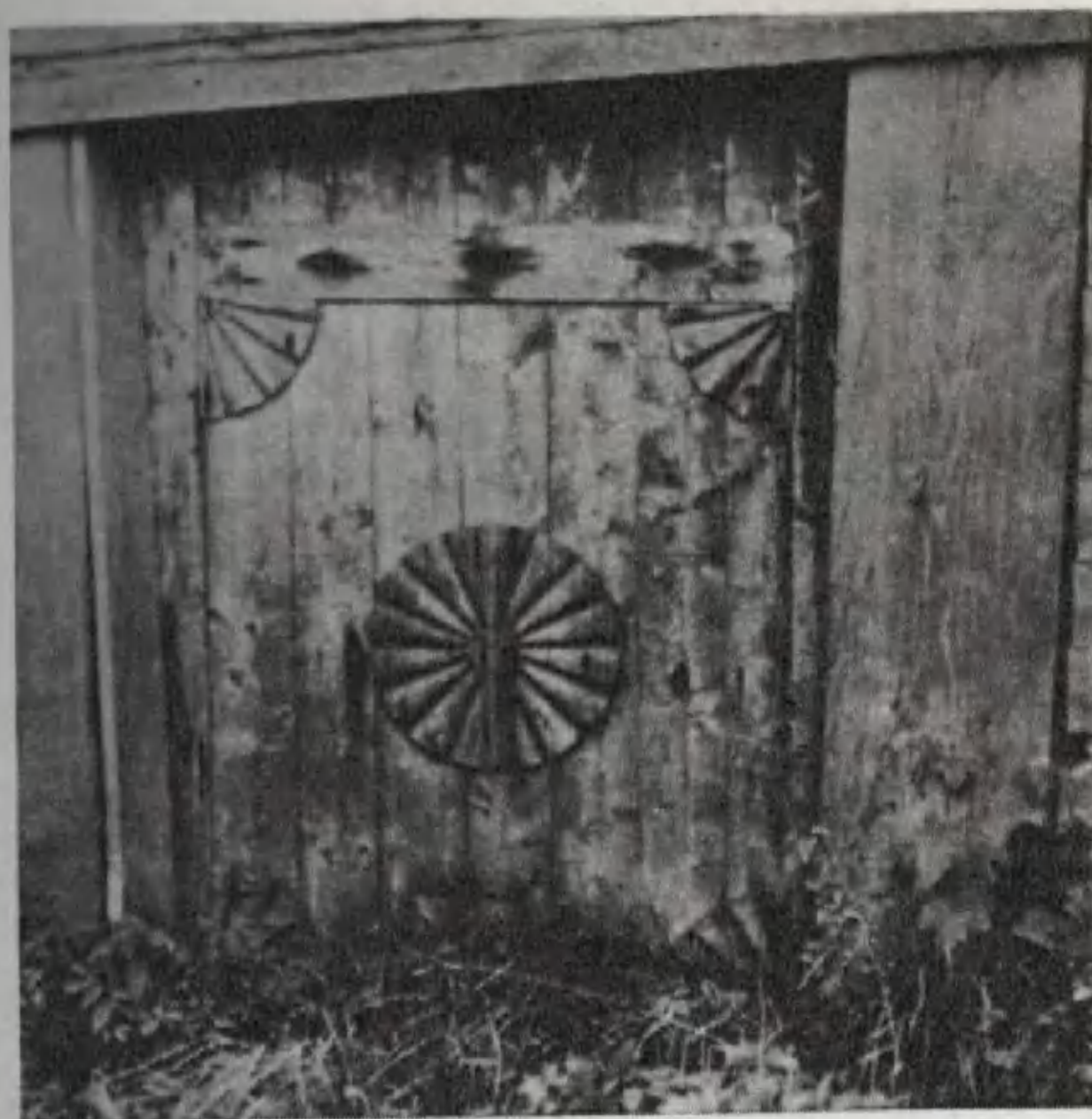
Редкой может показаться и церковь Дмитрия Солунского в исчезающем сельце Дмитриевском. Собственно, тип ее хорошо знаком, в основе плана лежит средокрестие с ротондой. Западная ветвь креста удлинена пристройкой трапезной, в торце которой уступом поставлена колокольная со сквозным входом в церковь. Редким для ситских памятников ока-

*Дом Е. П. Лезовой
в деревне Дубинино.
Начало XX в. Фрагмент.*

зывается соотношением ротонды с размерами средокрестия. Ротонда так широка, что при своей невысокости воспринимается чуть ли не вторым ярусом. Такой ее размер, стены, облегченные двенадцатью окнами, дают замечательную освещенность интерьеру, богатую игру света. Совсем невысокий храм, возведенный в 1808 году, очень выиграл от этого решения. Ощущение простора, легкости, пронизанности светом — редкое для ситских церквей.

Северная и южная ветви креста дополнены четырехколонными портиками, хорошо согласованными с объемом средокрестия. Трапезная проста и сдержанна, колокольня невелика и довольно любопытна. Первый ярус — со сквозным проходом в церковь декорирован рустом, второй — со скругленными рустованными углами и встроенными в проемы заподлицо колоннами, а третий — изящный цилиндр под

*Калитка
дома Е. П. Лезовой
в деревне Дубинино.
Начало XX в.*

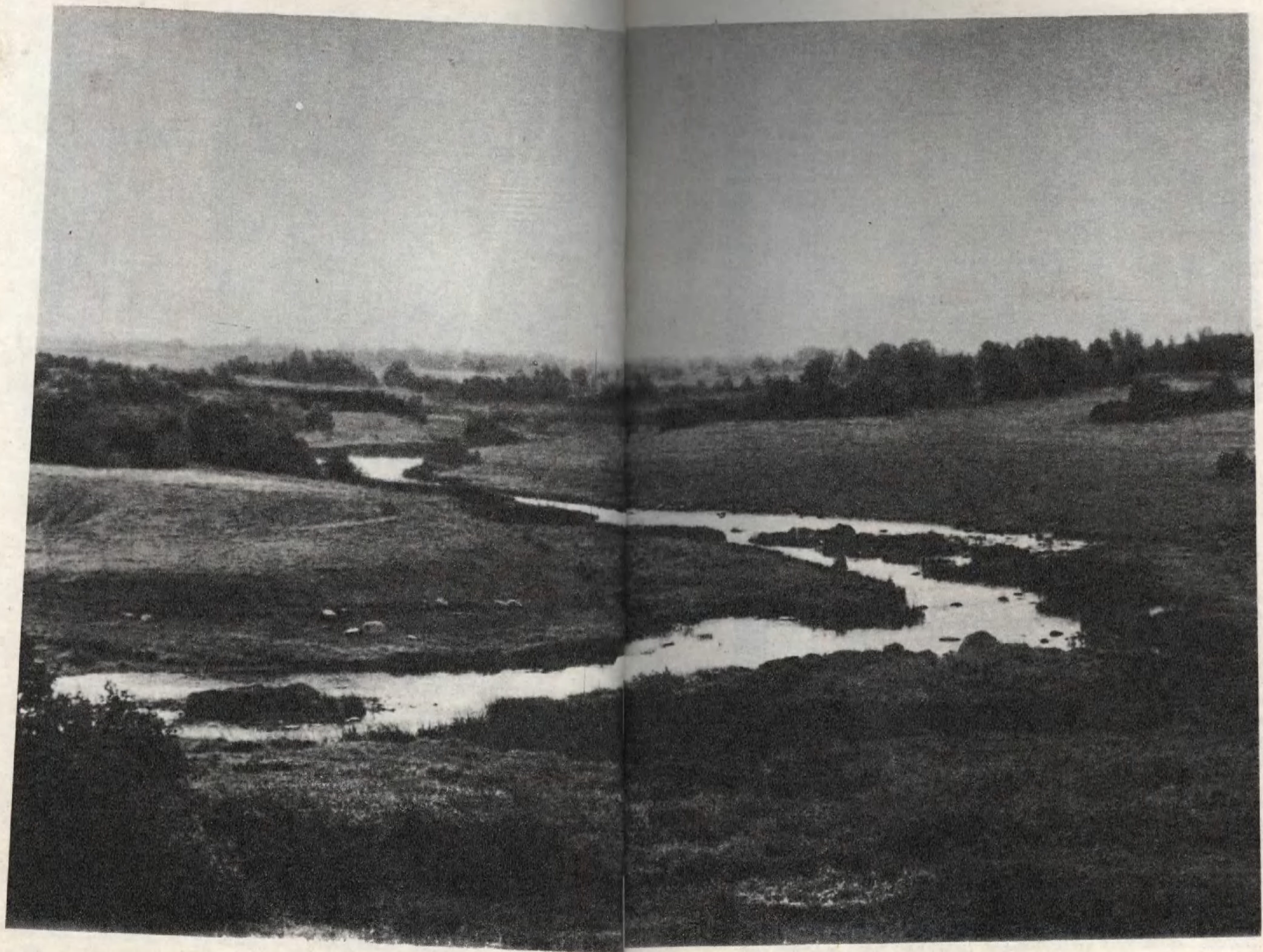
*Сить у деревни Раково
→*

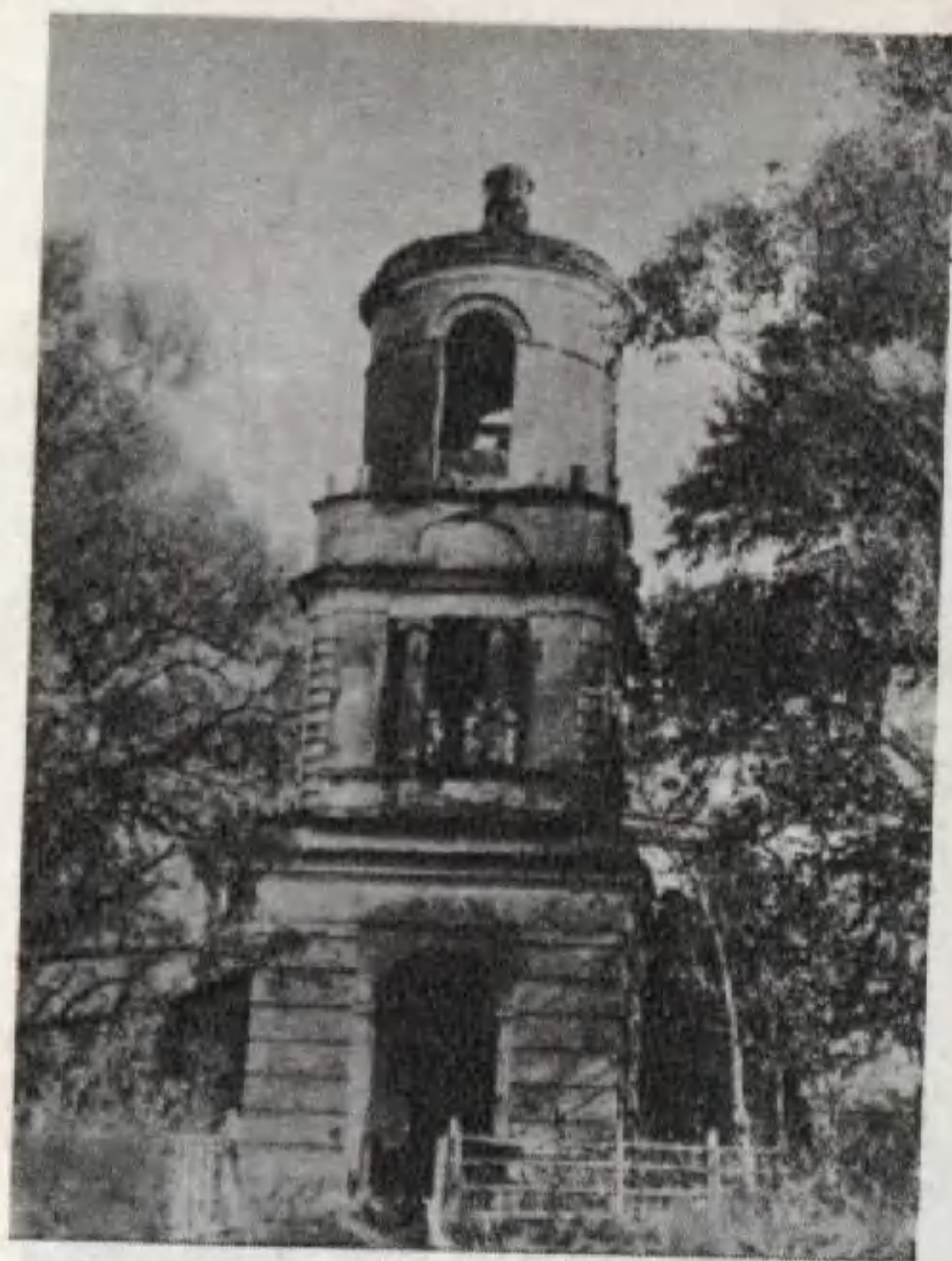
уплощенной полусферой. Во всем тактичное следование облику центральной части храма.

Печален вид тихого Дмитриевского. Птицы, ветер, облака и старый храм в зелени опустелого села — запоминающаяся встреча на нашем пути.

Способна заинтересовать и церковь Преображения в селе Спас-Ильдь. Из всех ситских памятников она наиболее традиционна. Уже подходя к селу, видишь ее явную «старинность». Очертания колокольни, пятиглавия, апсиды вызывают в памяти древние архитектурные мотивы. И здесь — не поздняя стилизация, а, скорее, запоздалая традиция. Главы, близкие к пучинистым, световой барабан, декоративные граненые барабаны, украшенные лопатками с перегибом, лопатки высокого строгого четверика — все имеет истоки в XVII веке.

Композиция храма 1799 года, детали еще дышат

*Колокольня церкви
Дмитрия Солунского
в селе Дмитриевском.
1808*

старинной допетровской. Высокий двусветный четверик, граненая апсида, простая трапезная — все выглядит отнюдь не скупым, не бедным, а достойно сдержанным. Трехъярусная колокольня, уступом приставленная к трапезной, вполне созвучна всему остальному. Храм в Спас-Ильди — самое интересное на этом маршруте воплощение древнерусских архитектурных мотивов. Тут нет воспоминаний, тут есть еще живая традиция.

На речке Ильди есть еще интересные церкви — в Марьине, Козьмодемьянском, Никольском, но это уже довольно далеко от основного маршрута. Возвратимся на Сить. На пути по ней стоит обратить внимание на декор домов деревни Васино. Завершенные наличников забавными змеями со смешными утиными носами, появление на наличниках головок сказочных птиц в коронах — это уже приметы декора-

*Часовня
в деревне Раково.
Первая половина XIX в.*

тивной работы сицкарей, к краю которых мы постепенно приближаемся. Их добродушные, сказочные деревянные звери, почти всегда не раскрашенные, но обязательно на алом фоне, смотрятся необычно и запоминаются. Узор в таком сочетании с цветом удачно выдает древесные качества материала.

После Васиного пейзаж заметно меняется, река все сильнее, шире ее долина, чаще притоки, они дробят приречные холмы, создавая разнообразные виды. Поля, луга, ельники, пойменные лесочки, заливные лужки красуются, пестрят в смелых прихотливых изгибах Сити. Деревни стоят высоко, заманчиво выглядят издали.

В деревне Добрецы есть два дома начала XIX века, позднее они были обшиты тесом. Окна глубоко утонули в тесовой обшивке, и это «устарило» постройку; рядом с ее скупым, замкнутым обликом доволь-

*Дом Н. Охупкина
в деревне Раково.
Середина XIX в.,
реконструкция —
70-е гг. XX в.*

но необычно смотрится богатое сицкарское убранство карнизов, «наброшенное» на дом поздней. Резьба карнизов свешивается с дома, как скатерть со стола.

Но еще лучшие дома, построенные сицкарями, вы увидите в деревне Ракове, однако издали скажут о себе не они, а тамошняя часовня.

Еще издали видна она, на вершине холма, посреди широкой улицы. Поставлена так ладно, что маленькое здание со стороны Добрецов воспринимается самым удачным в деревне. Часовня стоит на площадке, которую кругом обошли дома, разместившиеся пониже ее. Она восьмигранная, невысокая, под крышей легких криволинейных очертаний. Крыша-«копна» завершена столбиком-трибуном, на нем — чашевидный куполок, яблочко и крестик.

Еще в конце прошлого века крыша была шатровой, на восемь скатов. Наверно, граненый шатер был род-

ней, но не будем хаять нынешнее позднее жестяное покрытие, лучше будем благодарны ему, что сохранило нам еще один образец старинного сицкого строительства.

Восьмигранный сруб не строг в ритмах венцов, заметно, что он пережил ремонты и поправки. Но в сочетании с криволинейным силуэтом покрытия нестрогость рядов сруба вида не портит. Вторит этой живописности и опушка крыши с простым узором частых полукружий.

«А и до ремонтов такая же часовня была, о восьми углах, а до той тоже была. Этак и пошло...» — примерно такими словами раковцы заверят вас в древности своей часовни. И, конечно, добавят, что в первый раз она появилась после татарского погрома, когда враг сжег здешнюю церковь и все село. Пояснят, что потому и не застраивается середина деревни возле часовни, потому и дома на нее глядят. «Строить тут нельзя, место особое, место полузабытого древнего кладбища. Сажать деревья — можно. Вот девочка Галя Трубина насажала их немало, вроде садочка получилось, так это хорошо, молодец девонька. А мать ее, тетя Нюра, за часовней присматривает, ключ хранит». Часовня в порядке, хозяева есть. Крыша покрашена, купол, двери и окна — тоже. Большой камень у двери словно приглашает присесть, поглядеть, подумать.

Поглядим. Радует отношение раковцев к своей часовне, радует их уверенность в ее нужности. Хорошо тут отдыхать и глядеть на окрестности и на дома Ракова, окружившие площадку с часовней. Дома большие, есть и двухэтажные, каждый наряден, каждый есть за что похвалить. Каждый звучно говорит о строительном мастерстве сицкарей. И хоть мы еще не пришли в край знаменитых плотников, но, видно, пришло время заранее рассказать о них. Слушайте!

5. Сицкари

...Но остается совершенно неизвестным и загадочным происхождение так называемых «сискарей» или «ситскарей».

С. Мусин-Пушкин. Очерки Мологского уезда.

О сискарях, или сицкарях, как говорят сейчас, читающая Россия узнала в середине XIX века. И с тех пор в любой публикации о Ярославщине, хоть немного касающейся быта ее населения, его этнического состава, непременно говорилось о сицкарях, но говорилось в каждой из них с той же малой степенью ясности, что и в самых первых упоминаниях. Сицкари и по сей день остались загадочными, хотя сведений о них теперь немало.

В этнически однородном населении Ярославского края они выделяются и укладом жизни, и говором, и богатством в труде, удивительным даже для многотерпеливого труженика — русского мужика.

Хорошо известен быт сицкарей, нравы, занятия. А что же загадочного? Загадочно происхождение. Кто они? Русские или нет? Если нет, то кто?

Эта этническая группа всегда была невелика. Ярославский краевед П. Критский в начале нашего века считал, что их не больше ста семей¹⁹. Впрочем, другие занимавшиеся этим вопросом с ним не соглашались. Например, сицкий краевед А. Преображенский географически точно обозначает границы расселения сицкарей и указывает, что в начале XIX века их было до пятисот человек, а к 1848 году их стало до 2150 человек²⁰.

Но Критский писал свои работы о Ярославском крае в начале XX века, когда стирание бытовых и

речевых особенностей уже шло довольно быстро. В те годы все упоминания о сицкарях содержали призывы поскорей изучить эту исчезающую, сливающуюся с русскими народность или этническую группу.

У С. А. Мусина-Пушкина есть строки, полные беспокойства: «Следует поспешить с изучением говора и быта загадочных сискарей: успехи культуры, введение грамотности заметно действуют нивелирующим образом и сглаживают характерные оттенки и различия»²¹.

Различия заметны были в говоре, внешности, характере, поверьях, роде занятий. Свидетельств о говоре сицкарей, казалось бы, немало, но, к сожалению, они не подробны и неполны. Едино в них одно: говор сицкарей — певучий, с частыми включениями звуков «з» («дзядя» вместо «дядя», «дзеревня» вместо «деревня») и «ц» вместо «т» («Сцепан» вместо «Степан»). А вместо привычного нам «ц» у сицкарей «ч» («курича» вместо «курица»). Все писавшие о сицкарях единогласно отмечают, что говор их от ярославского резко отличен, и называют главным отличием как раз «дзяканье» и «цяканье». По внешним признакам сицкарей описывали так: невысоки, волосы светлые, рыжеватые, походка с развальцем. Высокие, статные среди сицкарей были очень редки.

Сицкарям свойственна медлительность в движениях, которую сторонние люди, а то и этнографы легко (и напрасно!) отождествляли с леностью и сонливостью. Конечно, напрасно, сицкари — замечательные работники! Своеобразен и характер сицкарей — он ровный и невозмутимый, спешки сицкарь не любит, он богат настойчивостью, трезвостью и послушанием. На бойких ярославских мужиков вовсе не похож. Всегдашней готовностью на тяжелые работы и полным отсутствием предприимчивости резко от них отличается. Ни в торговцах, ни в приказчиках, ни в промышленниках, ни в чиновниках (даже в сельских) сицкаря было не сыскать, словно не его это дело.

А что же его-то? Сицкари на старой Волге были известны как славные корабли. У Критского сказано коротко: «Сицкари занимаются разными лесными промыслами, а особенно постройкой барок»²². Этот некогда славный промысел сильно был развит на нижней Сити, и верны ему были большинство сицкарей.

Когда завершали уборку урожая, шли на судовое дело — лес валить, тесать копани (шпангоуты) для судов. И эта сицкарская страда — до самой весны, до спуска барок на воду. Тихие сицкие леса оживали, в них становилосьлюдно и повадно. В самых дальних их местах курились костерки, стояли шалаши, разноголосо перекликались топоры и пилы. А по берегам Сити закладывались десятки, а то и сотни барок и полубарок. Порядясь с купцами, суда строили уже на верное, для ведомых хозяев.

Дела хватало каждому человеку и на заготовке, и на перевозке, и на сборке. Нелегкая и строгая работа судостроителей не была надежной, расценки, сложившиеся за долгие годы, оказывались невысокими. Так, изготовление пары копаней ценилось всего за 30 копеек серебром. Вся барка стоила 450—515 рублей ассигнациями, а расход на нее доходил до 200 рублей и больше, да еще несчитанный труд и немалое время.

Случалось и такое, что цена не поднималась выше 250 рублей. Откуда уж тут быть прибыли? А если весной барки не сбыли, то летом или осенью больше 150 рублей не получить. Тут уж убыток великий. Полубарки шли за 120—180 рублей²³. И хотя среди верхневолжских судов суда сицкарей всегда считались лучшими, но не разбогатели сицкари от этой работы. А разориться вполне можно было. Так, в 1847 году сицкари построили до 250 барок, но большинство их осталось на берегу. Год оказался засушливым, мельницы на Сити всю зиму стояли без дела, молола лишь одна панкратовская, у начала нижней Сити, да и то в один жернов. Сицкари спускали барки всем миром, деревянными воротами растаскивали камни в обмелевшем русле, тяжело трудясь над расчисткой реки. Но сорок барок так и не смогли спустить. Пришлось покупать воду у мельников средней Сити, две тысячи рублей выложили несчастливые корабелы. И — выплыли!

Малы были деньги за барку и когда в начале прошлого века стоила она 250—300 рублей, и когда в конце века цены поднялись до 400 и более рублей. Одинаково росли цены на лес, кованные изделия и даже на воду.

Особо дорожал лес. За него сицкари платили «попенные деньги» (с каждого пня) помещикам или в

лесное ведомство в Рыбинске. Платили после продажи судов, лишь тогда у сицкарей появлялись денежки. Прибывали с Сити к рыбинским пристаням сицкие суда по заказу или на вольную продажу. Отзывались волжской веселой волне сицкая звонкая сосна бортов и ель копаней. Далеко поплывут барки и полубарки, начавшие путь из «страны сицкарей». Санкт-Петербург увидят! А их строители расплатятся с долгами, покупки небольшие произведут, и, может быть, удастся из всех «капиталов» малые деньги на черный день оставить или, вернувшись домой, поправить ими хозяйство, «заткнуть» многочисленные его прорехи.

А суда сицкие славились, знатоки их очень хвалили. Отмечали, что хоть работа не так чиста, как у молодых и волжских, но барки замечательно крепки, плотны, «не водянисты», а главное — легки на ходу и подъемисты.

Этот знаменитый некогда на Сити промысел сейчас уже плохо помнят. Но могут еще верно рассказать, что на постройке судна работала вся семья. Мужики собирают барку, старики и дети пилят и строгают деревянные барочные гвозди, мальчики десяти — двенадцати лет возят из лесу материал, девочки пилят на дрова отходы корабельного дела.

Впрочем, отход и на стройку шел. Богатые не унижались до этого, а беднота строила дома как раз из отходов судостроения. Получалось недорого. И сейчас по нижней Сити большинство амбарчиков и небольших домов — живые памятники сицкого корабельного дела.

Сицкарь настолько был им увлечен, настолько сросся с вековым своим промыслом, что это отразилось даже в прозвище, которым окрестные жители, считающие себя уже не сицкарями, а истинными русскими, в шутку одарили простоватого лесного древодела. Прозвище это — «кокора сицкая». Чрезвычайно удачно и оригинально.

Судостроение на многое в жизни сицкарей наложило свой отпечаток. Даже в застройке крестьянской усадьбы и то оно отразилось. Кроме избы на две половины (черную и белую), житницы, сеного сарая, овина с навесом, двора с хлевом у каждого дома была еще одна, уже чисто сицкая постройка. Это щепник, куда валили щепки и обрубки от строительства судна.

Щепки хороши на растопку, а обрубки чем не дрова? А под крышей-то и сухие еще!

Набиралось дров немало, ведь сицкий полубарок от восьми до пятнадцати сажен длиной, три-четыре сажени шириной. В воде сидел на четыре-пять вершков и нес до четырех тысяч пудов груза. Барка — судно в восемнадцать сажен, до двенадцати аршин шириной, осадка — до шестнадцати вершков, а груза несла до девяти тысяч пудов. Подъемисты были сицкие суда! Ни одно из них не сохранилось. Да и сохраниться не могло, ведь лишь на одну навигацию, на один ход до Питера делались славные суда, а там разгружались и сбывались на дрова. Им суждено было увидеть много озер и рек русского Севера, столицу и закончить свой путь, жарко горя в печах питерских домов.

Судостроение — былая слава и гордость сицкарей, главное средство к существованию. «Суда нас больше кормят, чем земля», — говорили сицкари. Сохранились и другие краткие и афористичные поговорки о жизни сицкарей: «сицкаря топор обувает, одеваает и кормит», «сицкарь с топором что казак с конем». Доводилось слышать и иной вариант последней: «сицкарь с топором что казак с копьем».

Но судостроение не единственная слава сицкарей. Когда оно пошло на убыль из-за появления более современных судов и дороговизны леса, рядом с ним стал развиваться и заменил его еще один древодельный промысел. И раньше он был, и был неплох, но жил как бы в тени судового дела. А теперь, получив приток умелых, выросших в лесу, словно родившихся с топором людей, он процвел. Это плотницкое отходничество.

Далеко принялись странствовать сицкари по Ярославской и Тверской губерниям. Чуть не в каждой деревне знаемы были эти невысокие плотные мужички в длинных армяках из самодельного сукна, в лыковых лаптях, с котомками, пилами, топорами, прочим инструментом, который ценили больше всего на свете.

«Цякая» и «дзякая», смеша людей своей речью и своей бедной и старообразной одеждой, рядились странники на работу, а когда она начиналась, тут уж шутки и смешки быстро забывались. Невзрачные мужики в холщовых и пестрядинных рубахах, в шта-

нах из домотканины, в пропотевших картузах трудились на диво слаженно и неутомимо. Видны были великие мастера плотницкого дела.

В Ярославле, Угличе, Рыбинске, Мышкине, Весегонске, Красном Холме и в бесчисленных селах и деревнях и сейчас еще можно видеть дома, срубленные сицкарями. Конечно, много их и на Сити, но вот парадокс — много их тут, но все это не шедевры искусства сицкарей.

Почему так? Причина проста: небогаты были великие плотники и себе поневоле строили поскромней. А когда работали у богатых заказчиков на стороне, там появлялась возможность показать свое умение во всем блеске. Да и когда хорошо строить себе? Ведь летом, в самый разгар стройки, вся плотницкая сила покидала Сить, идя на подряды, в отход.

Но не подумайте, что совсем уж плохо строили сицкари свои дома. Есть и здесь постройки весьма примечательные и особенно в деревнях Раково, Панкратово, Глинник (приглядитесь к домам деревни Раково, окружающим площадку с часовней и Галиным сквериком). И уже самые первые впечатления будут верны. Сицкари любили рубить сруб в «простую чашу», другие способы у них пользовались куда меньшей популярностью. Знали они рубку «в прямую и косую лапу», «в погон», «в иглу», но применяли ее не часто и то в общественных или хозяйственных постройках. Рубка «в лапу» применялась в основном при строительстве часовен и при устройстве верхних ярусов амбаров.

А жильё рубили «в простую чашу» («в обло с остатком»). Имелись как бы два подвида этого способа. За малые деньги рубили дом «по старине». Тесанные внутри бревна перед самым углом оставались круглыми, с постепенным переходом от плоскости к округлому. Велика пластическая выразительность такого интерьера!

Но тем, кто богаче, рубили уже не «в простую чашу», а «в крюк», когда бревна с нутра тесали до самого угла, и углы получались гладкими, как в городском кирпичном доме. Рубка «в крюк» трудна и не ходка, но зато сруб плотней и внутри дом чуть ли не господский. А снаружи дома сицкарской работы весьма разнообразны: и по-старинному с самцовыми

*Крыльцо
дома А. Н. Беловой
в деревне Глинник.
Вторая половина XIX в.
Мастер В. К. Белов.*

*Дом С. Охапкина
в деревне Раково*

фронтонами, и «круглые», с крышами на четыре ската, и со светелками — даже с двумя, а то и с тремя-четырьмя. Но это уж на заказ, себе делали попроще, дороговизна леса сказывалась.

Начиная со второй половины XIX века большинство сицких плотников увлекалось новомодной пропильной резьбой, и вскоре выработалась местная школа декоративного оформления дома. Сицкарь, обряжая новостройку, не мыслил ее без пышного убранства карнизов, резного подзора у свеса крыши, богатых наличников, резьбы по пилястрам, простенкам, крылечку. Нужным считался и аркатурный пояс на два-три венца ниже окон. Чаще всего дом имел щегольскую тесовую обшивку. Вкус заказчика сицкари внимательно учитывали, но всегда твердо отстаивали свою моду, свой почерк.

Мода эта нерушимо принимала за главное место

для размещения резьбы карнизы дома, затем фронтон крыльца, светелку. Наличник, столь ценный плотниками других мест Ярославщины, у сицкарей играл второстепенную роль. Тон задавал карниз, узор его — главный блеск художественного умения сицкаря. Впрочем, о творчестве старых и новых сицкарей мы еще будем иметь возможность рассказать. А сейчас о самих знаменитых древоделах.

Их яркая особенность — приверженность к лесным и древодельным промыслам. А. Преображенский, симпатизирующий этому «лесному народу», отмечает, что сицкарь, родясь и выросши почитай что в лесу, истинно не мог без лесных дел. «Его любимое занятие — возиться с лесом»²⁴. О судостроении и плотничестве мы уже сказали. Но это не все.

Сицкари в помещичьих лесах ломали сосновые пни, гнали из них деготь, используя бересту. За год добывали до пятисот пудов. В лесах жгли уголь, были звероловами, делали лопаты, колоды, славились отменными кровельщиками. Всем этим они резко отличались от соседних ситчан. Если те во многом кормились рыбой, то у сицкарей ее ловлей никто не занимался, а раков вовсе не ели, хотя те и водились во множестве. Пчеловодством не занимались, гончарства не знали и за горшками ездили великие древознатцы аж за полтора верст. И платили по десять — пятнадцать копеек за горшок. И это когда на месте сицкарь продавал стеновое бревно за те же пятнадцать копеек, а сотню леса на крышу — за два рубля. Разорение с этими горшками! И рады бы не покупать, да ничем не заменишь горшок, из дерева его, увы, не сделаешь.

Из отхожих промыслов знали только плотницкий, а более — ничего. Прочий отход тут был изумительно мал для легкой на ногу, сплошь отходнической Ярославщины. Так, в середине XIX века в столицах на отходе были всего-навсего десять человек со всей нижней Сити.

Отличался сицкарь от соседей и застройкой селений. Долго угадывался в селениях сицкарей некий особый колорит, которого не было у соседей. Посадов, порядков домов не существовало, а процветала совершенно вольная застройка, в которой каждый дом оказывался на выигрышном месте и стоял так, как было любо хозяину. Вместо калиток-отводков у начала

селений были перелазы, кое-где сохранившиеся до сих пор. Крышу крыли тесом «в желоб». Летнюю избу обшивали тесом стоймя, совсем отрицая уже общепринятую горизонтальную обшивку «на ус». Еще в начале XX века нередко были дома с глухими поветями и въездами на поветь. А вот бань не было, что дивило всех интересовавшихся сицкарями.

Впрочем, поистине богатырское здоровье сицкарей, видимо, не слишком нуждалось в спасительном действии бани. О здоровье и неприхотливости сицкарей приходилось слышать рассказы чуть ли не сказочные. А. Преображенский тоже отмечает: «Народ силен и здоров. А рассказы о богатырстве стариков — удивительны»²⁵.

Работа на морозе едва одетым, хождение по снегу босиком, стояние в ледяной воде, сон в лесу на мокрых ветках — довольно обычные случаи для старинных сицкарей. Появляясь в Рыбинске со своими барками и рядясь там на временные работы, сицкари удивляли своей неприхотливостью выдавших виды жителей бурлацкой столицы. Тут стоит опять обратиться к А. Преображенскому, скромному и добросовестному бытописателю сицкарей: «Самой поздней осенью, проработав целый день в лесу в одной рубашке, весь потный, приходит он в зимницу и тотчас без всяких предосторожностей отводит душу холодной водой, поужинав, потный же спит на нарах, из-под которых сквозь немощёные стены сквозит холодный ветер, а часто пробивается и дождь.

На барках в Рыбинске он также весь день подвергается стуже, дождю, слякоти и пьёт холодную, прямо из Волги, воду, приходит на квартиру мокрый, не имеет ни времени, ни места обсушиться, поужинав, садится до петухов тесать гвозди и ложится спать мокрый, на сырых щепках и под сырым кафтаном»²⁶.

Вот каковы были сицкари. Но кто же они все-таки? Что за народ? Откуда взялись?

Вопросы эти задавали многие, и ответов было множество. Одни (как С. Мусин-Пушкин) видели в них выходцев из Литвы. Другие (в их числе П. Критский) считали сицкарей потомками переселившихся сюда в средние века карел. Было даже и вовсе неподходящее мнение о татарском происхождении сицкарей. Наконец, краеведы недалекого отсюда городка Мыш-

кина полагают, что сицкари — потомки новгородцев, переселенных при Иване Грозном.

А лучший знаток этого «народа» А. Преображенский от выводов воздержался, отметив старинную русскую их одежду, и в том числе — характерные невысокие кокошники с медным позументом на лбу, столь любимые сицкарями. У праздничных уборов позумент был серебряный. Очевидно, это несколько напоминало известные северные, тарногские, образцы. Писал Преображенский, что сицкари — люди мирные и тихие. На «хоробрую Литву» это не очень похоже! Но шутка — шуткой, а слова своего он так и не сказал. И, видимо, решительного слова никто уже и не скажет, сицкари становятся все более похожими на своих соседей.

Зато много и ясно говорят о сицкарях их постройки. Разновременное сицкарское строение — словно огромная деревянная книга, которая тяжелыми ритмами венцов, взлетами фронтонов, песнями карнизов и наличников говорит о трудах сицкарей, выполненных когда-то для настоящего, но обращенных в будущее.

Продолжим путь. Вот в селе Станилове, что стоит на нашем пути, большая группа домов, строенных сицкарями. Тут и дом чуть не двухсотлетнего возраста с крышей «в желоб», и дома с четырехскатными крышами, и дома в богатой резьбе.

Однако главное, что привлекает внимание, — это памятник иной системы образного мышления, каменная церковь Преображения, выполненная в неорусском стиле. Это одна из интересных построек Сити.

Постройка разновременная. Для Сити тут редкий случай, когда самой старой частью церкви является колокольня. Трехъярусная, высокая и строгая, уцелевшая от храма 1811 года, со сквозным проходом в первом ярусе, она поставлена уступом к трапезной, за которой — двусветный четверик летней части храма с четырехугольной апсидой. Колокольня — удачных пропорций. И хотя все украшение ее — приставные колонны с абаками, установленные по ярусам, стройность и значительность облика выдают хороший вкус и умение строителей.

Все остальное построено много позднее колокольни. Трапезная невысока, проста, сдержанна. Она подчеркнута нейтральна. Ее роль явно подчиненная, она

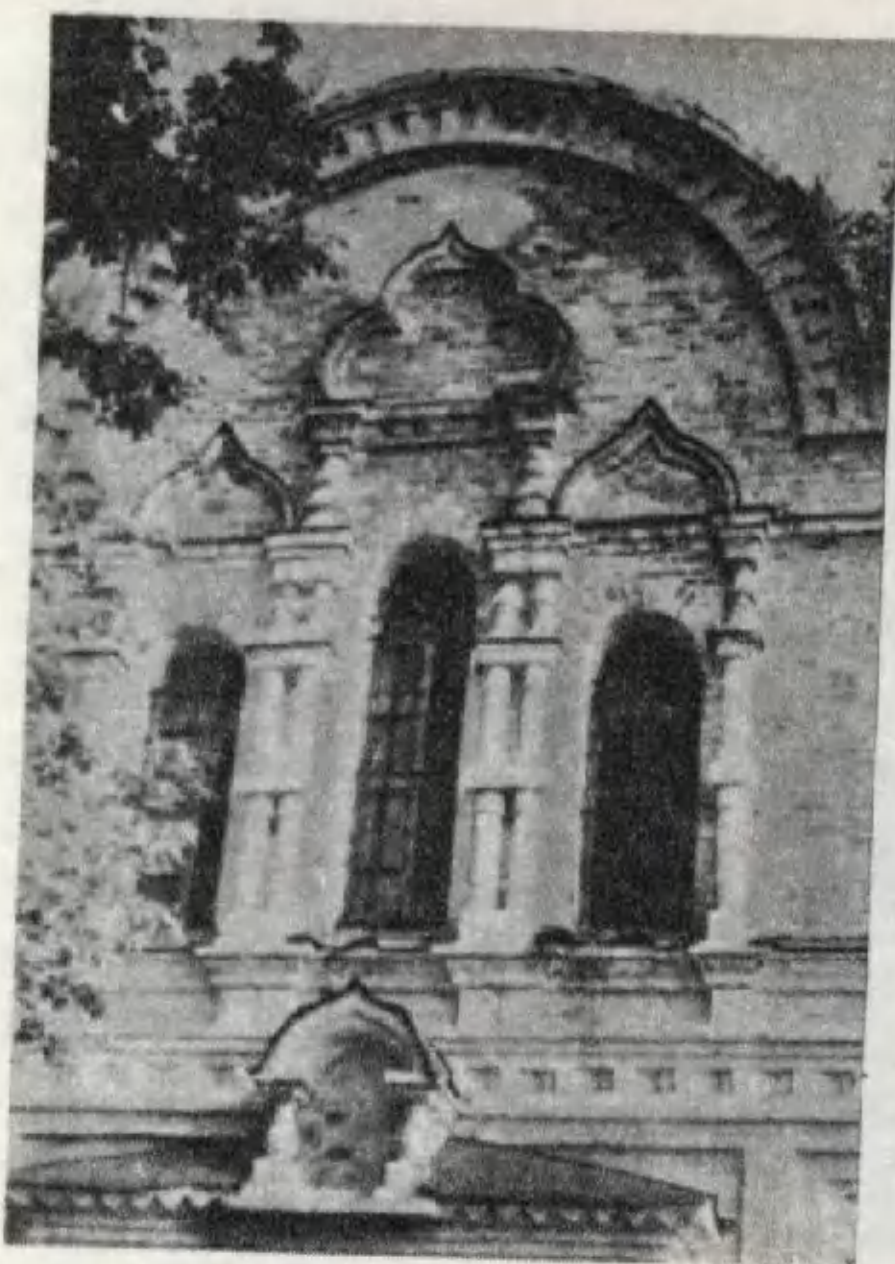

*Церковь Преображения
в селе Станилове.
Колокольня — 1811 г.,
собственно церковь —
конец XIX в.*

присутствует, но почти не участвует в создании образа храма. Зато двусветный четверик, увенчанный пятиглавием, — главный предмет поисков и находок архитектора, главное место проявления мастерства каменщиков.

Приближаясь к церкви, невольно настраиваешься на встречу либо со старательным повторением образов Древней Руси, либо с эклектичным набором средневековых декоративных элементов, от которых может зарябить в глазах. Но нас ждет встреча с памятником, автор которого был далек и от механического повторения, и от безудержного украшения. Располагая старыми формами, он мыслил по-новому.

Основное внимание было уделено северному и южному фасадам. Оба фасада летнего четырехстолпного храма представлены эффектными комбинациями декора. Наличники с килевидными очельями,

*Церковь Преображения
в селе Станилово.
Конец XIX в.
Фрагмент южного фасада*

кокошники, ширинки, колонки с поясками и дыньками применены с чувством меры. Облик памятника не растворяется в бесчисленных украшениях, каждое из них и говорит о себе и успешно участвует в создании образа.

Зрительным центром фасадов являются ризалиты, захватывающие почти две трети стены. Из ризалита выступают белокаменный невысокий портик с приземистыми кубышкообразными столбами, с неширокой пологой аркой входа, несущей тяжелую массу кладки завершения. Портик любопытен. Старинные прообразы его найти легко, например в решении крыльца церкви Иоанна Предтечи в Угличе. Тяжеловатое живописное крыльцо на столбах-кубышках, пожалуй, наиболее выразительная часть храма. Редкий художник, гость Углича, не обратит внимания на этот оригинальный образ. Н. К. Рерих в своей картине «Уг-

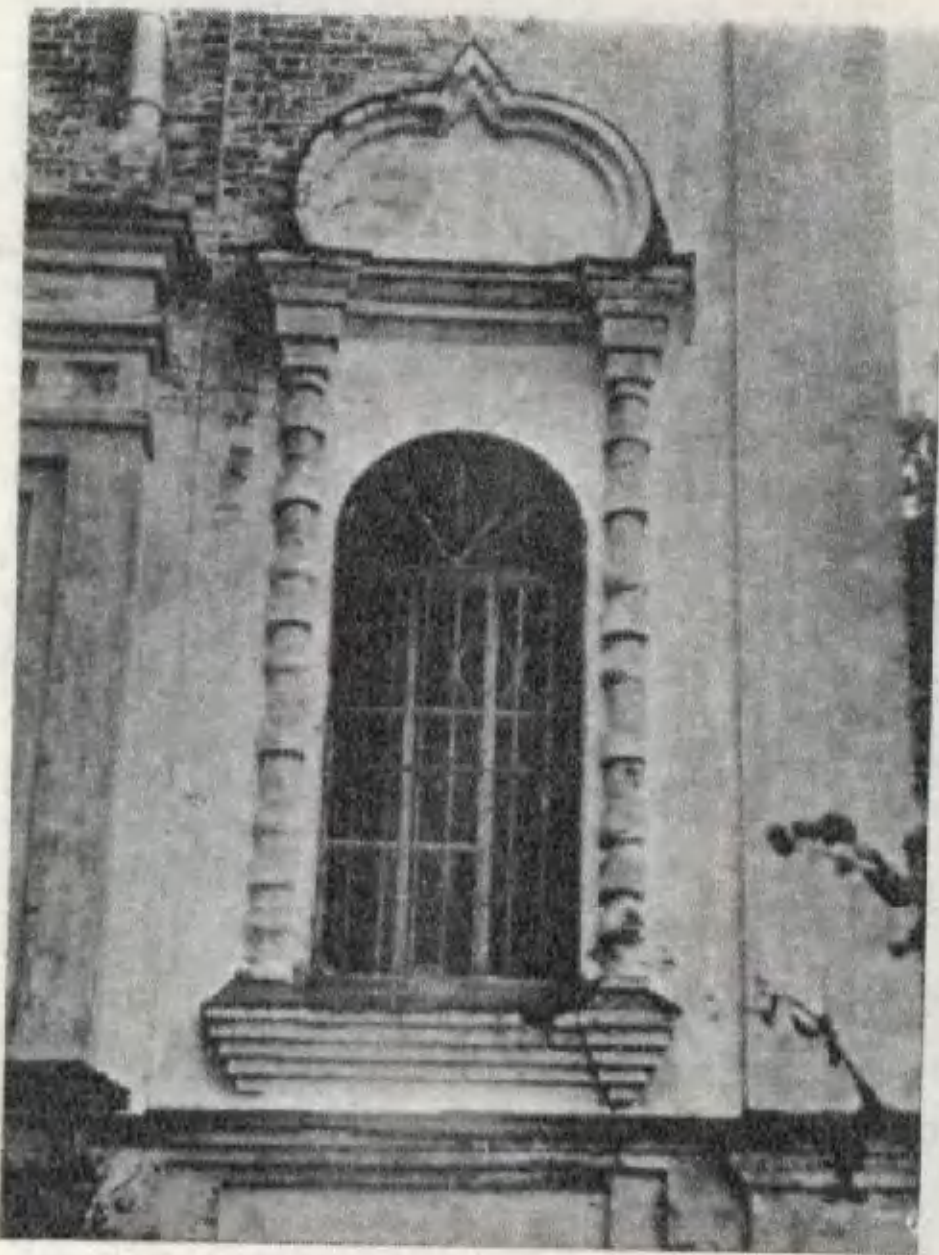
*Церковь Преображения
в селе Станилово.
Конец XIX в. Портал*

лич» изобразил всего лишь это крыльцо, и получился выразительный и характерный образ и старого города, и архитектурных особенностей XVII века.

Портал церкви Преображения — это дальний потомок угличских крылец. Но он не повторяет эпигонски тот известный образ. Портал удачен по-новому и по-своему.

Приглядевшись к чистой каменной кладке, к продуманному сочетанию глухих железных дверей с мощными столбами, к тяжелой массе портала, оживленной по углам короткими полуколонками, ясно представляешь живую и яркую близость всего этого к поискам талашкинского кружка, к церкви в Абрамцеве, к объемам «русских» вещей Е. Д. Поленовой и к архитектурным решениям А. В. Щусева.

Декор станиловской церкви — еще одно проявление большого интереса к монументальному началу,

*Церковь Преображения
в селе Станилово.
Конец XIX в. Окно*

а также к синтезу искусств, который был характерен для конца XIX века. Оттуда и белокаменный киотец, что, словно теремок, венчает мощь портала, и тройное окно над ним, украшенное триадой килевидных очелий из красного кирпича и белого камня, и роскошное завершение среднего, более высокого окна. Устремленность вверх очелья наличников передают и большому кокошнику, словно закомара, венчающему фасад.

Пожалуй, одним из главных в русском искусстве конца XIX века был вопрос об отношении к культурному наследию прошлого, русского средневековья. Ответ на него всего сильнее звучал, очевидно, в работах архитекторов. И здесь, в памятнике, только что виденном, он ясен и интересен. Станиловский храм — приятная встреча на нашем пути, он достоин лучшего использования, нежели в качестве совхозного склада.

Можно понять, что и поиски архитекторов второй половины прошлого века, и поиски народных мастеров имеют одну социально-историческую основу. Сицкарская пропиловка — это отнюдь не только поздняя народная декоративная манера, в ее основе лежит закономерное возвращение к целому ряду очень давних образов. Подробный разговор об этом — иная и очень большая тема. Но мы на своем пути будем обращать внимание на особенности сицкарского декора и подумаем об их истоках.

Дальше в нашем путешествии наследие славных плотников все больше говорит о себе. В деревне Рубцово очень заметен дом с резными кронштейнами по карнизу. Это образец, так сказать, «выездной модели» сицкарей. Для себя подобное строили редко, а на заказ так работали частенько, используя образы, заимствованные в городе. А в деревне Солоцково старый двухэтажный дом сицкарской работы являет собой архитектуру исконно народную. Тут и резные «скатерти» по карнизу, и невероятно мощная конструкция перекрытия. Из нижнего, хозяйственного этажа видно, что «черный» потолок набран из протесанных бревен. Что ж, такому перекрытию нетрудно нести и глиняную промазку, и полуметровую засыпь земли, и чистый пол. Теплое и непроницаемое для звука перекрытие получилось. Серьезно сицкари строили.

Деревенька Юрьевское хранила памятник не только их строительных умений, но и памятник истории. Здешняя часовня отмечала будто бы место одного из главных очагов Ситской битвы и гибели князя Юрия Всеволодовича. Сейчас ее здесь нет. Полуразрушенную часовню пришлось взять в музей под открытым небом города Мышкина. Там ее восстановили. Очень невысокая, на тринадцать рядов, четырехстенная, срублена «в прямую лапу» и увенчана четырехскатной крышей из теса. Памятник старины сохранен, но жаль, что не нашлось людей, способных сохранить его первозданность.

Но места здешние не пусты. Вот за рекой видно село Красное. Для пейзажа его церковь имеет первостепенное значение. К сожалению, в недавнее время ее колокольня пострадала от пожара, утратив главку и шпиль. Но богатый зеленый массив деревьев на береговой выси, колокольня, белые ворота с калит-

*Церковь Троицы
в селе Красном. 1798*

*Калитка ограды церкви
Троицы в селе Красном*

ками, башенки ограды — все по-прежнему живописно и манит подойти.

Береговая тропка сперва спрячет от вас село, потом неожиданно покажет церковь совсем близко, и вы заметите, что колокольню завершает не одна главка, а целых пять — забавная вольность мастеров. Какой-либо существенной удачи эти мастера не достигли, но вызвать улыбку на вашем лице все же сумели. И ясней понимаешь, как много нового, свежего, разнообразного вносили в архитектурные решения многочисленные артели каменщиков и плотников, строивших в разных уголках России. Не потому ли так нескучны ордерные и, казалось бы, довольно сходные здания?

Но вот мы уже идем к крутому холму, к церкви Троицы, построенной в самом конце XVIII века (1798 год) помещиками Коновницыными. Встреча с

ней, наверно, не забудется. Первое впечатление — впечатление некой усадебности, старого барского парка с удачно вписавшейся тут церковкой.

Высокие тополя и березы стоят свободно, здесь чисто и сухо, много света, господствуют солнце и ветер. Впечатлению усадебности немало способствуют живописные крылечки трапезной и продолжающего постройку зимнего храма. Они деревянные, наивно «классические», их колонки несут строгие и в то же время неопровержимо сельские фронтоны. Эти деревянные портики со старательно выполненными колоннами, поясками, абаками, фризами — весьма колоритная особенность церкви в Красном. У трапезной портик четырехколонный, а у летней церкви — даже шестиколонный.

Летняя церковь повторяет широко распространенные в то время образы. На двусветном невысоком четверике — восьмерик с широкими пилястрами по углам и окнами с легонькими решетками простого набора. Окна в простых наличниках с замковыми камнями в арочных перемычках смотрятся сдержанно и аккуратно.

Карниз восьмерика переходит в повал крыши, сделанный из толстого теса. Это решение — явный рецидив старых строительных образов, идущих от деревянных рубленых церквей. Плотники-сицкари здесь мыслили очень традиционно и по-деревенски наивно. Повал в нескольких местах они прорезали забавными «слухами», из которых лихо вылетают галки и голуби. Единственно для птиц, их удобства сделаны «слухи». Крыша повторяет форму восьмиугольного свода, а завершена церковь чашеобразной главой на простом барабане. Церковь невелика, строилась без большого размаха, скорее семейная, чем мирская.

Церковь заперта, сквозь окна видна разбросанная по полу утварь. В засов двери всунута веточка березы — память о деревенском летнем празднике. Тихо, красиво, грустно.

На кладбище старинные памятники-плиты с простодушно-трогательными стихами и уже ничего не говорящие, со сгладившимися надписями белые замшелые давние надгробия-саркофаги, очевидно Коновницыных.

Уже от церкви виден в полях у деревни Лопатино памятник Ситской битве. Идем по тропе, и памят-

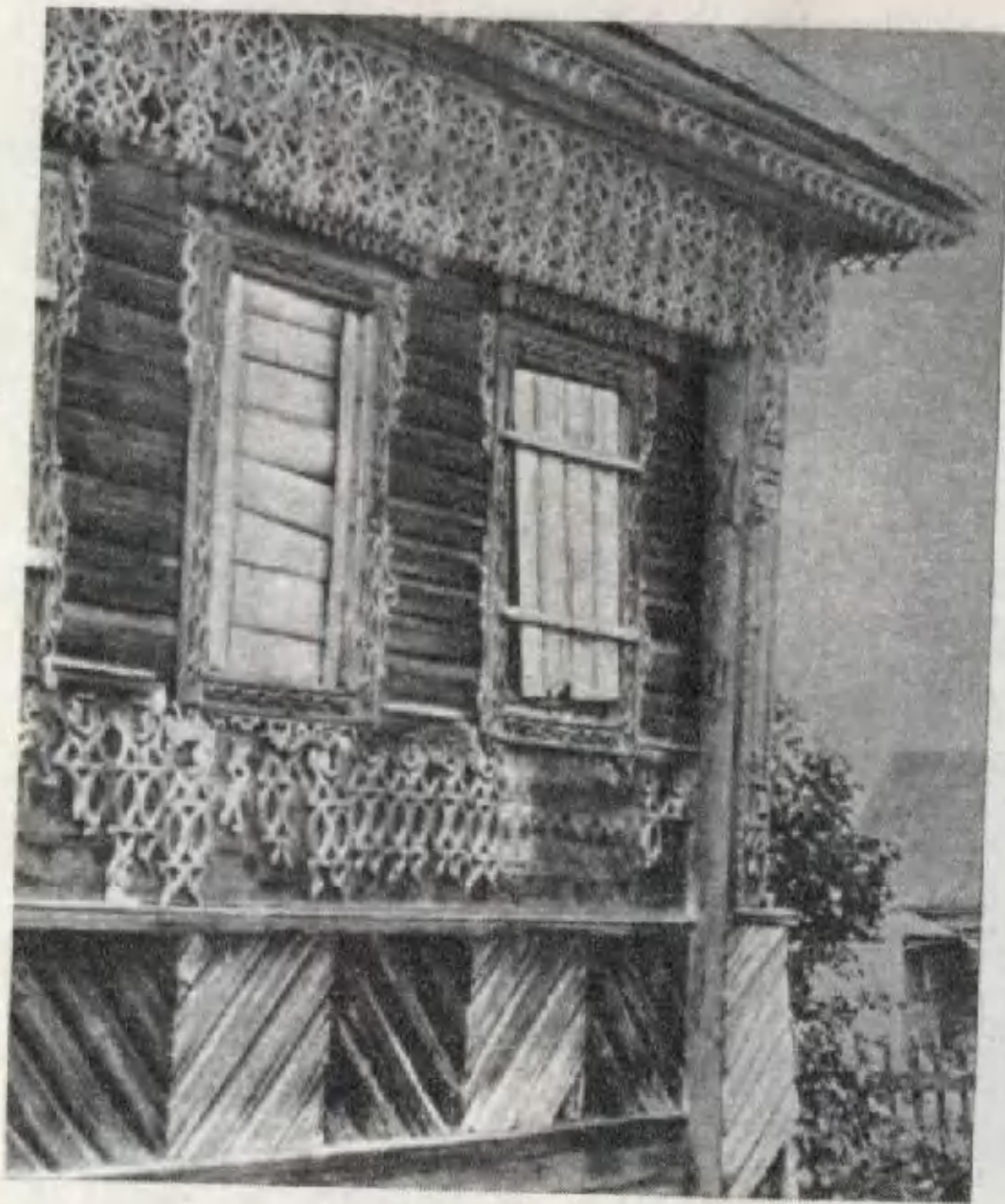

*Памятник Ситской битве
у деревни Лопатино.
1980. Автор Б. В. Бухта*

ник близится, возвышается над полями светлый и строгий его столп. По склону холма разбросаны большие камни, растет клевер, зеленеет разнотравье. И над всем этим на фризе памятника — люди, в последний раз поднявшие оружие в безнадежном, но мужественном противоборстве с торжествующим захватчиком. «Поляжем, братья, за землю русскую, за родину милую!»

Ласточки любят виться у вершины столпа, около железных людей со старинным оружием в руках; голубеет бездонное небо, длится бесконечная жизнь. И из века в век сохраняется в ней память о несчастной битве, о доблести, о чести.

Памятник, исполненный по проекту ярославского художника Б. В. Бухты, открыт в сентябре 1980 года и стал одной из достопримечательностей Сити. Если отправиться влево от него по проселочной дороге, то

*Дом Тихомировых
в деревне Панкратово.
Середина XIX в.*

можно добраться до сел Парфеньево и Рожалово, где сохранились церкви начала прошлого века. В Рожалове Казанская церковь построена в 1803 году, а в Парфеньеве церковь Рождества — в 1814 году. Но они довольно далеки от нашего маршрута, и сообщаем о них лишь для сведения читателей.

В деревнях ниже по реке, становящейся все более живописной и быстрой, немало построек сицкарей, особенно в Панкратове. Здесь ясно виден почерк по крайней мере трех артелей. Одна из них (по всему славная) срубила дом крестьянам Тихомировым, весь — как резной ларец. Узоры начинаются от самой кровли: рубчик, сердечки. Карниз свесил серьгообразные фестоны, исходящие от дисков-солнышек с переплетениями в них линий-лучей.

Наличники продолжают растительными мотивами узора этот парад сицкой красоты, и пилястры тоже

красуются богатым узором. А под окошками размахнулся по всему дому резной пояс. Вся резьба не крашена, но на плотном красном фоне, по сицкарскому обычаю.

Стоит обратить внимание и на дом Смирновых, перевезенный сюда из деревни Подберезье. При переносе его хозяева сохранили всю старинную резьбу, и красавец дом словно пережил второе рождение.

В Панкратове кончается Некоузский район, и рядом начинается Брейтовский. А страна сицкарей? Она сейчас откроется перед нами. Мы заранее рассказали о сицкарях, познакомили с ними еще до вступления в пределы сицкарского края. Постройки сицкарей, встречающиеся еще до места их расселения, помогали нам вести рассказ.

А сейчас мы на пороге страны сицкарей, бывшей Сить-Покровской волости Мологского уезда. Рассказ о нынешних сицкарях лучше вести идя по левому берегу, в его селениях крепче устояла сицкарская своеобразность. Значит, в путь.

6. Страна сицкарей

Достойно замечания, что из нескольких тысяч народа, живущего на реке Сить во всю длину ее, население Покрово-Сицкой волости предпочтительно известно под именем сицкарей.

А. Преображенский. Волость Покрово-Сицкая.

Страна сицкарей невелика — всего одна старинная волость. Если идти с верха реки, то начинается она деревнями Панкратово и Давыдовской. Здесь открывается совсем иной пейзаж, иной быт, иное народное искусство. Привольно распахивается даль, открывается вид по реке километров на десять—пятнадцать. Деревни стоят на прибрежных холмах и манят к себе. Чистота дальних видов, не поврежденных грубым вмешательством человека, — редкостная. Деревня, дом, даже одно дерево красуются в просторе и открытости среди полевого и речного приволья.

Даль чиста, и, если в осеннюю пору где-нибудь в Городище, Нивищах или Глиннике горит на огороде костерок, он хорошо виден и за три, и за пять километров, и дым его — живая деталь огромной спокойной картины.

Взгляд медленно переходит с одного места на другое, и долго нет конца этому нескучному созерцанию. «Карты» полей, отдельные постройки, стога, язычок костра, опять стога, банька, дороги. Ложбинка; овечье стадо перетекает с холма в ложбину; комбайн, маленький, словно игрушечный, ползет по изножью холма. Дымы дальних огней уходят в небо: остожья жгут.

Чуть не вся страна сицкарей на виду. Лес отступил за столетия корабельного и плотницкого промысла. А прежде был у самой реки, и когда в XVIII веке

строили деревянную церковь в Сить-Покровском, то елки рубили на месте нынешней улицы села. Теперь лес отошел от реки и стал голубоватым дальним обрамлением ее долины, частью мягкой и привольной картины, созданной природой и сицкарями. Пейзаж страны сицкарей — это первый и, может быть, лучший памятник народной жизни, который вы здесь увидите. Он отличен и от видов средней Сити, и от картин низовья. Сицкари это осознают, как осознают и некую свою особость среди остальных ситчан — жителей Сити.

Сицкари общительны и легкословны. Свое самоназвание произносят если уж не гордо, то весьма достойно. Остальных, ситчан, а также людей, живущих в стороне от реки, называют непонятным словом «хомуны».

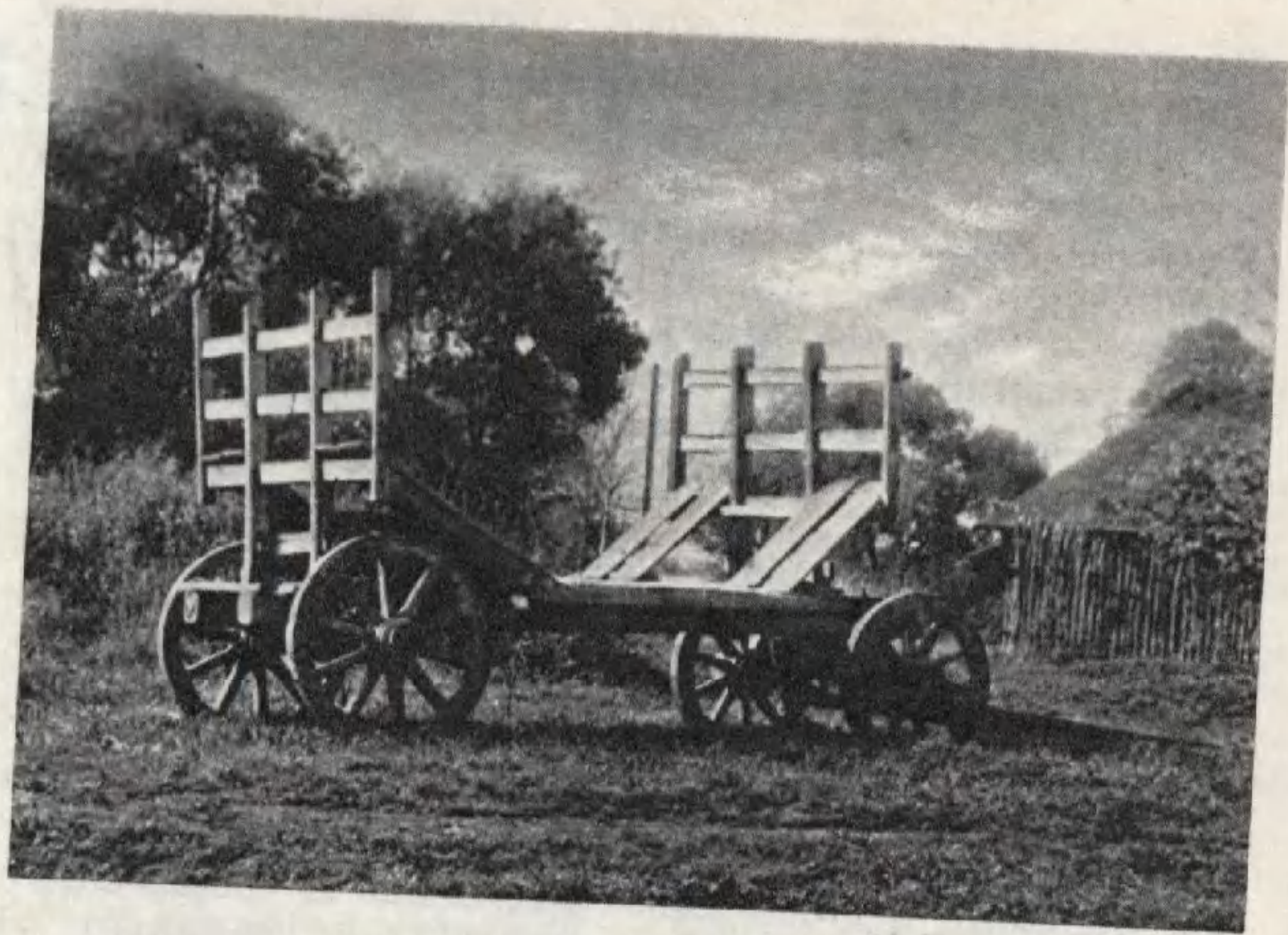
Легко заметить, что хомунов они полусхотят, но, в сущности, всерьез считают менее рукодельными, трудолюбивыми и даже менее смелыми. И современная сицкарская частушка недвусмысленно заявляет об этом своими первыми строчками:

«Сицкари идут дорогой,
Хомуны — по сторонам...»

Да и как сицкарю не считать других людей уступающими сицкарям! Разве были эти окружающие их люди так артистичны в работе с топором? Разве они могли не считать добровольной каторгой ломание пней в лесу? Разве могли мастерить такие суда? Наконец, под силу ли им было привычно выстаивать против стужи, дождей, морозов и ни единым словом не жаловаться на судьбу? Положительно, в глазах сицкарей они-то и есть самые достойные люди. А остальные, конечно, хомуны!

Говорить с сицкарями интересно. Они живо рассказывают о старинном плотницком деле, о быте артелей, рубивших «круглый» дом за сто рублей, а пятистенок в богатой резьбе со своим лесом — за тысячу. Даже о судостроении вспомнят. А дальше — хуже. Посылают к старикам. Но и очередной дедушка добавит не много. А в конце разговора улыбнется и, глядишь, даст такое напутствие: «Цево спрашивать-то? Идзи да глядзи! Все и поймешь!»

Ну что ж, пойдёмте по деревням сицкарей, будем глядеть и попытаемся понимать.

Дроги с решетками

Бежит с холма на холм тропочка, как бусины, нисходят по реке деревни сицкарей, и каждая покажет что-нибудь местное. Если вы решили идти по правому берегу, то с Байловского начнутся перелазы, заборы на могучих еловых столбах, мостики, лавы на частоколе еловых кольев. Конструкция на глаз до крайности легкомысленная, а на самом деле вполне надежная, даже возы с сеном выдерживает. И наплавные мостики тоже скажут, что вы в краю плотников. Ход в одну-две доски проложен по узким плотам, перила простые, но удобные. За лето на плотам вырастает трава, полевые цветы красуются у самой воды. Ромашки на бревнах плотов долго помнишь и после сицкого путешествия.

Разнообразные мосты и мостики — это любопытные образцы плотницкой работы сицкарей. А огорожи, заборы у деревень или усадеб бывают на диво старыми. Их столбы прямо циклопической толщи-

*Телега
из «копанных» креслин.
Деревня Обухово*

ны. Чуть не двухстолетние елки в охват, все в сучках и задоринках пошли на них. С малой поправкой, с подстановкой укосин, долгие десять-пятнадцать лет стоит такой забор. И дитя подрастет, и подросток в парня перейдет, может, уж женится, семьей обзаведется, вот только тогда родительский тын обновить пора придет. Притащит по зиме трактором еще пяток таких елок, и снова на десять-пятнадцать лет. И это вовсе не от лени. Сицкари — образцовые труженики. В прошлом веке о них было сказано: «Тунеядцев меж ними очень мало, нет меж них и нищих. Вообще тунеядство здесь презрительно. Воровство у них редкость, сицкарь круглый год не запирает свое хозяйство. Они — хорошие крестьяне, тихие соседи, очень бережливы»²⁷.

Они и сейчас во многом таковы. Честность сицкарей по-прежнему удивляет соседей. Торговцы, отправляя

товар на машинах здешних колхозов, совершенно спокойны за него. А в 50-е годы, когда со станций возили его санным путем, на лошадях, то участие сицкарей в этом деле было порукой идеальной сохранности товара до малой мелочи.

Уходя из дома к соседям и даже в соседнюю деревню, сицкарь зачастую не навешивает на дверь замок, а лишь приставляет к ней палочку, показывая этим, что его нет дома. И перелазы, и «падожки» у крылечек — приметы старого северного быта, что уже вывелись в других соседних местах.

Но здесь такие приметы нередки. Вот и еще одна. Все покосы у сицкарей были в лесу, трава небогатая, ею дорожили. Чтобы лучше ее сберечь, пока возят из лесу — сицкари имели в обиходе дроги с высокими деревянными решетками спереди и сзади. И сейчас такие повозки есть в каждом селении. А встречаются и вовсе архаичные телеги с креслинами из целых стволов молодых елок с корневыми развилками — транспорт крепости невероятной. Невольно вспомнишь, как в старину сицкари корчевали кокоры для мелких судов. О судах все крепче забывают, а вот телеги часто делают так же, норовя не вытесать креслины топором, а найти их в лесу.

Эти старообразные телеги бывают очень красивы, с живописно выгнутыми боками, бывают они и необыкновенно длинными. Основу их собирают уже не из брусков, а из подтоварника, бревнышек, что чуть крупнее жердей. На такую раму уложены еловые выворотни, а к ним — боковые доски и на дно две половые тесины. На таких повозках, уже выходящих из моды, возят чаще всего молоко с малых дальних ферм. Ставят до шестнадцати бидонов молока. Усаживается возница, укладывает сумки с покупками односельчанам, посылки с почты — и трогается в путь это оригинальное сооружение, чуть не целиком пришедшее из леса.

Из леса пришли и многие сказки, и поверья сицкарей. Старики полшутя толкуют, что леший живет за Ситью, в необъятном лесу и иногда, осерчав, выгоняет стаи зайцев, надоевших ему своей суетой. Совсем не шутя рассказывают седобородые патриархи Сити, что в старину лучшим средством от горячки и всякой тяжелой простуды было снести в лес рубаху больного и повесить на куст. Лес на себя беду примет, выручит!

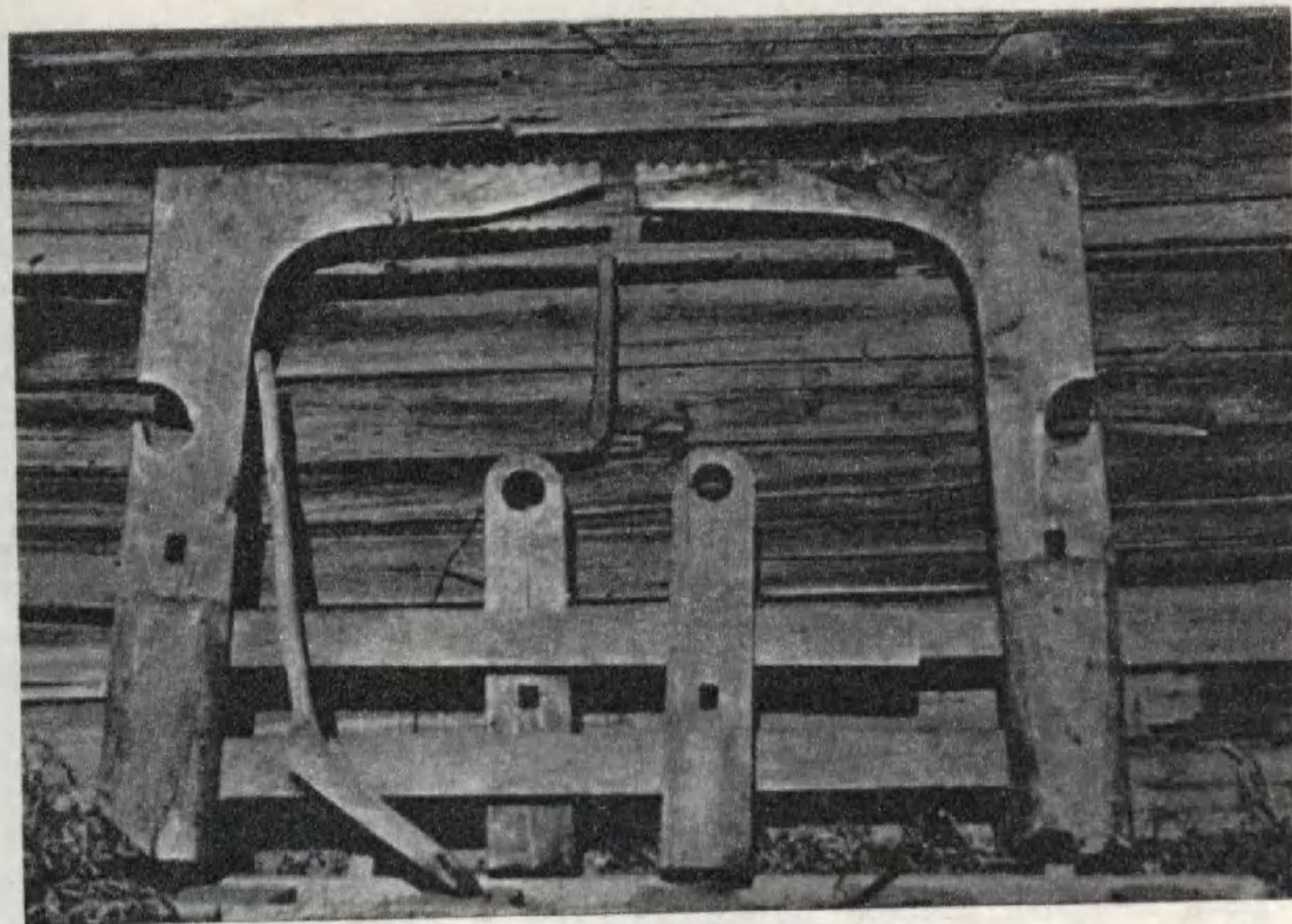
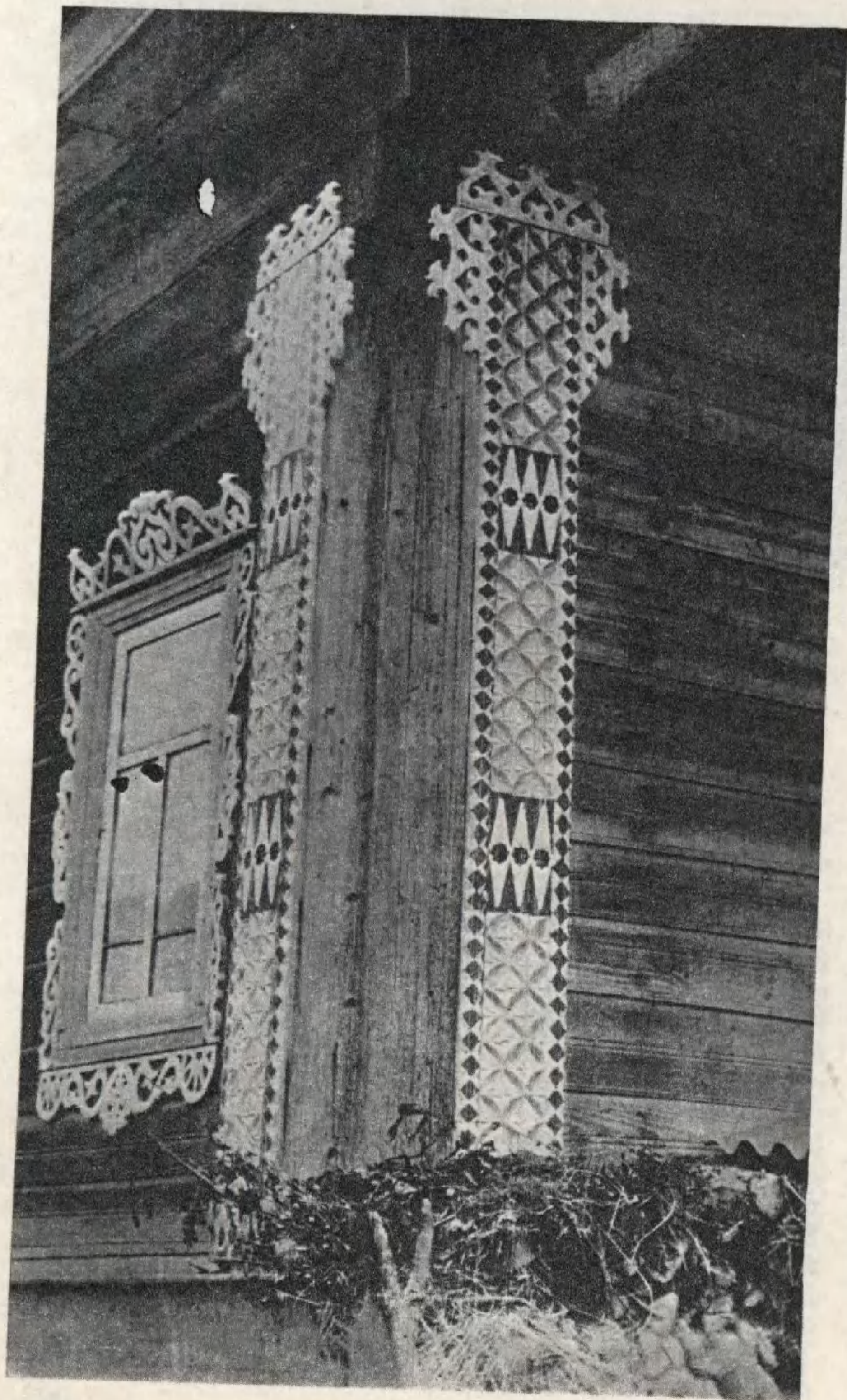

Дом Софроновых
в деревне
Малая Новинка

Сильная струя старых представлений о природе, особенно о лесе, и рожденных ими бытовых навыков и сейчас ощутима в стране сицкарей. Все время чувствуешь два течения в быту и творчестве: одно — традиционное, старое, другое — более молодое, появившееся в 70—80-е годы прошлого века. Сперва скажем о первом.

Оно ощутимо уже в облике здешних домов. Вот дом Затеевых в Михалево. Стоит вдоль улицы, строен на две избы с холодными сенями между ними и лестницей из крыльца в сени. В сенях выделены два чулана. Каждая изба включает «куть», прихожую, большую комнату, как бы зал, и кухню. К мощной глинобитной печи приставлен массивный печной столб, от него идут полки и переборки.

Полаты в доме Затеевых не сохранились, но они были. В таких домах полка, несущая полаты, точнее

*Дом Сазоновых
в деревне
Малая Новинка.
Резные пилястры*

*Станины ткацкого стана,
кичига, швейка*

брус, из зала прикрыта тесиной, украшенной горизонтальными филенками, вырезанными в массе материала и заканчивающимися снизу продолговатыми «изюминками».

Окна — невелики, двери — низки, пороги — высоки. Каждое бревно в жилой части дома тесано, а в сенях скоблено. В сенях и на заднем мосту, длинном, сквозь весь дом, светло не столько от света из окошек, сколько от сияния желтого медового леса и отсветов от тесовой подволоки крыши. Это место дает самое богатое зрелище прелестей деревянного домового строительства, здесь всегда золотистый теплый свет, даже в серую погоду. А в солнечный день все сияет радостью, все обнадеживает, уверяет в устойчивости и доброте бытия.

Таких домов в стране сицкарей немало и на левом, и на правом берегу Сити. Это старый традиционный тип, долго любимый сицкарями, несмотря на вторже-

ние новых форм и образов. Такие дома можно увидеть в деревне Малая Новинка.

Дома «второго течения» совсем не таковы. Это либо небольшие строения с четырехскатной крышей, рубленные на одну избу, в богатой пропиловочной резьбе, либо внушительные хоромы, издали эффектно заявляющие о возможностях заказчика и о способностях артели.

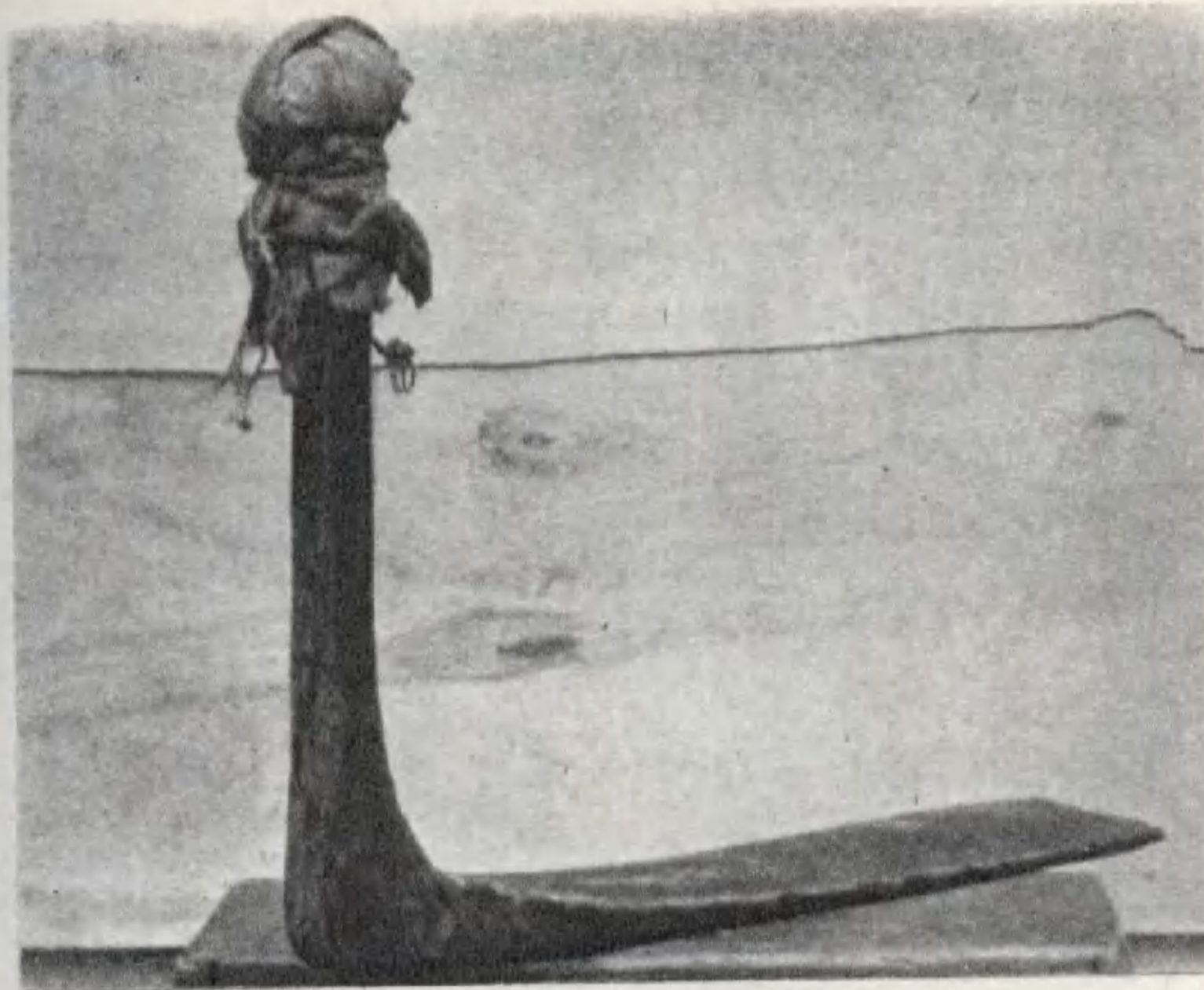
Вот дом Николая Алексеевича Чистякова, особняком стоящий на реке возле деревень Панкратово и Давыдовской. Он двухэтажный, с большими окнами, с деревянными кронштейнами по карнизу, с резным крыльцом и с «городской» тесовой обшивкой.

Дом Затеевых в Михалево и дом их однофамильцев в Турабцево хоть и не слишком стары (оба — середины XIX века), но явные «выходцы» из давних времен, а дом Чистякова — детище новых веяний, новых строительных решений и декоративных манер, которые сперва плохо прививались у сицкарей, а потом пустили крепкие корни. Эту моду с 80-х годов уже повсюду разносили здешние плотники.

Два течения в быту и творчестве сицкарей весьма ощутимы. Сицкари до сих пор часто используют для разных бытовых и строительных надобностей многочисленные «самородные» детали: сучки, суковатки, криулины. Козлы для пиления дров, оглобли, «курицы» для крыши, короткие «курички» для жердей завашины, крюки, с помощью которых перетаскивают сено, трехрогие вилы, «ноги» вороб, мутовки, вешалки, скамеечки для дойки, креслины телег, косье с ручкой-сучком, станины ткацкого стана, основа токарного станка, льномялки и многое другое не изготовлено столярами, а «найдено» в лесу.

Нередко станины ткацкого стана удивляют большой пластичностью. Мастера чутко улавливали тектонику древесной массы, заданное природой ее характерное «звучание» и своим искусством лишь могли лучше их выявить.

У сицкарей еще бытует исконный тип «копаной» швейки, целой, вытесанной из деревца с корнем. Такие швейки, дивящие древностью образа, часто встречаются в Горильдове, Нивищах, Ульяниках. Даже в Давыдовской и Соколах, селениях «молодых», появившихся в начале XIX века, такие изделия нередки. Еще архаичней швеек выглядят кичиги, по-здешнему —

«Копаная» швейка.
Деревня Коростель

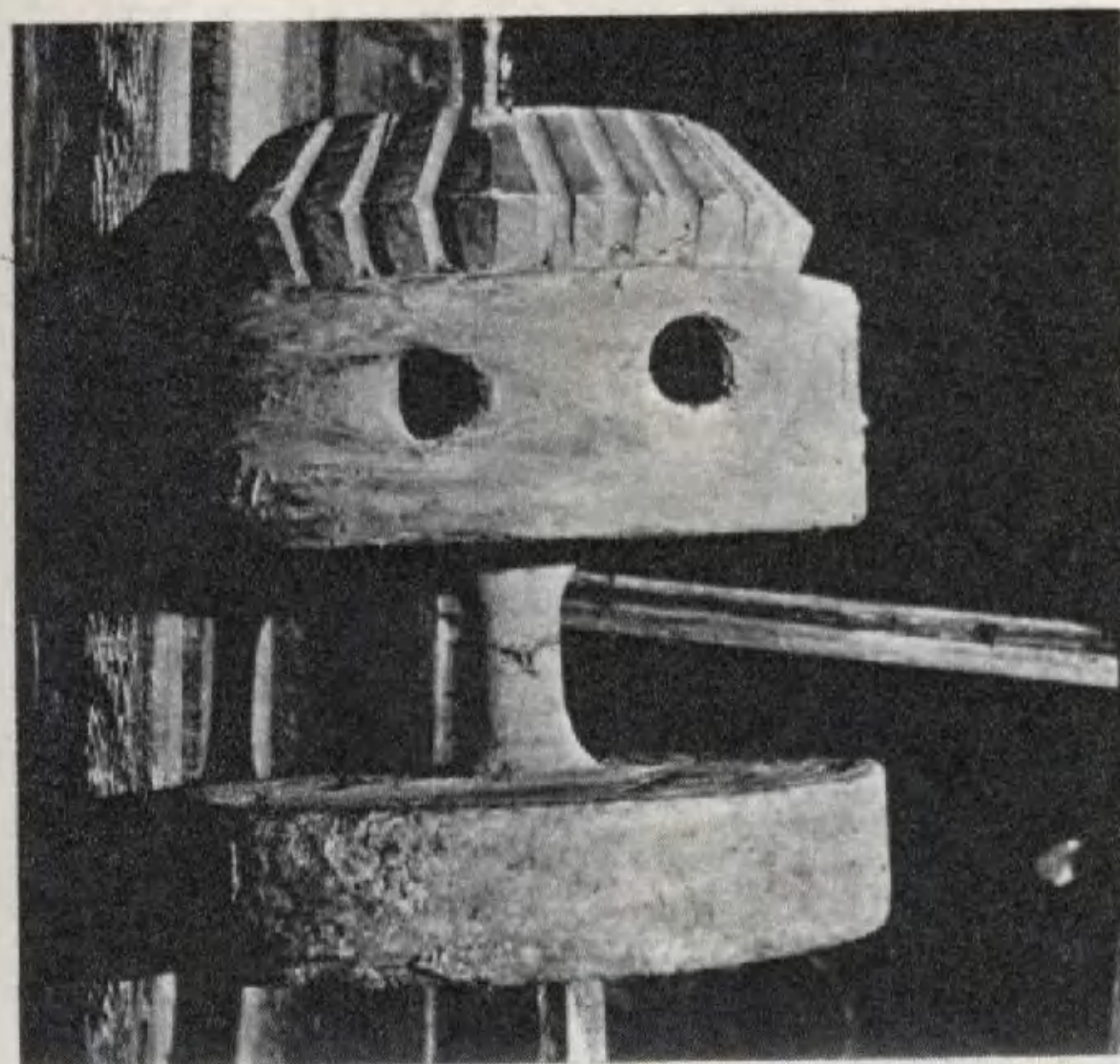
колотухи. Кичига — древняя родственница молотильного цепа, делалась она из длинного сучка с тяжелым, единым с ним куском дерева.

В деревнях Змазнево и Гаврильцево кичиги особенно велики, массивны и стародавни. Так же стародавни и вешалки из сучков, криулин, словно рожки торчащие по стене в сенях. Колоритна вешалка в доме Смирновых в деревне Михалево. Каждый раз подобное изделие живописно и неповторимо, двух похожих не сыскать.

Славные столяры и плотники словно по негласному уговору оставили в своих хозяйствах вещи, которые выглядят совершенно «по старине». Их не гладил рубанок на верстаке, они не знакомы с тонкими ходами отборника, калевки, с чистым резом ножовки. Их произвели природа и топор, как бывало и два, и пять, и десять столетий назад. Слово и не в домах мастеров,

*Ступа, ступка, песты.
Деревня Михалево*

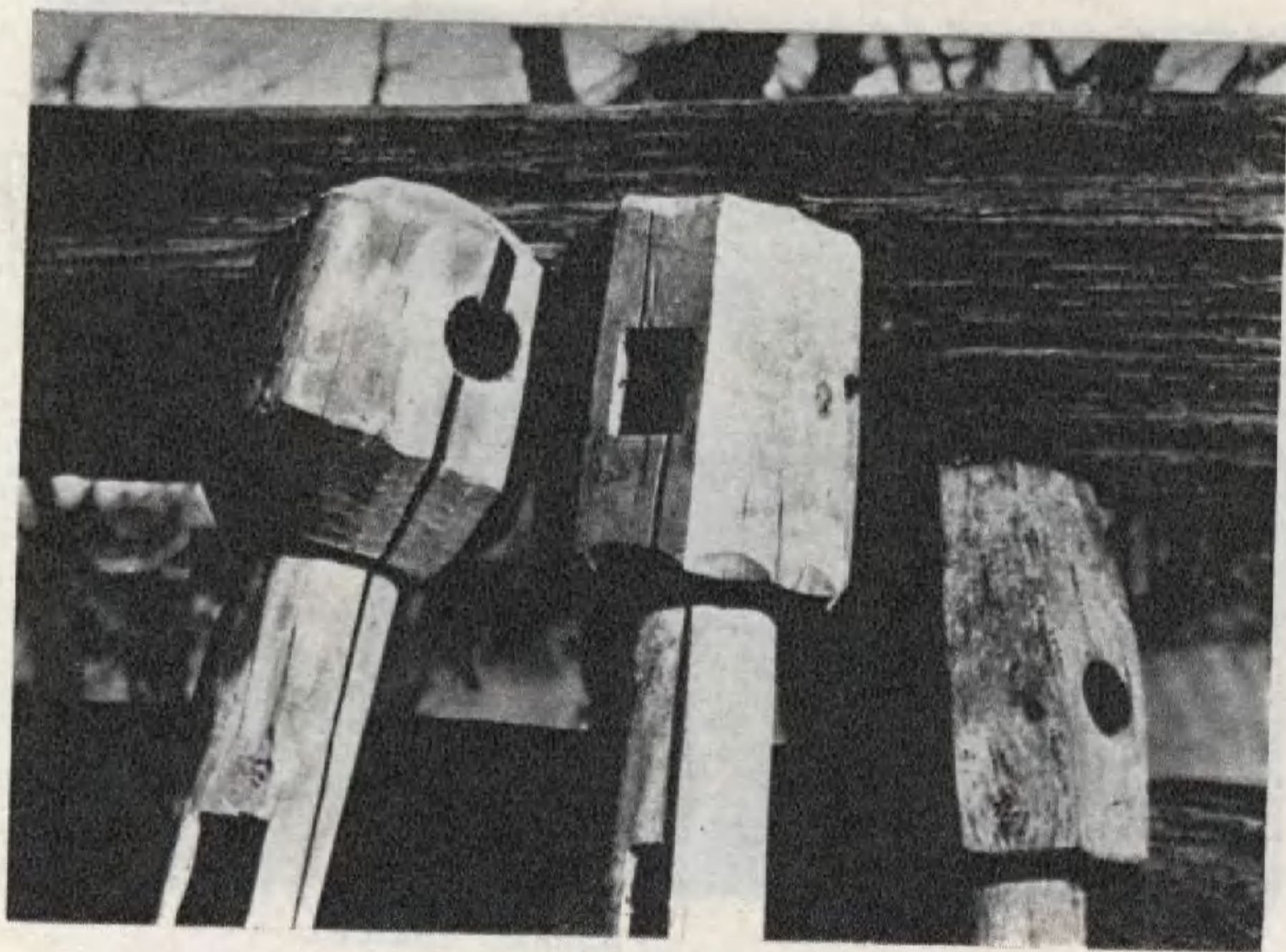
*Головка пришвы —
детали ткацкого стана.
Деревня Михалево*

знаменитых тонкой отделочной работой, мы их встретили. Все эти вещи лишены декора. Он им и не нужен, украшения были бы чужды этим изделиям (и мастера это чувствовали), предельно простым, но сохранившим природную пластику. Формы их продиктованы природой, а человеком лишь замечены и правильно определены, поняты.

Этими лесными находками не ограничивается область архаического среди вещей сицкарей. Другая большая группа вещей привлекает внимание своей скульптурностью исполнения. Скульптурны ночы-лоточки для провеивания зерна, долбленные лодки с «плавниками», еще недавно нередкие на Сити, деревянные жернова, вальки, песты, деревянные корыта и колоды. У сицкарей редко встретишь пест токарной работы. Чаще всего он ловко и отменно вытесан топором. Топором же изваяны массивные круги навоя и

пришвы — деталей ткацкого стана. Деревянные жернова не пиленые, а тоже рубленные с завидной точностью движений и красотой следов рубки.

Сицкарь — изумительный аккуратист в работе с пропильной резьбой, обработкой теса, обшивкой домов — в изготовлении домашней утвари просто на себя не похож. Грубовато-эффектными ударами топора он только убирает все лишнее, а на округлых частях навоя и пришвы даже оставляет бересту. Вид у ткацкого стана до крайности патриархальный. Украшения у стана бывают, но очень сдержанные, в скупой плоской резьбе по основаниям станины, а чаще — лишь в скупых тонких линиях по граням, помогающим выделить природную мощь материала. Полнота и мощь сильно звучат в долбленной посуде, опечках, ступках. Деревянные блюда, воронки, тарелки сейчас довольно редки и используются для кормления до-

*Головки навоев —
деталей ткацкого стана.
Деревня Михалево*

машней птицы или доживают свой век на чердаках. Все они, как правило, местной работы, тут не найдешь ни «золотой Хохломы», ни скучных городских токарных изделий. Тут каждая вещь тяжела, массивна, значительна. Четкость форм мастеров, похоже, не волновала, и порой громадные посуды приметно косо-боки. Но это не кособокость неумения или небрежности, это не слабость руки или глаза. Это спокойное следование особенностям заготовки и восприятие вещей в их естественной непарадности.

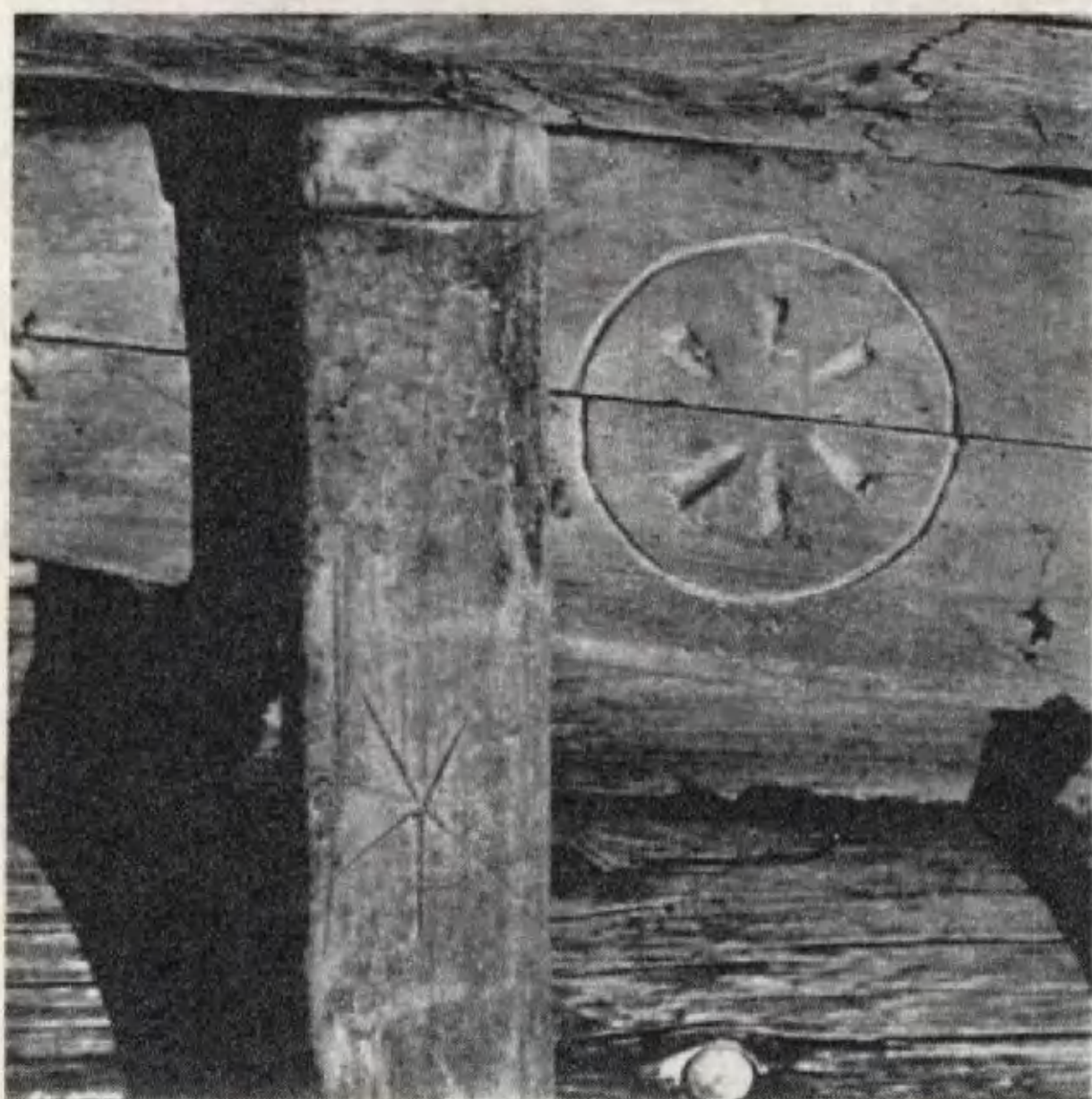
Скульптурные вещи сицкарей очень разнятся по назначению и размерам. Кроме «копанных» швеек здесь бытуют другие, со стоечкой, весьма напоминающей средневековые колонки-столпы с удлиненными утолщениями и дыньками. Разрисованные в два цвета, они не утратили скульптурности ножевых и топорных порезок и очень далеки от токарных образцов.

Наиболее совершенна скульптурность малых форм в обработке набилков — важной детали ткацкого стана. Концы набилков украшены головками коней, обращенных друг к другу. Изображение мастер выполнял обобщенно, точно улавливая главные особенности образа и совершенно не вдаваясь в детали, не ослабляя монументальности изделия. Особенно хороши такие вещи в деревне Михалево.

Удивления достойна эта творческая «двойственность» сицкарей. Работая по подряду, сицкарь знаменит как безудержный, увлеченный украшатель, нисущий узоры повсюду, где только можно. И в стране сицкарей и за ее пределами известно огромное количество построек, на которые словно брошена роскошная шаль резьбы. Даже по крыльцам, даже с заднего фасада дома, даже на коньке и то резьба (вертикальная!). Сицкари нередко явно изобретали формы завершения крылец, крыш, светелок для того, чтобы в них лучше вместить резьбу. Известно много домов, имеющих по три-четыре светелки, да еще притом двухъярусные. И все для резьбы. Дом для сицкаря становился не только самостоятельной образной ценностью, а еще и «сценой» для размещения резьбы, для выявления ее возможностей, для любования ею.

И этот же человек, принимаясь за домашние бытовые вещи, словно напрочь забывал свою тягу к украшательству и начинал мыслить древними образами и категориями, безошибочно видя в них главное и не растрчивая его на детали. Тут сицкарь сдержан, скуп на украшения и строго верен давним традиционным истокам. Тут его чуть ли не единственное средство декора — плоские прорези. Ими он скупно украшает столбики деревянной кровати, головку навоя для ткацкого стана, круглую часть пришвы; плоской резьбой украшались и наличники «старого завету» с «солнышком» в центре.

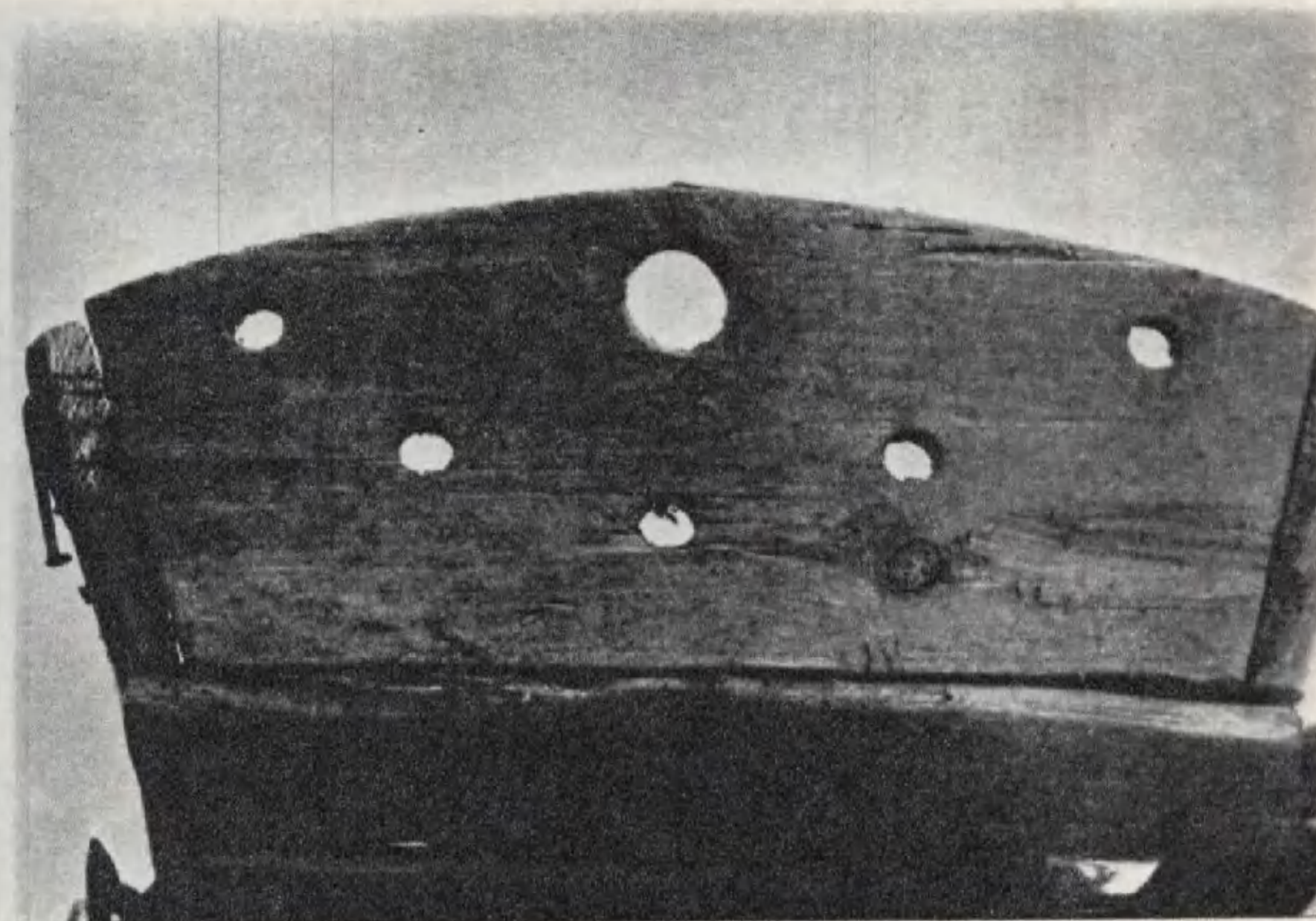
А иногда мастер еще и нарочито архаизирует декор. На набилках и бельевых вальках он до крайности строго, плоскими прорезками, а то и вовсе схематично, одними линиями, проложенными стамеской, намечает обобщенный образ солнца, и все. Такая «двойственность» была и у известных сицких резчиков. Так, в домах резчиков Яковлевых из деревни Змазнево, мастеров искусных пропильных узоров, домашние вещи до крайности просты и «деревенски».

*Украшение набилок —
деталей ткацкого стана
и рубеля-валька
для глажения белья.
Деревня Змазнево*

Из древних, тяготеющих к монументальности, и другое декоративное средство сицкаря — это комбинации круглых отверстий. Ими он до сих пор украшает шкафы и настенные шкафчики, детские зыбки и санки, кроватные спинки, «ушные» доски ушатов и деревянных ведерок и даже донца деревянных воронок. Простейшее это средство придает вещам выразительность и живописность.

Нежданную живописность сицкарь ловко находит во многих своих изделиях. Так, наличник с «солнышком» во фризе вовсе не его изобретение, их много и в других местах. Но не таких. Выбрав большое «солнце» в массе доски, сицкарь угловые «солнышки» делал накладными, слегка подрезав каждое из них снизу, от концов лучей. Подрезал «на ус», и «солнышки» уже не лежали вплотную к доске фриза, а отделялись от нее, наличник обретал любопытную объемность.

*Украшение спинки
детских санок.
Деревня Михалево*

Таковы наличники на старинном доме Балуевых в деревне Красково, их еще много в селе Сить-Покровском и в деревне Копань. Солнышко (настоящее) за долгие годы крепко высушило наличники, и подрезанные края декоративных угловых «солнышек», изогнувшись, получили еще больше объемности и живости.

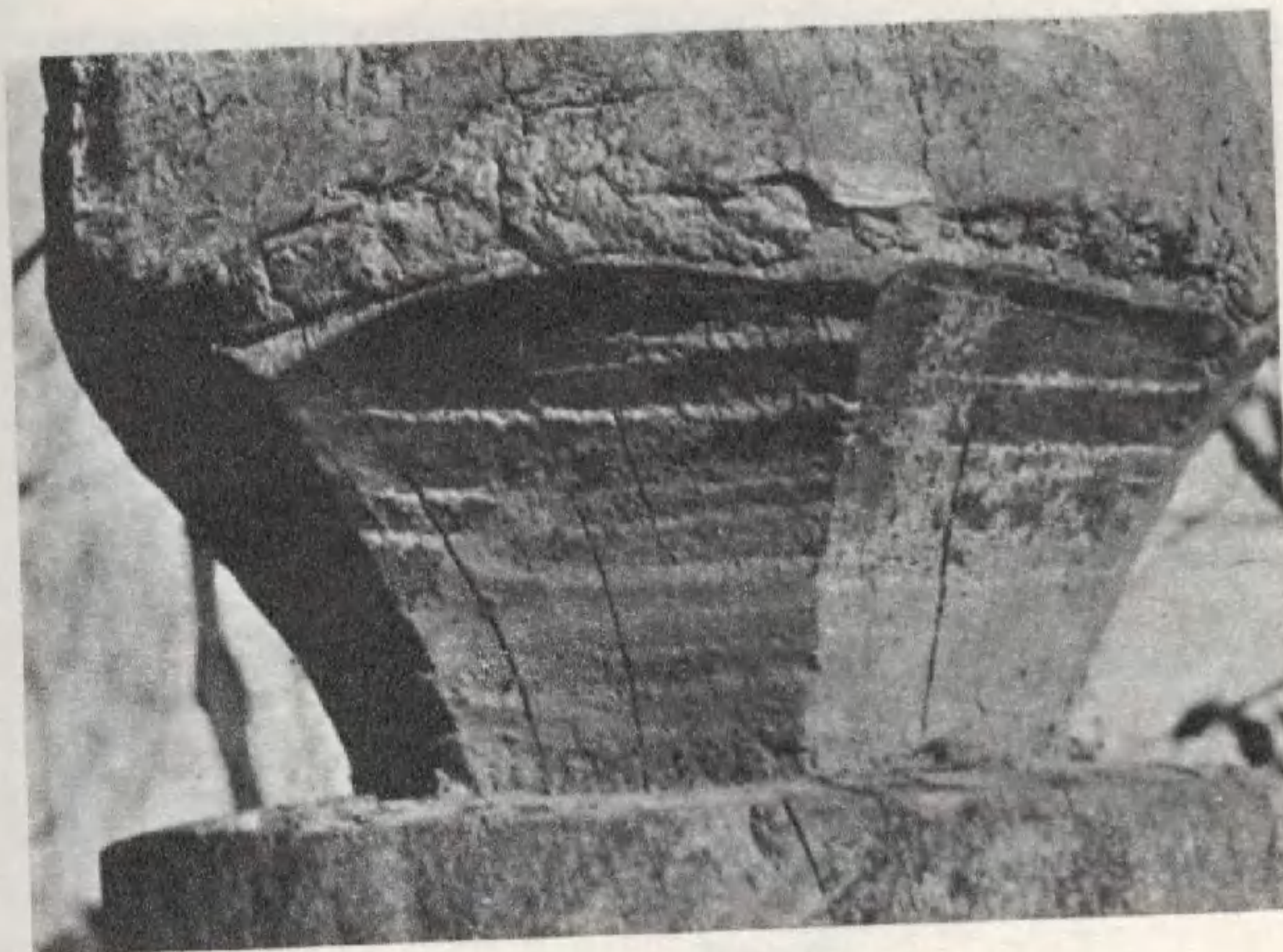
Это скульптурность малых форм. Но исключительной силы воздействия она достигает в крупных изделиях. Ступы, вытесанные сочными ударами топора, ярко обозначившего «талию» изделия, могучи и первобытны. В шероховатой, грубой березовой коре, то выведенные в форме огромной рюмки, то присадистые, с тяжелой статью, они производят впечатление своей тяжелой динамикой. Сицкарь в работе с этими изделиями вдохновляется очень давними понятиями о красоте и пользе и нигде не погрешает против незамут-

*Деталь
наличника с накладными
подрезными «солнышками».
Первая половина XIX в.
Село Сить-Покровское*

ненного временем древнего образца. А в тех случаях, когда он все же декорирует ступу, этот декор оказывается очень традиционным. Так, ступы в деревне Ревятино, пожалуй, самые изящные из всех ситских. Они имеют красиво и легко выделенную «талию», функционально удобную и зрительно согласованную с общей массой одну ручку сбоку, широкое основание, красиво обработанное разбежистыми протесками. Внизу они переходят в плоские вытески — «ложки», волной округлых окончаний обежавшие низ опоры.

Ревятинские ступы с одной или двумя ручками, выбранными у «тали» в массе дерева, с «ложчатым» декором — самые щегольские на Сити. Но даже в самой изящной ступе — из дома Павла Николаевича Соловьева — полновесность материала, его мощное звучание решительно преобладают над деталями, индивидуализирующими изделие.

*Ступа. Фрагмент.
Деревня Михалево*

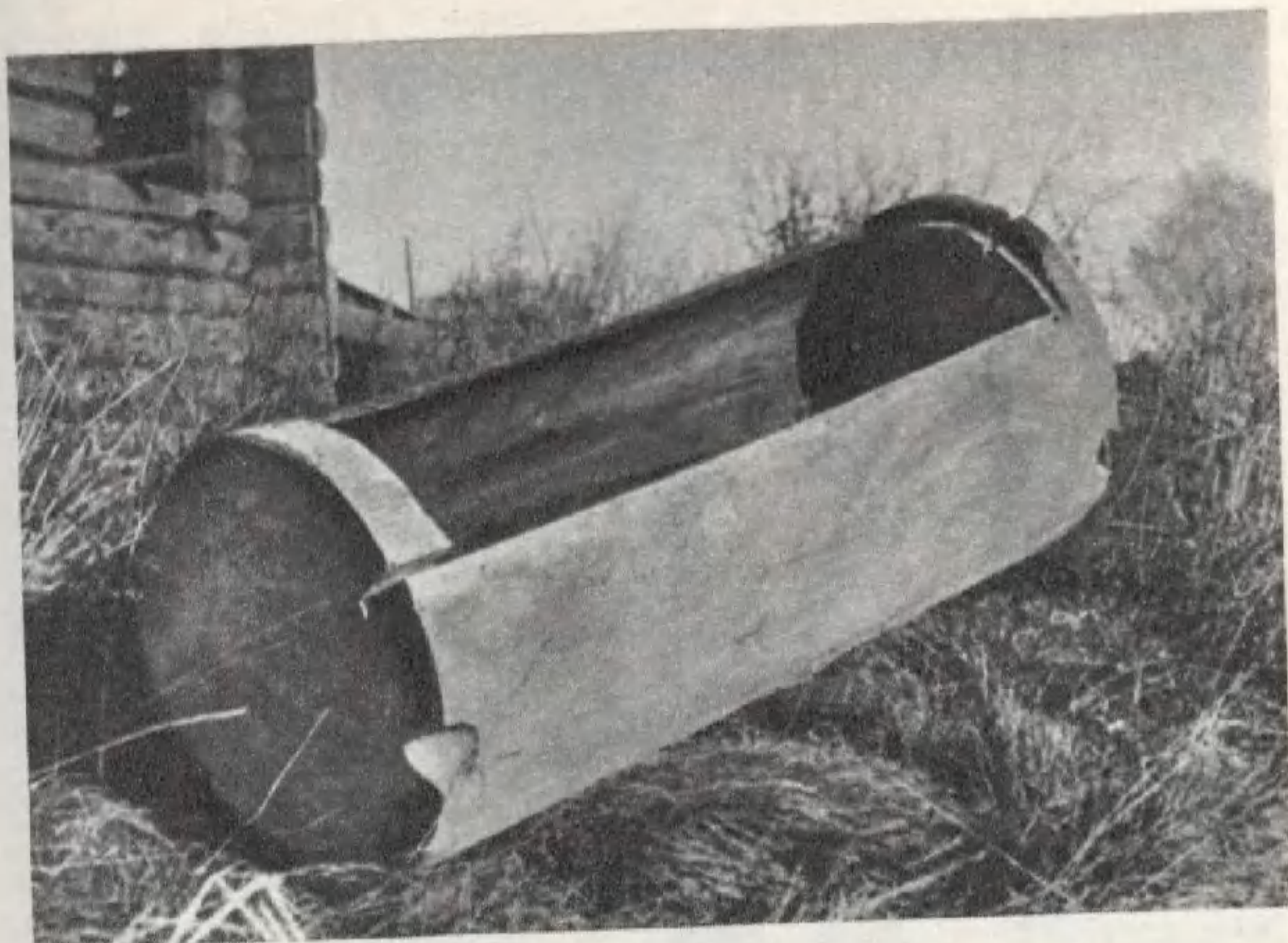
Всем этим изделиям вторит своей скульптурной внешностью глинобитная печь могучих и мягких очертаний, с непринужденными формами печурков, полочек, выступов. В каждом доме ее смелая объемность дышит добродушием, искренностью деревенского мастера, и не думавшего работать по строгим правилам и отметкам.

А самой объемной скульптурной вещью является, конечно, колода. Речь идет даже не о тех колодах, из которых поили и сейчас поят скот, которых (и очень колоритных) и сейчас делается немало. Объемней, красивей, монументальней те, что либо скрываются в полутьме чердаков, либо грузно лежат среди развалин сицкарских домов. Это колоды для семенного зерна, на прутьяных увязках висевшие в свое время на чердаках домов или амбаров.

Огромные эти изделия тесаны из невероятно толс-

*Ступа.
Деревня Ревятино*

*Колода
для семенного зерна.
Деревня Давыдовская*

тых стволов. Они поражают размерами и эффектной выразительностью исполнения. Единственным украшением этих громадин являются красиво выбранные в массе четыре полукруглых углубления для подвески. У многих колод эти фигурные вырезки уже не сохранили своего функционального назначения, а сделаны лишь для тактичного украшения вещи.

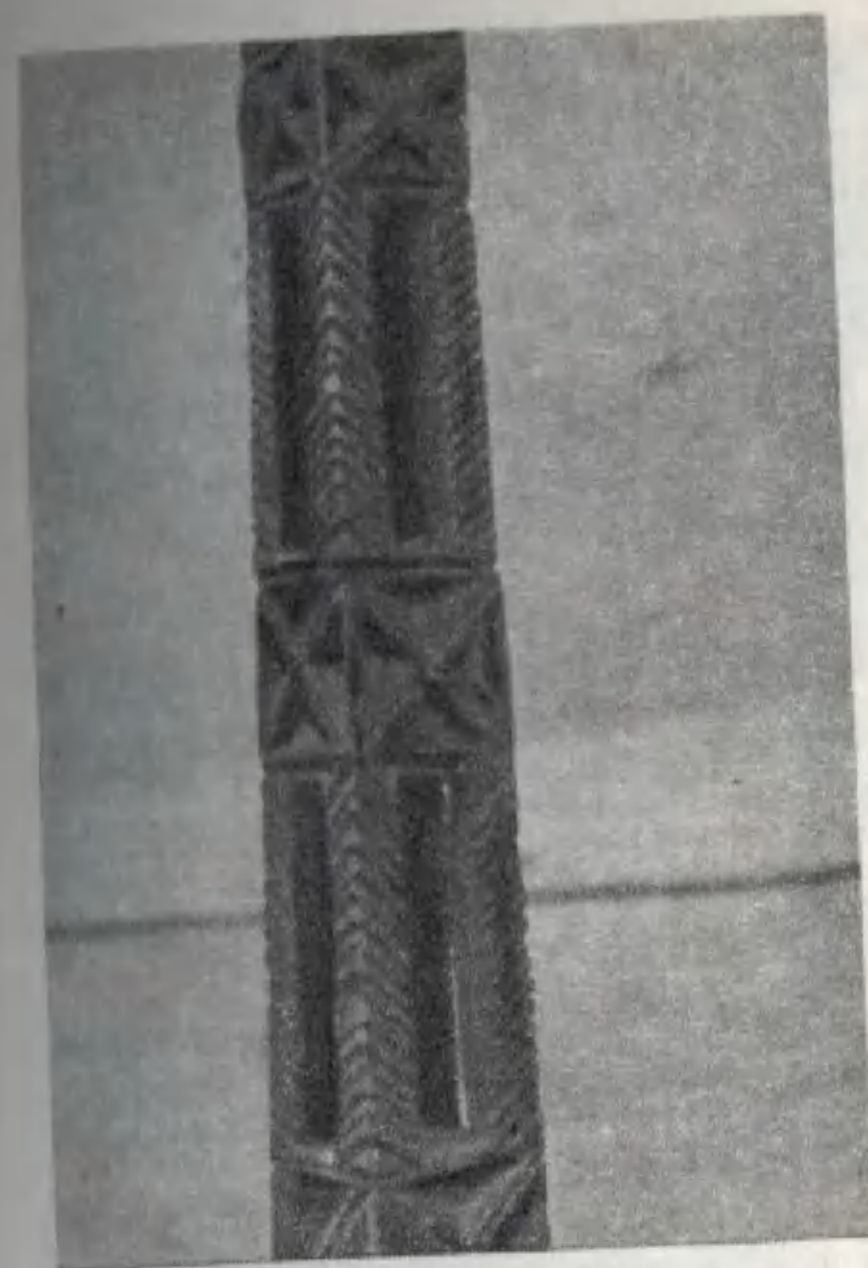
Пожалуй, самые красивые колоды в деревне Давыдовской, наиболее «молодом» селении сицкарей, насчитывающем немногим более ста лет жизни. А самые гигантские колоды были в доме Соловьевых в деревне Змазнево. «Два мужика улягутся — и не тесно!» — не шутя говорили сицкари.

Старая, уже ненужная колода лежит теперь возле дома. Она не теряется рядом с его размерами, своей толщиной уверенно споря с венцами сруба, торжествуя над ними. И невольно возвращаешься и возвра-

щаешься к ней, дивясь величине и восхищаясь скупой красноречивостью древних мощных форм.

Скульптурная работа традиционных вещей — и затейливые новомодные «выреза» пропиловки. Неужели и то и другое вышло из одних и тех же рук? Даже не верится, ведь нет ни единой вещи в быту сицкарей, где она оказалась бы каким-то образом сродни наружным украшениям изб пропильной резьбой. Но тут мы ошибаемся. Такая вещь есть, и вещь эта не из второстепенных. В ней и скульптурность, и давний исток, и склонность к изощренной декоративности. Это сицкая прялка. О ней стоит сказать особо.

Сразу придется разочаровать сторонников карельского происхождения сицкарей. Прялки у них не карельские. Они относятся к известному верхневолжскому типу «башенок», к типу главным образом ярославскому. Широко распространены «башенки» так-

Прялки-башенки.
Середина XIX в.

Фрагмент
прялки-башенки.
Деревня Городище

же в Костромской области. Любопытен факт, почти не замеченный знатоками этого типа, что «башенки» бытуют и в Устюженском крае, территориально с Ярославщиной не связанном. Можно не без оснований предполагать, что «зашли» туда «башенки» именно через Сить и Мологу еще тогда, когда в позднее средневековье Устюжна долгое время была одним из станов сперва Угличского княжества, а потом Угличского уезда.

Сицкая «башенка» не повторяет ни устюженские «башенки», несущие отпечаток ослабления типа, ни классические ярославские, тяжеловатые и приземистые, ни мышкинские, легонькие и стройные. Сицкая «башенка» неплохо совмещает зрительную устойчивость и хорошие пропорции с декоративной насыщенностью. Хорошо ощутимы крепкие плотницкие навыки мастеров. Три-четыре яруса сицкой «башенки»

с чистыми или украшенными резьбой «калонами» высятся непринужденно и эффектно. Но главная ее особенность в декоре. Больше всего встречается прялок, в которых скульптурность форм сочетается с разнообразным декором, выполненным в технике трехгранно-выемчатой резьбы. В ней главным элементом является квадратная розетка. Квадрат с расходящимися из центра широкими лучами-лопастями организует каждый ярус прялки, зрительно держит его.

Встречаются образцы, в которых большая квадратная розетка заключена в целые созвездия мелких и мельчайших. Особо роскошные прялки сицкарей несут на стоечке около двух десятков больших квадратных розеток и сотни маленьких, а кроме них — прямые и косые порезки по «калонам», пояски, дыньки, узкие вертикальные ромбы. Вся стоечка — сплошная композиция резных деталей, и среди них не теряется большая квадратная розетка. Кстати, она же зачастую украшает и гребни набилок ткацких станов, а в наиболее старых изделиях ее присутствие обязательно. Но там мастер строго хранил умеренность и обычно вырезал лишь одну розетку в центре гребня. Розетка в центре приобретает особо важное значение.

Именно в прялках два течения творчества сицкарей максимально сближаются. Очевидно, это и привело к созданию в стране сицкарей совсем особой прялки. Она не имеет скульптурно выраженных ярусов, с прежней «башенкой» ее роднят лишь пропорции и динамичные очертания лопастки. А стоечка декорирована инкрустацией, выкладкой кусочками темного дуба. Мореный дуб сицкари добывали на своей реке, и он отменно служил украшению прялок. Стоежка такой прялки строго выложена либо вертикальными полосами дуба, либо ромбиками и булавовидными элементами, либо довольно сложными цветочками. Вот таковы уже довольно поздние преслица сицкарей. Заметьте северный характер и этого названия.

В конце XIX века в страну сицкарей проникли брейтовские прялки с прямой лопастью и точеной стойкой. Их здесь и сейчас порядочно, особенно в северной части расселения сицкарей. Но «башенки» уцелели, и вплоть до 60-х годов нашего времени сицкари делали именно их. Нам нередко случалось видеть эти совсем недавние изделия, в том числе и незаконченные.

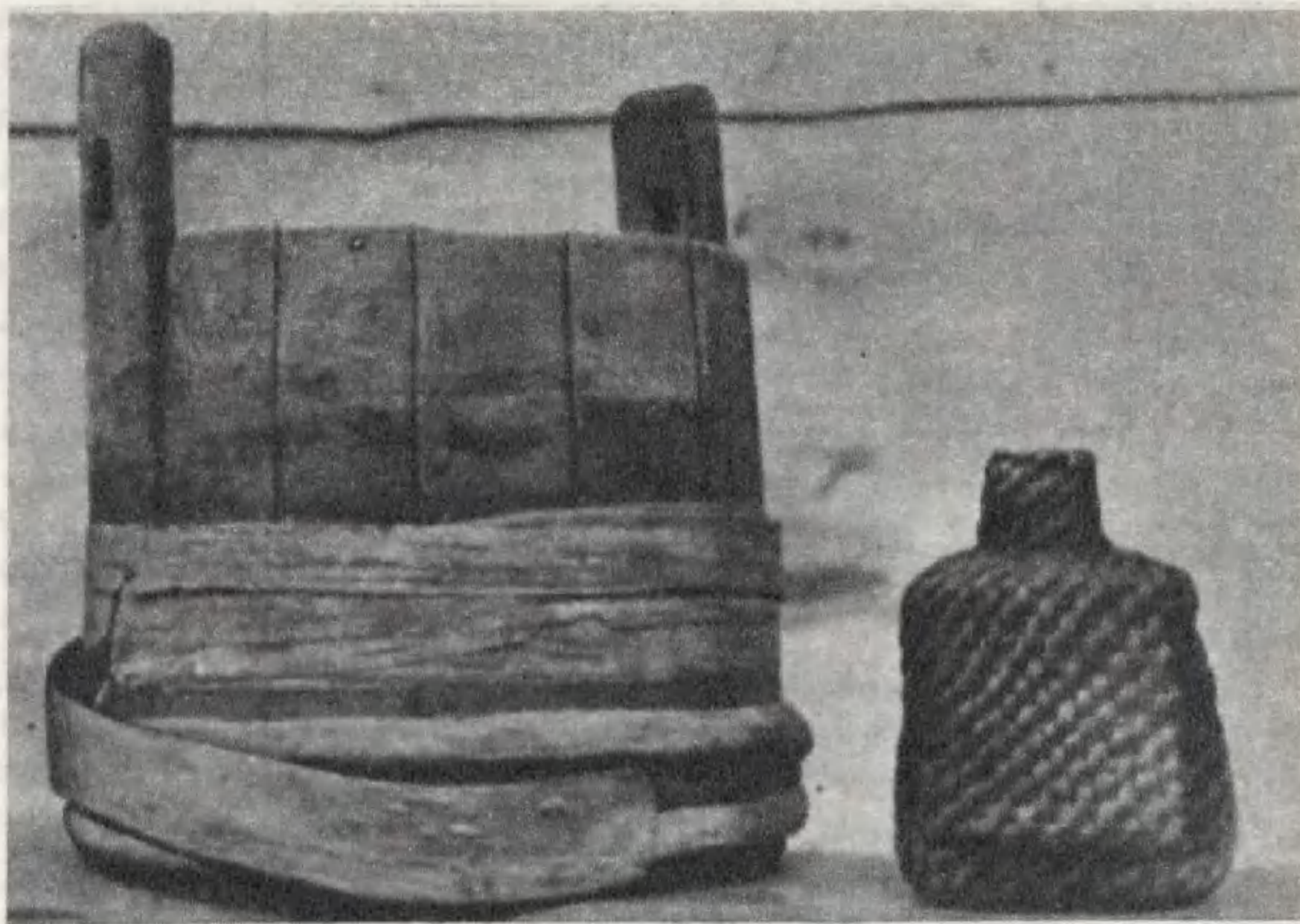
В некоторых случаях мастера уже отказывались от многоярусной сложной башенки, но непременно все же исполняли хоть один скульптурный ее ярус. Даже в детских прялках один скульптурный ярус непременно имеется. Таковы прялки из Сить-Покровского, Игнатова, Городища, Старого Мерзлеева.

Вторжение прялок-«точенок» оказало немалое влияние, и, например, в деревне Городище один мастер стал делать некий переходный тип прялки, нечто среднее между «башенкой» и «точеной». Ее стойка уже не делилась на ярусы «калон», а несла вместо них выступы-воротнички и выступы-многогранники. Это тоже «башенка», но с трудом узнаваемая.

Изредка у сицкарей встречается прялка-«балясинка». Ее стоечка почти точная копия балконной балясины, «крученной как жгут». Этот редкий вид прялки сицкари принесли из своих плотницких странствий с соседней реки Ильдь, где в деревне Середка был промысел балконных балясин и делались прялки-балясинки. Но этот вид прялок на Сити плохо прижился, а у тех прялок, что тут сделаны по принесенному образцу, низ стоечки оказался не чем иным, как снова «башенкой», хотя бы одним ее ярусом. Очень привычно было для сицкаря старое скульптурное решение прялки, дошедшее до недавних лет.

«Второе течение», склонность к богатой декоративности, пожалуй, ни в одной иной домашней вещи, кроме прялки, у сицкарей не проявилось. Плетеные изделия строги и значительны. Лыковые и прутьяные поддёнки саней огромны. Заплечные берестяные кошельки иногда таковы, что вполне можно нести в них чуть ли не десятилетнего ребенка. Приставленный в комнате к стене такой кошелек представляется какой-то непонятной мебелью. Здесь немало плетения узкими полосками бересты, плотного, щеголеватого, близкого к тарногским образцам. С изделиями ближайших ярославских местностей сходства меньше.

В плетении часто используют лыко, в том числе и на те предметы, которые соседи мыслят лишь берестяными. Так, лопаточники для косных брусков (лопатонок) часто лыковые, а не берестяные. Корневые изделия, особенно солонки, тоже очень близки к тарногским. Рассматривая малые бутылкообразные сосуды из корня, не можешь найти разницу в почерке

*Полевое ведерко
и солонка.
Вторая половина XIX в.
Деревня Михалево*

сицкаря и кокшара (жителя по реке Кокшеньге с центром — Тарногский городок).

Нельзя не заметить сходства с бытом и творчеством жителей реки Кокшеньги и в мебели сицкарей. Столы с высоким подстольем, шкафы для посуды и белья, деревянные диваны, стулья не копируют тарногские, но очень близки к ним. Разница очень заметна лишь в отношении к росписи, окраске изделий.

Если у кокшаров шкаф может полыхать чистыми цветами росписи, то у сицкарей раскраска очень редка. А если и есть, то несмелая. Это небольшие букеты цветов в филенках, красные по синему полю. И весь шкаф тоже красный. Но это не местная работа, это пришлый мастер руку приложил. Гораздо чаще у сицкарей дерево до малой жилки проявляет свою ткань, начисто отвергая всякую окраску. Все

вещи сделаны с образцовой чистотой исполнения, и везде столярная работа явно напоминает, что она еще недалеко отошла от плотницкой.

Плоские порезки топором по граням деталей, торцовка выступов, вырубка простейших узоров в столбиках кроватей — все говорит о том, что при великой чистоте работы топор был куда свичней руке мастера, чем стамеска, отборник, шпунтубель. Топор и нож сохранили за собой и теперь большое значение. Нередко можно встретить ножевые прорези по окладным реечкам створок шкафов, как, например, в деревне Ревятино.

Сицкарь часто выполнял мебель, но мыслил при этом по-плотники. В музее города Мышкина есть так называемая «церковная кружка» начала XIX века из церкви села Красное, сделанная сицкарями. Это не что иное, как громоздкий, смущающий взгляд тяжестью форм сундук из необычно толстых досок. Угловые соединения их отнюдь не столярные, это соединение «в лапу», характерное для рубки часоуен или колодезных срубов — прием сугубо плотницкий и по характеру исполнения сугубо сицкарский. Вещь выглядит монументально, старообразно и до наивности простодушно. Мастер, желая своему изделию надежности, откровенно подчеркивает силу, объемность каждой детали. Украшений никаких. И в домах сицкарей они редки. Правда, встречаются столы, перенасыщенные речной и брусковой отделкой по подстолью и ножкам, но это единичные случаи. Редкий из сицкарей склонен дробить украшениями образ вещи. Мастера хорошо понимали, что лучшее украшение — это выверенная, чисто выполненная форма с подчеркнутым ее абрисом. Таковы, например, зыбки сицкарей.

Зыбка — деревянное, изящных очертаний, напоминающих рисунок санок, корытечко, расширяющееся кверху. Линия верха, плавная и непринужденная, отненена по всей длине чистой и ровной прорезкой, снявшей острую грань и одновременно прибавившей зыбке пластики.

Бондарные изделия сицкарей уже по своим конструктивным особенностям далеки от декоративности. Их внушительные семейства увидишь в каждом чулане, в каждой подсеннице. От гигантских кадей, которые были установлены тут еще при стройке дома

*Фрагмент наличника.
20-е гг. XX в.
Деревня Соколá*

*Наличник. Конец XIX в.
Деревня Соколá*

и которые отсюда до его конца уже не вынуть (ни в какие двери не пройдут), до крохотных полевых ведерочек. Эти изделия уже по своей природе строго функциональны, и тем не менее это произведения «первого», давнего течения в творчестве сицкарей. Использование готовых сучков и прутьев в качестве ручек для крышек, массивного сучка для устройства слива подойника, высокие, плавных очертаний, «уши» кадок и ушатов, украшенные круглыми отверстиями, — все это роднит сравнительно недавние бондарные изделия с архаичными образцами, с традиционными решениями.

А ведерки-деготницы — лагушки, облепленные дегтем, принявшие мягкие, почти лепные формы, — оказываются близкими по духу к глинобитным печам, массивным ступам, многим традиционным вещам сицкарского быта.

Кстати, даже гончарная посуда, изготовлявшаяся вовсе не в стране сицкарей, зачастую имеет согласное звучание с естественными, а то и забавными формами всего остального. Почему? Ответ на вопрос отыскивается быстро. В старых гончарных центрах, в Балобанове под Рыбинском и в Рудиной слободке под Мышкином, сицкарям и не предлагали посуды изощренных «городских» манер. Знали покупателя и продавали самое простое. Более того — сицкари нередко охотно брали и то, что всякий иной покупатель почел бы заведомым браком. В домах сицкарей и сейчас часто видишь смешные кринки, то криво отформованные, то заметно сплюснувшиеся перед обжигом, а то и принявшие прямо редкостные формы. Сицкаря, охотно использующего всякие природные закорюки, спокойно следовавшего при изготовлении деревянной посуды особенностям заготовки, не

*«Дракон».
Деталь украшения дома.
90-е гг. XIX в.
Деревня Рысье*

*«Драконы».
Украшение наличников.
80-е гг. XIX в.
Деревня Соколя*

пытаясь ее исправить, такая керамика не смущала. Она оказывалась даже в масть всему колориту его бытия.

Но что же «второе течение», упомянутое в поздних домах сицкарей и в декоре прялок, только там и заявило о себе? Нет, его «сцена» просторней, оно-то и прославило сицкарей, оно-то и оставило на половине Ярославской земли и во многих местах Тверского края бесчисленные образцы сицкарского рукоделия. Это пропильная резьба домов, увлекавшая сицкарей с 70-х годов прошлого века.

Не спешите отворачиваться от нее, как от явления вторичного, наносного и худосочного. Оно не таково.

До 70-х годов XIX века сицкари, украшая дома, неукоснительно придерживались традиционной плоской резьбы: «солнышек», ромбов, триглифов и ногте-

видных элементов. Но с ослаблением роли судостроения и выдвиганием плотницкого отхода на первое место сицкие плотники верно уловили новое направление в домовом декоре и смело перешли к пропиловочной резьбе. Единые, дружные, привычные к артельной работе, сицкари создали свою местную строительную школу и свое направление в декорировке построек. Главным содержанием этого направления были отлично выверенные и технически блестяще отработанные многими мастерами и артелями травяные и цветочные орнаменты.

Какую бы часть дома ни украшал сицкарь: наличники, причелины, подзоры, карнизы, — везде он обильно «развешивал» богатые узоры чеканно обработанной резьбы. Количество элементов, используемых им, было не слишком велико: византийская лилия («крин»), «травка», «завитушки», «вавилонны»

*Наличники
дома Абросимовых.
Начало XX в.
Деревня Копань*

(латинское «з»), стреловидные побеги, бутоны, серьгообразные завершения, «червонки» (сердечки), «колесо» или «солнце».

Число элементов невелико, но композиционные варианты бесчисленны. Сицкарь-резчик компоует их непринужденно, они перетекают один в другой, фестоны виснут с карнизов, как бахрома праздничной скатерти. Резьба по карнизам часто выглядит дорогой пронызью, каждая деталь «вырезов» исполнена с высокой профессиональностью. Нигде нет небрежности, нечистой работы.

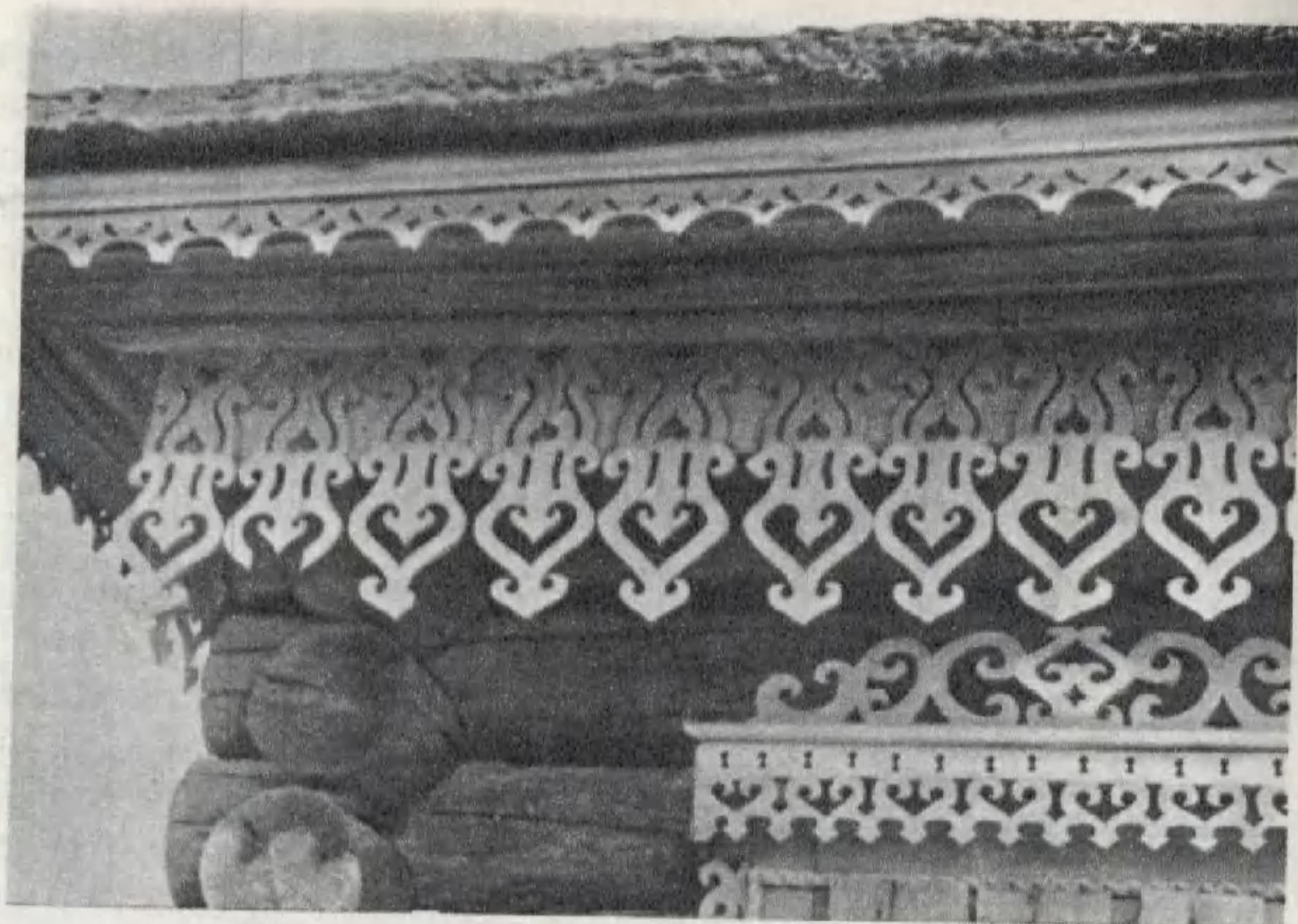
Особенно выделяются техническим совершенством резьбы дом Городничиных в селе Старый Некоуз и дом волостного правления в Сить-Покровском. Дерево ювелирностью обработки готово поспорить с драгоценными материалами. Артистизм сицкарей тут не погрешим.

*Фрагмент наличника.
90-е гг. XIX в.
Мастер Ф. Кудрявцев.
Деревня Рысье*

В таких декоративных решениях сицкари предельно четко выдерживают симметрию, композиционную ясность. Резьба образует единый, согласно звучащий ансамбль. Границы композиции всегда точно обозначены, но они не абсолютны, вполне возможно ее дальнейшее развертывание. И такое случается и бывает успешным. Содержание этих украшений резчики объясняют очень просто: «Вот солнышко, а это травы с цветочками, ну и прочая красота всякая». Наивность таких объяснений безусловна, но древний образ солнца говорит о ненарушенных связях новой резьбы со старой образной системой.

Солнце и растительные элементы — наиболее частое содержание «вырезов», но немалое место в них занимает и другая тема. Это некий сицкий «звериный стиль». Появление его у сицкарей не совсем понятно. Их кони, змеи, драконы, птицы и другие, ме-

*Фрагмент резного
украшения дома.
Конец XIX в.
Мастер Ф. Кудрявцев.
Деревня Рысье*

нее понятные существа, почти всегда далеко не натуральны. Сицкарь здесь не наивный реалист и не покорный повторитель природы. Он — сказочник. Его грифоны, львы с крыльями, грозные драконы, коронованные змеи, вещие птицы удивительно сродни персонажам заставок древнерусских книг и всему строю древнерусской изобразительной сказочности.

Резчики-реалисты среди сицкарей — редкость.

Такими были Абросимовы из деревни Копань. Потомственные резчики, последний из которых — Афанасий Григорьевич Абросимов, работавший в 30-е годы, они резали коней и птиц очень натуралистично, с наивной точностью передавая очертания фигуры и характер животного. Но такая работа у сицкарей встречается редко.

Зато сказочные решения — множественны. Самым знаменитым резчиком в этой манере, а может быть,

и вообще самой крупной фигурой среди сицкарей-резчиков был Федор Тимофеевич Кудрявцев из деревни Рысье, работавший до 40-х годов нашего века. Кудрявцев увенчал своим творчеством поиски сицкарей в украшении построек. Автор рукописной «Книжки для резьбы узоров по постройке домов плотницкой части», он разработал более трехсот проектов оформления домов, не повторяющих друг друга.

Книгу свою он составлял с 1907 года до конца 20-х годов. И значительная часть сицких «вырезов» есть не что иное, как повторение иливольное трактование разработок Кудрявцева, охотно дававшего другим свою рукописную книгу или копировавшего узоры из нее для других мастеров.

Изящность и сказочная стилизация узоров Кудрявцева снискали ему популярность, и сейчас исследователям резьбы сицкарей нелегко определить, где же рука самого Кудрявцева, а где работа его многочисленных подражателей и последователей. Особенно богата резьбой на зооморфные темы деревня Соколя, здесь много домов с интересными наличниками и карнизами.

Много ажурной, с фантастическими образами резьбы щедрой рукой рассыпали сицкари в городах и селах Ярославского и Тверского краев, много ее и в самой стране сицкарей. И дивит наблюдателя яркий контраст двух творческих миров в каждом доме сицкаря: снаружи — филигранный и ажурный, внутри — мощный и тяжеловесный.

Внешнее убранство, словно дорогой покупной покров, брошенный на быт, по-прежнему живущий старыми понятиями и образами, — единство двух этих начал составляет едва ли не самое любопытное в творчестве обитателей страны сицкарей. Двуетное начало кроется и в самих изделиях «второго течения». Работая на заказ, сицкари пользовались обширной цветовой гаммой, окрашивая резьбу в яркие разнообразные цвета. А строя у себя на Сити, неизменно пользовались одним и тем же приемом: алым красили фон, а резьбу оставляли некрашеной, подлинно древесного природного облика.

Творческая работа «второго течения» жива и сейчас. Плетение из бересты отошло еще в 30-е годы, ткачество — еще раньше, а работа по дереву и сейчас дает немало интересных проявлений. Промысла, мас-

*мастер
современной сицкарской
домовой резьбы
Г. В. Масленников.
Деревня Глинник*

*Дом Масленниковых
в деревне Глинник.
Фрагмент.
Начало 80-х гг. XX в.
Мастер Г. В. Масленников.*

→

сового занятия давно нет, на заказ работают очень редко, но резьба для себя, для знакомых еще есть. Есть новые интересные решения, а самый признанный сейчас у сицкарей резчик — Геннадий Васильевич Масленников, колхозный электрик из деревни Глинник.

Его дом — лучший пример сегодняшней сицкарской резьбы. Мастер верен традиционной схеме размещения декора, особое внимание уделяя карнизам, фронтонам, крыльцам, пилястрам. Старинная кружевная сицкая работа легко узнаваема. Но немало и нового. Композиция раскованней, смелей. Особенно смел мастер в оформлении пилястр, разместив на них роскошные букеты цветов и трав. В чем-то он изменил традиции, отступив от прежнего чинного узора, резьба его покрупней, чеканность уступила место некоторой рыхлости. Но в живости, динамизме, в смелости поиска сегодняшнему мастеру не откажешь.

7. К НИЗОВЬЮ

И снова дальние картины
(Иль только смутные мечты):
За перелеском луговины,
За далью светлые кресты.

В. Брюсов. Дома.

Страна сицкарей может подарить вам не только встречи с произведениями знаменитых плотников. Здесь есть и памятники иной архитектуры. Знакомиться с ними лучше, идя по правому берегу реки. Сразу, как только вы вступите в пределы обитания сицкарей, у деревни Панкратово, вас поманят к себе церкви, завидневшиеся впереди, на холмах правого берега. И вы направитесь к ним через деревню Горильдово.

В полевой чистоте красиво стоит над рекой село Байловское. Здешняя церковь Введения, удачно поставленная у ската берегового холма, издали выглядит весьма значительной. Неспешно приближаясь к ней, можно долго любоваться традиционным пейзажем, не утратившим здесь своего исконного обаяния.

Церковь 1797 года в Байловском была серьезно перестроена в конце XIX века, и перед нами предстает храм в неорусском стиле. Не в пример церкви в Станилове он сдержан и суховат в деталях. Композиционно он повторяет большинство церквей средней и нижней Сити: колокольня, трапезная, четверик с пятиглавием.

Наиболее удачная и органичная часть постройки — это колокольня. Три ее уменьшающихся кверху четверика, оформленные по углам пилястрами (нижний)

*Церковь Введения
в селе Байловском.
1797, перестроена
в конце XIX в.*

и полуколонками (два верхних), увенчаны цилиндрическим круглым барабаном с неожиданными крохотными люкарнами.

В трех люкарнах помещены циферблаты часов. Люкарны, словно крохотные домики, довольно забавны и по-провинциальному разнообразят облик колокольни. Может быть, они являются неким воспоминанием о более раннем храме, XVIII века, где часы, должно быть, имелись.

Четверик с пятиглавием выполнен с хорошим знанием кирпичной кладки и воспринимается значительно более грамотно выстроенным, чем одновременная ему церковь села Правдина, но перед церковью, что мы видели в Станилове, начисто проигрывает сухостью облика и некой чрезмерной гладкостью исполнения. Лишь наличники с замковыми камнями в клинчатых перемычках выделяются на фасадах,

*Пожарка
в деревне Копань.
20-е гг. XX в.*

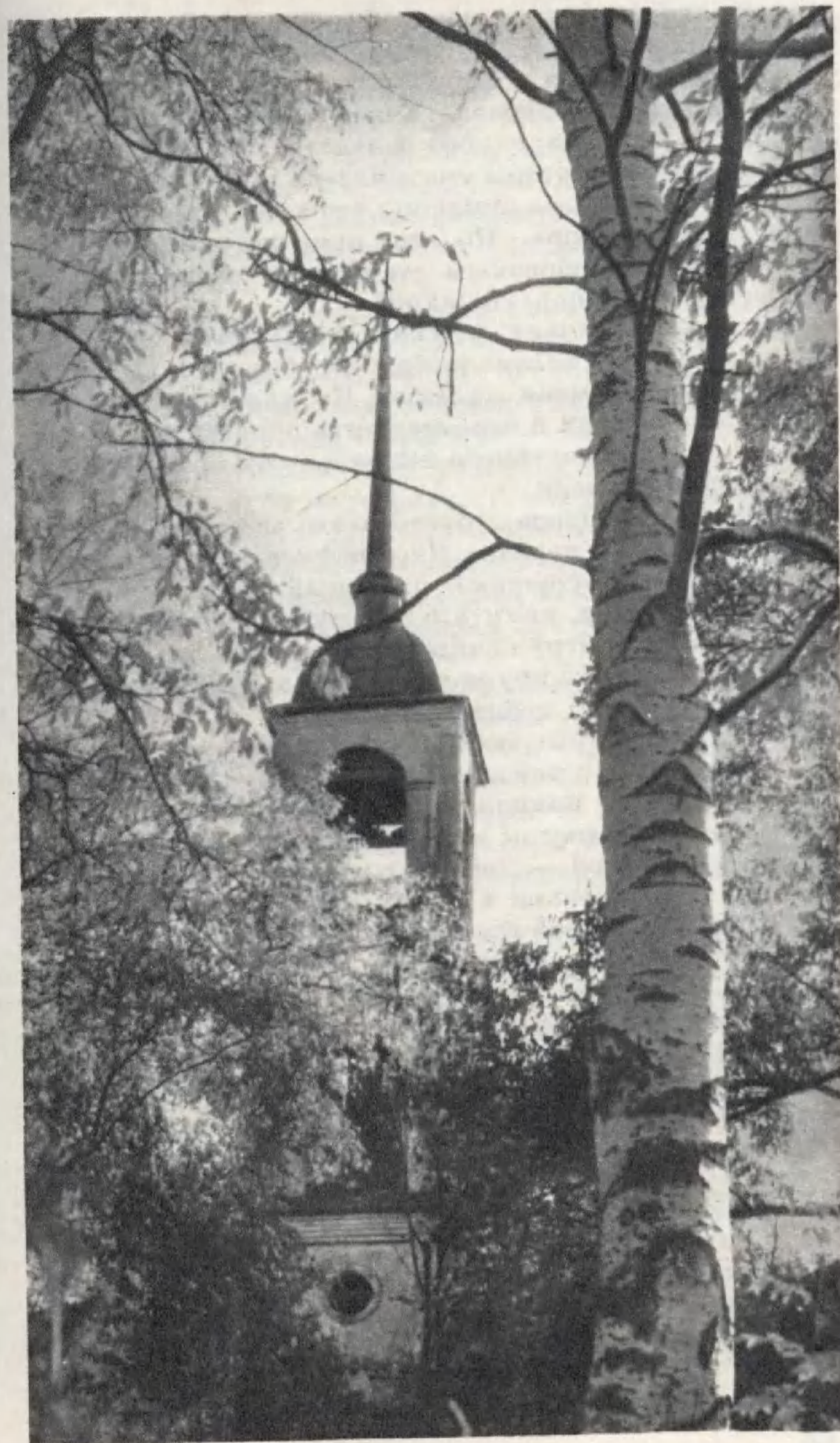
*Церковь
Архистратига Михаила
в селе Семеновском.
1805. Колокольня*

→

да с севера и юга есть робкие, прижатые портики в высоту первого яруса.

Невольно думаешь, что неуверенность в творческих силах мешала строителям церкви Введения отойти от невыразительных решений. Но ведь и многие другие церкви неорусского стиля именно этим несчастливы: чрезмерной гладкостью, идеальной соразмерностью, стандартностью элементов декора, словно изготовленных на фабрике. В них — ни рукотворности изделия, ни пульсации поверхности, ни живости, рождающейся, как ни странно, от «тайны неточности». Не многие церкви этого направления обладают «тайной неточности», не такова и церковь в Байловском. Но едва отойдешь от нее, как, не видя деталей, вновь любишься общим видом, вновь замечаешь, как она обогатила и украсила пейзаж.

Недалеко от села, на реке, недавно еще сохранялся

интересный памятник поздней сицкарской работы — колхозная ГЭС. К сожалению, этот памятник народного строительства и народной инженерии не уцелел.

Но за рекой, в деревне Копань, есть постройка из той же области народного зодчества. Издали она заявляет о себе силуэтом смотрильни, а чем ближе подходишь, тем больше думаешь, что здесь уцелел какой-то «осадный двор». Но это, конечно, не «осадный двор». Это своеобразным старинным острожком построена деревянная «пожарка».

Вышка-смотрильня, глухие стены амбаров, узкие окна, железное колоколообразное било — все живо напоминает времена далекие. Но для сицкарей, нередко мысливших в строительстве образами, сложившимися чуть ли не триста лет назад, эти времена были не слишком далеки.

Впрочем, народное строительство заявляет о себе и в малом. Так, в деревне Яковлевское может удивить возле пруда игрушечный рубленый домик. Он всего на восемь рядов, капитальной рубки, мшёнй, теплый. И впрямь игрушечный? Нет, в нем насос стоит, качающий воду из пруда в дом. Это автономный водопровод у сицкаря действует.

Большие и малые постройки плотницкого дела ни вид деревни, ни пейзаж края испортить не могут, они — родное, природное. На Сити традиционный пейзаж еще во многом цел. Вот впереди как раз один из сельских видов — церковка и домик в купе деревьев, одни-одинешеньки в полях над Ситью.

В стране сицкарей всего три церкви: в Байловском, Семеновском, Сить-Покровском. Это очень разные постройки. Мы приближаемся к крохотному селу Семеновскому и все ясней видим его церковь Архистратига Михаила. Пять маленьких аккуратных главок храма дружно поднялись над невысоким четвериком. Колоколенка невысокая, легонькая. Храм, что мы встретили в Семеновском, отличается от других, и, чем ближе мы к нему, тем живописней он выглядит. Здание неожиданно оказывается обширным. Но велико оно лишь по ширине. Не сразу понимаешь, что оно не столько перестраивалось, сколько достраивалось. Делалось это не раз, и теперь оно стало таким, каким мы его видим. Если в Станилове и Байловском от первоначального облика церквей мало что осталось, то здесь добавления не скрыли первоначального. И

этот «первый вариант» ясно виден и сейчас. Четверик с изящным пятиглавием и округлой апсидой, накрытой граненой крышей, имеет фронтонные завершения всех четырех фасадов. С севера и юга фронтонами завершены невысокие пилястровые портики. Мало выступающие из плоскости пилястры и окно «бычий глаз» — главные элементы декора фасадов. Им вторят ниши под окнами каждого яруса, фриз с филенками.

Маленький двусветный храм 1805 года очень скромный, но приятен хорошей соразмерностью своих частей и аккуратностью исполнения. Впрочем, при достройке без забавных провинциализмов не обошлось. С юга строители, учитывая возведение трапезной, более широкой, чем четверик, сдвинули вход из центра портика к самому углу четверика. Тут и устроили простоватое крылечко на двух толстеньких колоннах.

Однако пристройка к трапезной придела вновь осложнила положение: крыльцо стало еще забавней, потому что одна из его колонн почти полностью утонула в стене придела.

Сельский мир старался улучшить свою церковку, не отстать от соседей. Подняли выше колокольню, устроили трапезную, расширили ее, возвели приделы. Часть прежних стен исчезла, часть связали с новыми. Низ колокольни оказался в массе новой постройки, а вход на нее пришлось вынести наружу, остроумно встроив лестницу в западную стену северного придела.

Достройки велись не менее четырех раз. Самые значительные работы проводились в 1873 году на средства крестьян деревни Княгинино и в 1868 году на средства жителей деревни Михайловское.

В результате этих построек появилось здание живописное, но очень наивное, пытающееся выглядеть значительным. Единства, разумеется, нет, первоначальный храм отличается своей «правильностью», а четырехстолпная постройка трапезной — причудливый результат желаний сельского мира и умения артели каменщиков.

Артель, кстати, не из лучших, почерк многих каменщиков не окрепший, кирпич тоже не лучшей формовки. Но парадоксальный результат: в байловской церкви при едином замысле и более умелых строителях нас не покидает чувство монотонности, сухости.

А здесь при бедности заказчиков и меньшей мастеровитости все делалось очень непосредственно и искренне, и это способно растрогать.

С берега от Семеновского за Ситью как на ладони видна обширная панорама заречья. Грозно вздыбился лесистый мыс древнего городища между деревнями Городище и Игнатово. Есть мнение, что именно здесь, на крутых склонах и напольной стороне городища, отгремел последний гром Ситской битвы, что здесь полегли владимирская, ростовская, ярославская и юрьевская дружины.

Еще ближе к Семеновскому хорошо видна группа больших курганов, в которых Н. П. Сабанеев открыл захоронения воинов со многими тяжелыми ранами и увечьями. Полагают, что здесь заступ археолога потревожил прах участников древнего сражения.

От Семеновского красивая тропа ведет к Сить-Покровскому. А его церковь Покрова давно у нас в глазах. Лишь только мы вступили в пределы страны сицкарей, как увидели еще от Горильдова что-то невероятно высокое и большое. Даже высоченные деревья возле этой постройки ничтожны для такой вышины. Это колокольня храма в Сить-Покровском.

Рассматривая старинные фотографии храма, любясь запечатленным на них стремительным взлетом колокольни, удивляешься, насколько изменился характер и облик здания, утратившего при недавнем пожаре главу и шпиль колокольни. Вместо стремительного взлета — неслыханное напряжение в преодолении земного тяготения. Храм столицы страны сицкарей уже по своим размерам — незаурядная постройка. Его видно со всех сторон земли сицкарей, и с него видны все их селения.

В Сить-Покровском немало хороших сицкарских построек. Привлекают внимание бывший хлебный лабаз, здание кредитного товарищества, дом волостного правления. Дом правления особо любопытен. Нижние завершения карнизных фестонов резчики стилизовали скорей под якоря, чем под привычный крин, в декор ловко включили двуглавых орлов старого герба, определенно указывая, что здание имеет официальный характер. Но сделали это по-своему, по-сицкарски.

И все-таки самое заметное в Сить-Покровском — это церковь. И чем больше всматриваешься, прибли-

Церковь Покрова
в селе Сить-Покровском.
1808

жаясь к ней, тем больше понимаешь, что едва ли не главная задача заказчиков и строителей заключалась в ее масштабности и декоративном богатстве.

Все в ней велико, все внушительно, по размерам она не уступает соборам таких ярославских городов, как Петровск и Пошехонье, даже превосходит их. Церковь, возведенная в 1808 году, безусловно была престижна. Здешние торговцы, сицкие артельщики, простые судостроители и плотники вложили в нее средства, стараясь, чтобы получилось «самое лучшее». Церковь вознеслась над долиной Сити, претендуя быть самым лучшим украшением страны сицкарей.

Построенный по трехчастной схеме (четверик, трапезная, колокольня) храм кажется все более величественным, чем ближе подходишь к нему. И, пораженный размерами, не сразу обращаешь внимание на детали.

*Церковь Покрова
в селе Сить-Покровском.
1808. Апсида*

Четверик украшен широкими рустованными пилястрами, фасады его завершены такими же широкими деревянными фронтонами. Прием завершения каменных церквей деревянными конструкциями известен в западной части Ярославщины. Пожалуй, наиболее интересные примеры этому прослеживаются в селах Егорьевское, Кривец, Ковезино Мышкинского района.

Менее масштабно дерево применено и здесь, на церкви Покрова. Но хотя в этой работе сицкари, как всегда, были аккуратны, сочетание дерева с каменной кладкой на этот раз удачным не назовешь.

Пятиглавие, высокое, стройное, несет кресты роскошной кузнечной работы — одно из лучших украшений храма. Довольно сложные наличники, идущие от образцов XVIII века — наличников «с ушами», — обрамляют окна и организуют плоскости стен.

Протяженная трапезная почти лишена декора. Зато колокольня представляет собой парад декоративных решений и одновременно денежных возможностей заказчика. Поражают громада из четырех убывающих вверх поставленных друг на друга четвериков, на редкость объемные детали. Цокольная кладка выполнена из гранитных блоков по два метра длиной. На паперти идущая чуть не в рост человека, она влияет на сознание циклопичностью материала, значительностью приложенных здесь людских усилий.

Все это внушает уважение к сицкарской силе, сицкарской казне, к сицкарскому размахистому надела характеру. Силища великая чувствуется в кладке цоколя. А дальше тяжелая мощь ярусов грузно взмывает в небо.

Коринфские колонны по сторонам каждого яруса с заметным сужением кверху вторят мощно движению вверх всей постройки.

Но заказчикам было этого мало. И колокольню снабдили обильным декором. Взгляд устает от бесчисленной лепки. Она — по фронтонам, сандрикам, в завершении четвериков над арками ярусов, в нишах. Тут все: религиозные символы, геометрические орнаменты, «лабиринты», розетки, «овы», пальметки, виноград, стрелы, акант. Все говорит, даже кричит об умениях и возможностях строителей. Сильные образы долго не уходят из памяти. А этот — сильный и в то же время спорный. Как воспринимали его сицкари? Вопрос не прост. Они в своих постройках тоже увлекались декором, даже доходя до крайней степени перенасыщенности им здания.

Здесь много высококвалифицированной работы каменщиков, плотников, кузнецов и других мастеров строительства. Они все потрудились усердно, а уже одно это рождало уважение в душе труженика сицкаря. Сицкарям, наверно, была любя эта церковь. Она — словно некий гимн людским способностям.

За Покровским есть еще одно городище, где раскопки тоже потревожили кости древних воинов, что погибли в сражении. И здесь скелеты хранят следы ударов холодным оружием.

В деревне Старое Мерзлеево когда-то был интересный памятник сицкарского строительства — пильная мельница (лесопилка). Здесь кончалось строи-

Памятник
землякам — участникам
Великой Отечественной
войны. Село Брейтово

тельство судов. А сейчас Старое Мерзлеево на Сити знаменито всего более творчеством здешнего поэта Александра Ситского. В его книжке стихов, вышедшей в Ярославле, немало хороших строк о родной деревне, ее людях, Сити.

За деревней Турбаново край сицкарей кончается. Близко Рыбинское водохранилище, по-здешнему — море. И селения имеют вполне приморский колорит. У домов — лодки, снасти, моторы, в разговорах все более упоминают о ловле, неводах, рыбозаводе. А Брейтово, маленький райцентр, — это уже явно приморский поселок.

Брейтово — старое село, принадлежавшее в свое время Шуваловым и Голицыным, — было известно старинным производством салфеток и полотен, а также посещением его императором Павлом. Но от старого Брейтова не уцелело почти ничего, море оттеснило

его от прежнего места. Поселок Брейтово совсем новый.

Здесь есть памятник первому трактору района, памятники историко-революционному прошлому и памятник боевой славе, землякам — участникам Великой Отечественной войны.

А еще недавно был здесь и памятник гораздо более старый и весьма редкий. Прямо против общественного центра Брейтова, на Черкасовском острове, возвышалась деревянная ярусная церковь Троицы, интересное произведение плотников-сицкарей. Высокий, в два света рубленный основной объем храма — пирамида из трех убывающих вверх четвериков, шатрик и главка. Этот памятник 1769 года хорошо говорил и о зданиях такого типа, и о строительном мастерстве сицкарей.

В Брейтове есть крохотный музей, работающий на общественных началах. В нем — любопытные материалы по истории края, рассказывающие о Брейтовской республике, созданной в 1918 году.

А еще Брейтово примечательно своим приморским характером, чистенькими улочками, выходящими к голубому простору Рыбинского водохранилища. С некоторых улочек видна и Сить, здесь завершающая свой путь. Здесь мы с ней и расстанемся.

Вместо эпилога

Вот и закончилось наше с вами путешествие. Из Брейтова вы можете поехать куда вам нужней и как вам удобней.

Если поплывете на «Метеоре», то повидаете Рыбинское море, самое большое из рукотворных морей. Если изберете автобус, то перед вами у моста еще раз блеснет Сить, река, на которой наши предки сложили головы, полегли так, что ни свидетелей, ни рассказчиков не осталось. Так и записали летописцы, что «полки ступишася и бысть сеча зла...»²⁸.

В. В. Каргалов считает, что долгая осада Торжка объясняется как раз тем, что значительная часть сил врага была отвлечена на Сить. И это замедлило боевые действия в Новгородской земле, а начавшаяся потом ростепель принесла спасение Новгороду и другим северным и западным русским городам и землям. Спасение, купленное большой кровью Сити. Только сейчас начинают осознавать это значение забытой жестокой битвы среди лесов и болот.

И сейчас еще мало известно о лесном народе сицкарей, каплей влившемся в могучую реку великорусской нации и прибавившем ей своеобразие и неповторимости.

Скажите «до свидания» реке древней трагедии, реке загадок и тайн, реке мастеровитых, хороших людей, краю простых и прекрасных родных картин. Не говорите «прощай». Скажите «до свидания». Это хранит в себе обещание новой встречи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание русских летописей, т. 1, с. 198.
- ² Там же, т. 7, с. 141.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же, т. 1, с. 518.
- ⁵ Там же, с. 519.
- ⁶ Там же, т. 10, с. 109—110.
- ⁷ Там же, т. 1, с. 519.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Преображенский А. Волость Покрово-Сицкая. — «Этнографический сборник». Т. 1, 1853, с. 4.
- ¹⁰ Цит. по: Преображенский А. Волость Покрово-Сицкая, с. 34.
- ¹¹ Путевые заметки профессора Погодина по некоторым внутренним губерниям. — «Москвитянин», 1848, № 12, с. 113.
- ¹² Храмовданная грамота секунд-майора Н. Д. Скрипицына. — Архив Мышкинского народного музея, д. № 1849.
- ¹³ Цит. по: Епископ Агафедор. Воскресенский храм и его приход. Ставрополь, 1906, с. 59.
- ¹⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 40. Спб. 1897, с. 866.
- ¹⁵ Цит. по: Епископ Агафедор, с. 65.
- ¹⁶ Герчук Ю., Домшлак М. Художественные памятники Верхней Волги. М., 1968, с. 80.
- ¹⁷ Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество. Гражданское зодчество. М., 1983, с. 134.
- ¹⁸ Временник Ярославского Демидовского юридического лицея. Т. 45. Ярославль, 1887, с. 444.
- ¹⁹ См.: Критский П. Наш край. Ярославль, 1907.
- ²⁰ См.: Преображенский А. Приход Станиловский на Сити Ярославской губернии Мологского уезда.
- ²¹ Мусин-Пушкин С. Очерки Мологского уезда. Ярославль, 1902, с. 12.
- ²² Критский П. Наш край, с. 50.
- ²³ См.: Золотарев Д. Описание города Рыбинска. Рыбинск, 1910, с. 41.
- ²⁴ Преображенский А. Волость Покрово-Сицкая, с. 29.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же, с. 7.
- ²⁷ Там же, с. 25.
- ²⁸ Полное собрание русских летописей, т. 1, с. 519.

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

- Абак (абака)** — верхняя плита капители колонны, полуколонны, пилястры.
- Восьмерик** — сруб с восемью стенами.
- «В елку»** — способ обшивки сруба тесом. Тес при нем нашивается не вертикально и не горизонтально, а примерно под углом 45—60 градусов в двух направлениях. Каждая тесина, верхней частью встречаясь с другой, образует как бы треугольник или обобщенный силуэт елки.
- «В иглу»** — вид соединения бревен в углах сруба, при котором верхний конец бревна соединялся с нижним способом «в простую чашу» (см.), а другой затесывался с двух сторон и вставлялся в паз, сделанный в боку другого бревна. Способ хорош тем, что на сруб можно использовать и короткий лес, но надежность сруба хуже, чем при способах «в крюк», «в чашу» («в простую чашу»), «в прямую и косую лапу». Способ «в иглу» вышел из употребления на Сити.
- «В косую лапу»** — способ соединения бревен в углах, при котором концы бревен не выходят за внешнюю плоскость стены. Применялся при строительстве многогранных сооружений, в срубах — шестериках и восьмериках.
- «В крюк»** — вид соединения бревен в углах сруба. Для него в чаше нижнего бревна делается вырез, в который входит такой же выступ верхнего бревна. Такой способ исключает любое движение бревен в горизонтальной плоскости и среди плотников считается самым надежным.
- «В насадку»** — способ скрепления бревен при строительстве мостов, плотин, светелок и прочих сооружений, где используются столбы (стойки, опоры). При таком способе в нижнем (вертикальном) столбе делается на верхнем конце шип, а верхнее (горизонтальное) бревно продабливается или просверливается и надевается (насаживается) на шип нижнего.
- «В погон»** — соединение бревен в углах особым способом, когда затесанные концы одного бревна вставляются в пазы в боковых сторонах других двух бревен. Способ, использовавшийся сицкарями только при ведении ими строительства в Тверской

губернии. Из всех способов соединения бревен в углах срубов считается самым экономным в использовании леса, но самым недолговечным, хуже всего обеспечивающим крепость сруба.

- «В простую чашу»** — способ соединения бревен в углах, при котором в одном бревне (чаще в нижнем) вырубается полукруглая выемка по объему другого бревна (чаще всего верхнего). Концы бревен при таком соединении выходят за пределы внешней стороны стены. Общепринятое в литературе название этого способа — «в обло с остатком».
- «В прямую лапу»** — способ соединения бревен в углах, при котором концы бревен не выходят за пределы внешней плоскости стены. Концы бревен, как и при способе «в косую лапу», соединяются потайным зубом. Применяется такой способ при рубке четырехстенных срубов, четвериков.
- Глухая резьба** — выполняется стамеской или долотом в массе доски или бревна без проникания инструмента насквозь.
- «Изюминки»** — мелкие продолговатые углубления, выбранные в массе доски или бревна стамеской или долотом.
- Калёвка** — вид рубанка, которым обрабатывают не всю плоскость заготовки; а боковую часть ее.
- Клеть** — крытый прямоугольный сруб.
- Кокора** — часть дерева с одним большим корнем.
- Кокошник** — в древнерусской архитектуре декоративная форма криволинейных очертаний, напоминающих старинный женский одноименный головной убор.
- Круглый дом** — дом с крышей по-круглому (см.).
- Крыша-«копна»** — круглая крыша, собранная на стропилах, сильно выгнутых наружу. Тяготеет по форме к полусфере, но очертания мягче, свободней, внешнее сходство с копной сена очень точное.
- Крыша по-круглому** — четырехскатная крыша дома, не имеющего фронтов.
- Крыша под тесом в желоб** — вид крыши, применяемой чаще всего на домах с бревенчатым фронтоном. Тесовая кровля крепится вверху охлупнем (см.), а внизу упирается в деревянный желобводотечник.
- Лавы** — легкие мостики через речки. Чаще всего

это пешеходные мостики. Устраиваются на столбах, кольях или плотах.

Лопастка (лопаска) — верхняя украшенная часть прялки, к которой прикрепляется материал для прядения (куделя, шерсть, пух).

Меандр — тип геометрического орнамента, имеет вид линии, сломанной под прямым углом.

«На ус» — способ соединения теса при обшивке срубов. При нем тесины нашиваются горизонтально, верхняя немного набегаёт на нижнюю, в этом месте сделанную потоньше (подстроганную).

Некось — грубая, высокая, негодная для покоса перестоялая трава.

Отборник — вид рубанка для обработки не всей поверхности заготовки, а боковой части ее. В отличие от калёвки резец его не фигурный, а всегда прямой.

Охлупень — бревно с желобом, венчающее крышу в деревянной архитектуре.

Подзор — резная доска с узором по нижнему краю. Устанавливается под скатами кровель.

Потайной зуб (потайной замок) — небольшой прямоугольный выступ в верхнем бревне, входящий в вырубленное для него углубление нижнего бревна. Применяется для большей прочности угловых связей, соединений, чаще всего при рубке «в прямую и косую лапу». Встречается и в соединениях фронтовых бревен, хотя там чаще применяются шканья (шканы).

Причелина — доска, прикрывающая торцы бревен-слег. Часто украшена резьбой.

Пропиловка — вид сквозной резьбы. Выполняется специальной пилой.

Раскосы — вспомогательный элемент конструкции крыши, ставящийся наклонно, упирающийся одним концом в низ конструкции, а другим концом в верх соседней. Усиливает прочность сооружения.

Самцовая (и безгвоздевая) крыша — в этой крыше тес кладется на горизонтальные бревна-слег (см.). Концы слег врублены в поперечные стены сруба, или самцы.

Самцовый фронтон — бревенчатый фронтон.

Слеги — бревна, образующие при самцовом фронтоне подкровельную конструкцию.

Слухи — окошечки в карнизе или фронтоне.

Трехгранно-выемчатая резьба — вид глухой резьбы. Элементы выполняются выборкой материала из массы заготовки, когда резец, начиная движение с трех разных точек, заканчивает его каждый раз в одной и той же точке.

Укосина — подпорка к столбу, ставящаяся наклонно.

«Царские дрова» — так на Сити и во всей западной части Ярославской области называют ольховые дрова.

Чаша — полукруглая выемка в бревне (чаще в нижнем) для укладки в него другого бревна при их угловом соединении.

«Черный потолок» — настил по потолочным балкам из толстых плах или протесанных бревен, не видный снизу (снизу он прикрыт чистым тесовым потолком).

Шестерик — сруб из шести стен (шестигранник).

Шкан — соединительный деревянный элемент (короткий брусочек); его вставляют в специально вырубленные короткие пазики (гнезда) верхнего и нижнего бревен при сборке простенков и фронтонов.

Шканить — соединять бревна шканьями (шканами).

Яз (ез) — частокол или плетень поперек реки с вершей (плетенной из прутьев ловушкой) для ловли рыбы.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Верхне-Волжская этнологическая экспедиция. Л., 1926.
2. Временник Ярославского Демидовского юридического лицея. Т. 41—48. Ярославль, 1887.
3. Герчук Ю., Домшлак М. Художественные памятники Верхней Волги. М., 1968.
4. Головицкий К. Город Молога и его историческое прошлое. Ярославль, 1889.
5. Готье Ю. Замосковский край в 17 веке. М., 1937.
6. Древнейшее жилище народов восточной Европы. М., 1975.
7. Епископ Агафедор. Воскресенский храм и его приход. Ставрополь, 1906.
8. Зверинский В. Материалы для историко-этнографического исследования о монастырях в Российской империи. Спб., 1890.
9. Золотарев Д. Описание города Рыбинска. Рыбинск, 1910.
10. Иванин. О военном искусстве и завоеваниях монголов. Спб., 1846.
11. Историко-статистический обзор Ростово-Ярославской епархии. Ярославль, 1860.
12. Каргалов В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966.
13. Критский П. Наш край. Ярославль, 1907.
14. Любавский М. Образование основной государственной территории великорусской народности. (Заселение и объединение центра). Л., 1929.
15. Мейчик Д. Грамоты 14 и 15 веков Московского архива Министерства юстиции. М., 1883.
16. Мусин-Пушкин С. Очерки Мологского уезда. Ярославль, 1902.
17. Никольский Ф. Путеводитель по Ярославской губернии. Ярославль, 1859.
18. Ополовников А. Русское деревянное зодчество. Гражданское зодчество. М., 1983.
19. Полное собрание русских летописей, т. 1—2.
20. Преображенский А. Волость Покрово-Сицкая. — «Этнографический сборник». Т. 1, 1853.
21. Преображенский А. Приход Станиловский на Сити Ярославской губернии Мологского уезда.
22. Производительные силы Ярославской губернии. Ярославль, 1926.

23. Районы Ивановской промышленной области. Иваново, 1933.
24. Рождественский В. Служилое землевладение в Московском государстве 16 века. М., 1897.
25. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Спб., 1900.
26. Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.
27. Сабанеев Н. Описание курганов Мологского уезда. Ярославль, 1868.
28. Троицкий И. Памятная книжка Ярославской губернии. Ярославль, 1862.
29. Труды Императорского Московского Археологического общества. Т. 1—3. М., 1881.
30. Труды Ярославской ученой губернской комиссии. Ярославль, 1909, 1914.
31. Установление советской власти в Ярославской губернии. Ярославль, 1957.
32. Ярославский край. Труды секции краеведения. Ярославль, 1928.
33. Ярославский край. Ярославль, 1930.